

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

9 '87

ТЕБЕ,

РЕВОЛЮЦІЯ!

Временное правительство низложено. Государ-

ственная власть
Петроградскаго Совѣта
Военно-
возглавленъ Петр

Дѣло, за ко-
ложение демокр
собственности на
ствомъ, создан
дѣло обезпечено.

**ДА ЗДРАВСТВ
И КРЕСТЬЯНЪ!**

на Петро-
въ Депута-
стоящаго
рнизона.

ное пред-
тѣщицей
производ-
— это

ИДАТЬ

революціонный Комитетъ
при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ

Н. ТОЛМАЧЕВ.
Фрагмент чугунной мемориальной доски,
1920.
Екатеринбург.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
Организации
и СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Издается с апреля 1958 года

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

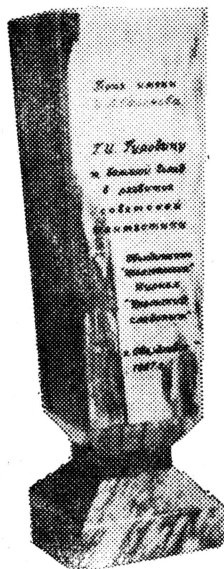
9 '87

В НОМЕРЕ:

- 2/ Г. Сайтов
ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ
- 3/ В. Плешаков
ПАМЯТНИК В ТУЛЬСКОМ КРЕМЛЕ
- 4/ УШЕДШИЕ, ПОДЫМАЙТЕСЬ, ГОДА!
- 6/ Б. Вайсберг
ДЕТЯМ ДО 16
- 10/ ВЕЛИКИЙ ПРИМЕР
- 14/ Л. Сорокин
ГЛЯДИТ РОССИЯ НА МЕНЯ... Стихи
- 15/ Н. Гайдук
ПОЛЫНЬ ДАЛЕКАЯ. Рассказ
- 24/ П. Ивонинский
ГОРОД, КОТОРОГО НЕ БЫЛО. Фантастический рассказ
- 29/ С. Макеев
СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ. Рассказ
- 32/ Г. Зайцев
КРАМСКОЙ И КОРЗУХИН
- 33/ В. Привалихин
ПЕРЕСАДКА НА УЗЛОВОЙ. Повесть
- 54/ А. Абрамов
ПОЕДИНОК В МИРНОМ НЕБЕ
- 56/ В. Бугров
СВЕРДЛОВСК: «Аэлига»-87
- 58/ А. Иванов
АТАМАН АЛЕНА АРЗАМАССКАЯ
- 59/ М. Рафиков
ТАГИЛЬСКИЙ МАЛАХИТ
- 61/ А. Костерина
РАБОЧИЕ ТЕАТРЫ
- 61/ С. Захаров
ПОКОРИТЕЛИ ОГНЯ
- 62/ А. Печерский
СТОНЕТ... КУРГАН
- 63/ А. Одинцов
ФЕНОМЕН ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА
- 64/ В. Нестеренко
БЫЛ ЛИ СЕМЕНОВ ШТИРЛИЦЕМ?
- 67/ М. Михайлов
ПЕРВЫЙ ПАРОВОЗ РОССИИ
- 67/ К. Лаува
ОСТРОВ ЧУДЕС
- 68/ Н. Чемезов
ОПАЗДЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ. Повесть
- 74/ И. Беляев
ПОГОВОРИМ ЕЩЕ О ТРАВАХ
- 76/ В. Миронов
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА. Октябрь
- 78/ МИР НА ЛАДОНИ

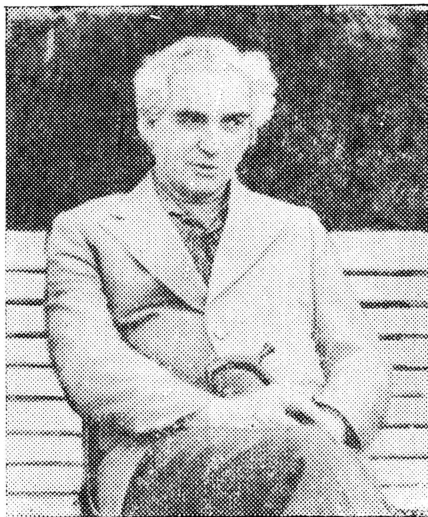
На 1-й стр обложки рисунок Ольги Горячевой

© «Уральский следопыт», 1987 г.

Отмечая 80-летие со дня рождения Ивана Антоновича Ефремова, чьи произведения вывели советскую фантастику на новые рубежи, журнал «Уральский следопыт» и объединение «Уралгеология» учредили совместно приз имени И. А. Ефремова. Он будет вручаться ежегодно за вклад в развитие советской фантастики.

В этом году приз имени И. А. Ефремова присужден Георгию Иосифовичу Гуревичу.

Георгий Иосифович Гуревич —
первый лауреат приза
имени И. А. Ефремова.

**К 70-ЛЕТИЮ
ОКТАБРЯ**

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Гариф САИТОВ

На Тихвинское кладбище Смоленска Вячеслав Антонович Дзяворук и его внучатый племянник приехали в полдень. После недолгих поисков Виктор коротко сказал:

— Здесь!

Вячеслав Антонович характерным движением трости, отличающим слепых людей, коснулся могильной ограды.

— Прочти, Витя, что написано на памятнике.

— «Василий Андреевич Калашников. 1853—1935. Первый учитель В. И. Ульянова (Ленина)».

В смоленской средней школе № 15, ребята которой ухаживают за могилой Калашникова, Вячеслава Антоновича ждали. Как только смолкли аплодисменты, директор школы Т. Бондарева представила его ребятам:

— У нас в гостях ветеран труда Вячеслав Антонович Дзяворук. Приехал он из города Первоуральска Свердловской области. Как видите, приехал издалека. И все-таки Вячеслав Антонович наш, смоленский. Здесь про-

шли его юность и молодость. Здесь в далекие двадцатые годы он состоял в обществе друзей советского кино, которым руководил Василий Андреевич Калашников. А сейчас наш гость расскажет о встречах с первым учителем Ленина.

...1926 год. Смоленск. В летнем саду, прямо на свежем воздухе, закончился очередной сеанс «великого немого». Возле кинопроектора — Вячеслав Дзяворук. По правде сказать, он не профессиональный киномеханик, а электрик местной катушечно-чулочной фабрики. Синематограф же — это так, увлечение.

К Вячеславу подошел юноша, примерно, его лет и безо всяких обиняков предложил:

— Слышь, пошли к нам в общество друзей советского кино. У нас три группы: политическая, актерского мастерства и подготовки киномехаников. Одно худо — некому готовить киномехаников. Взят бы ты их на себя, что ли, раз соображаешь в этом деле... Ну как?

Молчание Дзяворука он расценил как колебание, поэтому для вищей убедительности добавил:

— А председателем у нас Василий Андреевич Калашников. Он самого Ленина учил!

На собрание общества Вячеслав не шел — летел. Легко перезнакомился с ребятами и с нетерпением стал ждать появления председателя.

А вот и он, первый учитель Ленина! Возраст — явно за семьдесят. Роста среднего. Сложен плотно. Седая борода. Острый взгляд из-под кустистых бровей.

Василий Андреевич обошел всех участников собрания, многие из которых годились ему во внуки, и крепко пожал каждому руку...

— Как вы думаете, почему старый учитель Калашников стал председателем общества друзей кино? — спросил я Дзяворука.

— Однажды мы отважились спросить Калашникова, действительно ли он учил Владимира Ильича Ленина. После долгой паузы, насунив брови, Василий Андреевич сказал торжественно и сурово: «Нет, Ленина я не учил, а учил Володю Ульянова. Русской словесности и арифметике. А Ленин... Это Учитель миллионов. И я, как многие, — его прилежный ученик».

С каким жаром они спорили о киноискусстве! Клеймили фильмы, которые вводили зрителя от жгучих проблем современности, и возносили другие — за пафос революционной борьбы. И каждый раз последнее слово оставалось за Василием Андреевичем Калашниковым. «Кино, как и книга, — говорил он, — может научить и хорошему, и плохому. Умейте это различать и объяснять людям». Или: «Вы знаете, почему Ленин назвал кино самым важным из всех искусств? Потому, что видел его общедоступность».

Потом жизнь разбросает смоленских друзей советского кино. Переехав в Ленинград, Дзяворук потеряет из виду Калашникова. И только через много лет прочтет о нем в «Воспоминаниях об Ильиче» А. Ульяновой-Елизаровой, в романе-хронике Мариэтты Шагинян «Первая Всероссийская».

...Зима 1942 года. Директор электромашиностроительного завода, эвакуированного из Ленинграда в Новоуральск близ Первоуральска, пригласил к себе Дзяворука и сказал устало:

— Понимаешь, некому кино крутить. А ты, я слы-

В. А. Калашников (в центре с бородой) среди членов общества друзей советского кино (ноябрь 1927 года); самый высокий в верхнем ряду — В. А. Дзяворук

хал, смыслешь в нем. Давай берись за это дело, надо людям настроение поднимать.

— Я когда-то занимался «немым» кино, — ответил в замешательстве Вячеслав Антонович, — а технику звукового не знаю.

Но директор был неумолим:

— Ничего, разберешься. Причем обязанностей старшего мастера с тебя не снимаю.

Нелегко приходилось Дзяворуку. Каждый день 12 часов в механосборочном цехе, а вечером, четыре раза в неделю, два-три киносеанса. И хотя от усталости, недоедания и нервного перенапряжения Вячеслав Антонович едва не валялся с ног, в урочный час он привычно занимал свое место в кинобудке.

Целых 16 лет Вячеслав Антонович совмещал основную работу с обязанностями киномеханика, даже став главным конструктором завода. И сейчас, когда за плечами без малого 80 лет, не замыкается ветеран в себе. До всего ему есть дело. Когда случилась авария на Чернобыльской АЭС, Дзяворук, уроженец Украины, внес в фонд помощи пострадавшим свою месячную пенсию — 120 рублей. Он часто бывает в школах и общедетских Первоуральска, часто рассказывает о первом учителе Владимира Ильича Ленина.

ПАМЯТНИК В ТУЛЬСКОМ КРЕМЛЕ

Рассказ об этом бюсте Карла Маркса, сделанном каслинскими умельцами в далеком 1920 году, следует начать с трагической истории.

...Случилось это 21 октября 1905 года в Туле. Именно тогда в Успенском соборе Тульского кремля проходила торжественная служба, посвященная коронации царя Николая II. Большинство прихожан составляли местная знать, купцы, ярые черносотенцы. После молебна эта фанатичная толпа верноподданных избивала всех «подозрительных» — рабочих, интеллигентов, молодежь.

В кремлевском саду собрались рабочие оружейного, патронного и других заводов и фабрик. На митинге рабочие Тулы приняли петицию. Губернатор обещал навести «мир и спокойствие среди граждан». Но как только рабочие отошли от его особняка, отдал распоряжение полиции и казакам помочь черносотенцам разогнать революционно настроенных демонстрантов. В результате неравной схватки 25 демонстрантов было убито, более ста ранено.

Прошли годы. Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. В городе русских оружейников, на месте кровавой схватки тульских рабочих и черносотенцев, решили установить памятник. Заказ поручили умельцам Каслинского завода на Урале. Формовали отливку знаменитые мастера М. А. Дукаев и М. И. Зацепин. Этот чугунный бюст считается одним из первых памятников Карлу Марксу.

Открытие бюста приурочили к 20-й годовщине кровавых событий у кремлевской стены. С 1925 года он возвышается на главной аллее сада оружейников, вблизи Одолевских ворот древнего кремля. Бюст К. Маркса на белом мраморном пьедестале. У основания — две плиты из красного гранита.

В торжествах принял участие выдающийся деятель рабочего движения член ЦК Компартии Германии Вильгельм Пик.

В. ПЛЕШАКОВ

Ушедшие, подымайтесь, года!

Знайте, граждане,
и в 29-м
длится
и ширится
Октябрьская
Революция.

1917 — 1987

Коротка, разумеется,
смета-платице,
но счет
советской копейки
проверьте,
правильно ль
то, что имеется — тратится,
или
идет в карман и на ветер?

Ленин писал как-то, что будет время, когда из золота, может быть, мы сделаем обстановку в уборных, когда золото перестанет быть меновой единицей — деньгами. А сейчас, когда золото является деньгами, а у нас этого золота необычайно мало, мы должны вести экономию, и во все наши праздники, в том числе и 1 Мая. Пусть он пройдет всюду без каких-либо больших затрат, пусть он будет ярким не золотом, не пышностью, а неподдельным веселием, стройным шагом миллионных масс и трепетом наших старых знамен, прошедших сквозь годы борьбы и строительства; пусть мощь союза города и деревни, мощь социалистического строительства проявит себя в этот день рядом с шагом красноармейских и краснофлотских масс. Мы не можем еще сегодня сделать наш праздник пышным. Чем меньше мы затратим на него средств, тем больше подчеркнем, что поняли задачу дня:

Величайшая экономия в государственных и общественных средствах!

«Маховик», 1926

...Грудью
топок
дышат Тагилы
да трубки
заводов
крянут в Исети.

На 201-м году своей жизни Верх-Исетский завод заработал так, что все нормы выработки мирного времени остались позади. Они уже не являются тем идеалом, к которому мы стремимся, наоборот — они позор. То, что дает сейчас единица оборудования, этого не только не получали старые владельцы, но и не думали, что можно получать. Вот мартен. Он дает в сутки на 13 268 килограммов больше, чем он давал в расцвет своей жизни, в 1913 году...

Верх-Исетский завод на примитивном оборудовании, втиснутом в производство кровельного железа — двухсотлетний старик! — пускает единственный в

Союзе цех производства различных сортов электротехнического железа. Этот день мы называем праздником потому, что с пуском цеха мы порываем еще одну цепь, которая приковала нас к западноевропейским государствам, и в то же время делаем еще один, колоссальных размеров скачок к социализму.

Скоро поползут во все концы Союза листы большемерного динамного железа. Будем верить, что для этих листов откроются двери и соседних капиталистических государств и что они будут там иметь такой же успех, как и советская нефть.

«Округ», 1927

Но чем же победили мы в упорной и долгой битве? Разумом, спиной? Учились мы по грамоте заборной, по вывеске заплеванной пивной... Но мы не дураки. Когда с победой мы вышли из огромного огня, нам было сказано:
«Поди изведай
все знания сегодняшнего дня...»

Для широких кругов не всегда ясно, что подразумевал В. И. Ленин под культурной революцией, нередко суживают понятие до пределов борьбы за грамотность, тогда как грамотность Ленин считал только предпосылкой. «Сумма привычек, навыков, идей» и есть, по Ленину, культура в широком смысле слова. Сделать эти привычки, навыки, идеи созвучными коммунизму — это и есть задача культурной революции.

* * *

Так называемые престольные праздники отнимают очень много времени у школы. Почти в каждой деревне, где есть школа, имеется церковь, и умудряется устраивать в год по нескольку престольных праздников — большие десятки дней, потерянных школой. Прибавьте сюда бытовые праздники — свадьбы, крестины, похороны. Все эти праздники приносят очень большой ущерб школьным занятиям. С этим явлением может бороться более или менее успешно только учитель.

* * *

В отдельных случаях, как результат блокирования учительства с беднотой, отмечались притеснения учителя со стороны кулаков. Так, в Режевском районе кулаки выбили в квартире учительницы стекла за ее работу среди бедноты и угрожали ей.

«Уральский учитель», 1927

Всем вообще учреждениям нужно решительно отказать от того варварского языка, на котором сейчас изъясняются составители отчета, языка, надо полагать, сплошь и рядом непонятного для самих этих составителей.

Фраза из годового отчета Окргдравотдела:

«Наличие хозрасчетных аптечных учреждений Уралмедторга с высокими по сравнению с работниками местного бюджета ставками, как и необходимость укрепления института фармацевтов на селе, во избежание диспропорции внутри участка, диктует необходимость возможного урегулирования вопроса путем подтягивания зарплаты».

Как видите — абракадабра. А что, собственно, хотел сказать Окргдравотдел? Хотел он, очевидно, сказать следующее:

«Уралмедторг платит своим служащим больше, а потому, во избежание перехода туда наших фармацевтов, необходимо повысить им зарплату».

И — только! А Окргдравотдел наворотил всякие «институты», «подтягивание», «диспропорции» и проч. Для чего? Если «для красоты слога», то красота эта, надо сказать, больше похожа на самое откровенное безобразие.

Окрсобес в годовом отчете пишет: «Культурно-просветительная работа... ограничивалась выпиской газет, а также журналов. В целях углубления данной работы организован красный уголок...» Если перевести этот отрывок с достиженско-казенного на общепонятный язык, то получится: «Никакой работы в течение года не велось».

«Округ», 1927

Над моим усталым сердцем
Пусть же, здравствуя, живет
Всю планету громовержцем
Потрясающий завод.
Как сердца стучат машины,
Сплав бушует огневой,
И да будут нерушимы
Основания его.

Среди леса слышатся удары топоров, свистки паровозов, ровное постукивание локомотива и треск камнедробилки...

Здесь идет постройка громадного Уральского машиностроительного завода.

— Ишь, какую махину мы выстроили, — сказал старик-рабочий, присаживаясь на бревно. Он любовно посмотрел на постройку: — Хороший цех будет!

— Какой цех?

— А металлических конструкций.

— Что в нем делать-то будут?

— А все будут!

— Гвозди, например, ведь не будут делать?

— Гвозди нет, а вот клепаные части оборудования доменных и мартеновских печей, прокатных производств, транспортного оборудования... Схватит рабочий кусочек железа пудиков на шесть, поднимет над головой да и повезет по цеху-то!.. Раньше вот, когда клепали мы вручную, так потели, аж чертям тошно. А тут нажмут кнопку, поднимут болванку, да как жажнут ей по клепке-то, дом задрожит. И все

это электричеством! Хоть сколько пудов клади — все в лепешку расшибет.

...Выше сосен поднимутся трубы, и завод зашумит. Урал и Сибирь получат свои прокатные станы для железа, части драг для добычи ценных металлов, металлургические мосты для железных дорог... Новые блестящие машины помогут строить рабочему и крестьянину свою жизнь.

«Всходы коммуны», 1928

Припаси
на зубе
яд,
в километр
жало вымзей
против всех,
кто зря
сидит
на труде,
на коммунизме!

● Как назвать техрука гвоздильного завода Алибегова в Белорецке, который заказывает вместо преса для проволоки прессы для сена? И где можно приобрести прессы для безалаберных голов?

● Почему бывший околоточный надзиратель Микушин состоит зав. фин. частью Облсуда? С каких это пор для пролетарского суда стали незаменимы околоточные?

● При верхних вагонных мастерских Омской железной дороги через разбитые стекла налетает столько галок, что своим «митингом» они срывают проходящие собрания.

● Если царь Петр I насаждал западноевропейскую культуру палками, если Екатерина II штыками заставляла крестьян сажать картофель, то полагается ли члену культкомиссии артели «Литейщик» из Ревды Разумову просвещать рабочего Шуринова железной лопатой?

● Если какой-нибудь Вася не заплатит какому-нибудь Ване рубль долга, имеет ли право начальник Арамилской милиции Шевелев арестовывать за это Васю на сутки? Шевелев, отвечай самолично!

● Без шуток! Совершенно серьезно. Адрес вернейший: Губаха, 87 километр. Скорее без пересадки поезжайте по этому адресу и цапайте нам тесу, сколько вам в душу влезет. 14 вагонов его там вполне откровенно лежит. Кстати, привезите и нам сотню досок — мы из них сколотим для бесхозяйственного прораба Циммерман эlegantный собачий ящик, чтобы караулил.

● Сотрудники Уралоно спрашивают: как поступить с нашим бухгалтером Соловьевым, лающим на всех?

Желю просим не обращаться с детскими вопросами. Неужели вы никогда не слышали про намордники?..

«Веселая кузница», 1928

Подборка сделана по страницам старых уральских журналов. Использованы стихи Владимира Маяковского, Бориса Корнилова, Бориса Ручьева, Ярослава Смелякова.

Детям до 16

Борис ВАЙСБЕРГ

Попросили зайти в заводской комитет комсомола. И познакомили с двумя людьми. Учительница подшефной школы Ида Михайловна и шеф Сергей. Так именовал себя молодой человек в яркой куртке, добавив: «Да, я свой, из механического!»

— Вот товарищи просят показать ребятам завод, — сказал секретарь комитета комсомола.

— Какой класс у товарищей? — спрашиваю.

— Шестой, — ответила учительница, — шестой «б».

— Извините, исключено. По инструкции на завод пускают начиная с 9-го класса, с 16 лет.

— Я же говорил, — сказал шеф Сергей то ли учительнице, то ли секретарю. — Техника безопасности...

Секретарь был подкован и настойчив. Он произнес краткую речь о том, что инструкция, ясное дело, устарела. Что на дворе (тут он выразительно посмотрел на меня) в разгаре школьная реформа. Что ребята сейчас начинают приобщать к труду со второго класса. Что провозглашено ускорение, интенсификация и вообще — новое время. И только формалисты держатся за старые инструкции...

Да, формалистом быть не хочется. Придется взять на себя ответственность. Все мы, взрослые, в конце концов отвечаем за наших детей. В каком бы классе они не учились. И пошли мы с шестым «б» по заводу.

ХОЗЯЙСКИЙ ПАРЕНЬ

Турбинный цех — громада. Гости поражены, это читалось на лицах. Кто-то даже слегка испуган и растерян. Я тоже на секунду ощутил себя тринадцатилетним: впервые среди подобных гигантских станков и деталей можно растеряться, словно в лесу.

Остановились около расточного станка. На его столе стоит корпус турбины — на попа. По периметру сверлятся отверстия. «А это чего? Какой корпус?» Начинаю объяснять по привычке технические характеристики, режимы. И сам понимаю —

нет, это неинтересно. Трудно постигается. Надо что-то другое.

— Вы уже знаете латинские буквы? Кто прочитает название фирмы на станке?

Прочитали быстро: «Шкода». Вон сколько здесь шкодовских станков — целый пролет! И на каждом фирменная эмблема: летящая птица с огромным глазом.

Недавно на этом же месте стояли чешские комсомольцы. Они растолковали нам смысл этой птицы. Крылья символизируют размах технического прогресса. А большой круглый глаз — точность и образительность. Чехословацкий концерн «Шкода» соревнуется с объединением «Уралмашзавод». Наш завод представляет Уралмашу моторы для буровых установок. Параллельно моторы идут и на «Шкоду», а оттуда к нам приходят станки. Вот такая интеграция!

...Тем временем станок «Шкода» продолжал разворачивать отверстие. Хорошо видно, как сходит и падает стружка. Одна завитушка скатилась к нашим ногам. Стоп! Руками не трогать, она горячая и острая.

Что такое сверло и стружка, все знают. И в восторге кричат: «Вот это сверло-о-о! Не поднимешь, пупок развяжется. Вот он — корпус турбины, я вижу!...» Учительница Ида Михайловна тоже разобралась, где и что. Саму ее сейчас не отличишь от школьниц, — громко говорит, показывает руками.

Вот теперь мы с шефом Сережей видим, что масштабы прочувствованы. Появились первые ощущения, начинается вживание в завод. Можно топтать дальше.

Прошли весь пролет. Издали видели турбину, но на стэнд не попали — во время испытаний туда не пускают посторонних. Зато на участок упаковки прошли свободно. Здесь готовят части турбин к отправке в дальний путь. Самые любознательные наши гости уже прочитали на ящиках надпись: «Адрес станции назначения: МНР, Улан-Батор, ТЭЦ».

— Наши турбины идут в десятки государств, — комментирует шеф Сергей.

— А в нашей стране, — добавляю я, — почти во всех городах работают

свердловские машины. В одной Москве их столько, что больше чем полгорода отапливается и освещается уральскими турбинами. Можем гордиться!

Вижу, что шеф Сережа с сомнением смотрит на меня: неужели половина Москвы? Чтобы не подрывать авторитет старшего, предлагаю вместе посчитать. Одна паровая турбина дает свет и тепло для 100 тысяч человек. В столице сейчас работает не менее полусотни машин. Кто быстрее всех перемножит? Конечно, «профессор Марат», такие «профессора» есть в каждом классе: «Пять миллионов!» Вот это и есть больше половины Москвы.

Пожилый рабочий в синем халате прицелил к крюку крана огромную железину. Скомандовал крановщице. Железину подняли и уложили в деревянный ящик. Рабочий стал заколачивать ее гвоздями. Один из наших мальцов, подтяв с пола пару гвоздей, подал их рабочему.

— Сразу видно — хозяйский парень, — похвалил тот, — давай забьем и их. В школе тоже чистоту и порядок держите? — он весело посмотрел на ребят, на учительницу.

— Я бы этого не сказал. Бывает, сорят.

— Подумаешь, бумажки, мел, тряпки! — хором закричали гости. — Неинтересно. А здесь, о!..

«Хозяйский парень» достал из кармана гнутый шуруп и протянул рабочему: «А это вам не пригодится?» Спокойно взяв железку, человек аккуратно ее выпрямил, тоже загнал в крышку ящика. Он явно «шурупил» в воспитании, этот рабочий в синем халате.

— Ну, Хозяин, пригодились твой шурупочик! — остряки уже подхватили новое прозвище. — Без него турбина не будет давать свет и тепло.

— Кто скажет, сколько стоит электроэнергия? — спросил Сережа. Он переводил разговор на серьезное.

Покричали, поспорили и с помощью учительницы установили: иногда две копейки за киловатт, но чаще — четыре. Все ли выключают в школе и дома лишний свет, спрашивал шеф дальше. Смущенно улыбались, мялись, толкая друг друга. За один день школа пережигает, ви-

димом, киловатт десять лишних. Лампочек-то много, размышлял вслух Сергей.

— Фу, десять киловатт, по четыре копейки равняется сорок копеек. Ерунда, подумаешь! — сказали бесечно.

— На эти деньги можно пообедать, — тихо и серьезно произнес Хозяин.

Засмеялись. Ничего смешного нет, заключил Сергей. За год набирает около трех тысяч киловатт. Если взять все школы нашей области, то, наверно, целая такая турбина бесполезно работает. Выходит, этот рабочий, что сейчас запаковывает машину в ящики, и многие другие на заводе напрасно трудятся?!

А если посчитать все школы в стране, подумал я. Их, наверно, сто тысяч? Тут уж не одна турбина, а целая мощная электростанция впустую вырабатывает ток. Это почти то же самое, как если бы бессмысленно работал весь мой завод. Страшная картина!

Притих шестой «б». Смотрит, как турбину готовят к отправке в дальний путь.

РОБЕРТ ИДЕТ ПО ЗАВОДУ

Он задумался на секунду. Затем четко взял круглый металлический стержень, со стуком поднял его, развернулся на 180 градусов, выдвинул руку и вставил деталь в станок. Вновь задумчиво постоял, словно убеждаясь, что сделал все правильно. Быстро развернулся, поднял руку и замер. По роликам скатился новый круглый стержень. Четко взяв его, он повторил все сначала.

— «Универсал», — прочитал название «профессор Марат». — Робот, и совсем не похож на человека, правда?

Да, не похож, зато многое умеет. Я и сам засмотрелся на ловкие действия робота. Кстати, полное имя его: роботизированный технологический комплекс — РТК. То есть сам робот плюс станок плюс два магазина — для хранения заготовок и деталей. А рабочие прозвали его попростому — Роберт. Ребята весело зашумели: оказывается, в классе есть тоже Роберт, Роба, но он сейчас дома, болен. Его сегодня повезят и расскажут про тезку заводского!

Таких «Робертов» на заводе пока немного. Меньше, чем в классе учеников. Они очень сложные и дорогие. Все — еще ученики, по полной программе работать пока не умеют. И все мы, инженеры и рабочие, учимся вместе с ними.

К роботу подошли двое — мас-

тер и инженер-наладчик. Разговор у них шел на повышенных тонах. Нам все было слышно, даже через шум цеховых станков.

— Опять у вас Роберт полемени простоял без дела! — сказал наладчик. — А позавчера — почти всю смену. Плохо!

— Заготовок не подвезли, понимаете? На него не напасешься.

— Знаете, сколько стоит один час простой Роберта? Полста рублей.

— Да не агитируйте вы меня за Советскую власть! Я и сам переживаю. А вот вчера он два часа простоял по вашей милости: программа барахлила.

— Это верно, капризничает Роберт у нас иногда, — наладчик поглядел робота по голове, то есть по верхней части. И нам показалось, что у робота зажмурился красный глазок...

— В общем, так: если еще раз будет простой по заготовкам, робот уйдет от вас! Перейдет в другой цех, где его обеспечат работой.

Они ушли, громко перекликаясь.

— Такой случай уже был, — рассказывает шеф Сергей, — только с другим Робертом. Пришли в цех, а робота нет! Где он? Стоит в соседнем цехе. Там заготовок много, хозева получше работают.

— У-у-у! — загудел шестой «б», недоверчиво поглядывая то на меня, то на шефа Сергея, то на робота. А Роберт, в свою очередь, внимательно смотрел на нас своим индикатором.

КУДА ВПАДАЕТ ИСЕТЬ?

Мы шагали по заводу. Вдруг откуда-то сверху, из-под крыши цеха, раздалась ритмическая музыка. «Начинаем урок гимнастики!» — голосом знаменитой Лилии Сабитовой объявило заводское радио. — И — раз, и — два.

— Аэробика! — закричали девочки. — Вот бы сейчас нам позаниматься...

Мимо нас бежал электрокар. В кузове стояли ящики — в два этажа, одни на других. На ухабе кар подпрыгнул, верхний ящик наклонился и с грохотом упал на землю. Из него посыпались желтые, блестящие детали. Их много — тысячи.

Остановив кар, водитель подбежал к ящику и присвистнул. Поднять такую тяжесть — силенок не хватит. Вызвать кран — долгая история. Придется вынуть из ящика оставшиеся детали, поднять пустую тару наверх, затем снова набросать туда груз. Черт бы подрал эту дорогу!

Примерно такой ход мыслей читался на лице незадачливого водителя. Сергей использовал ситуацию: — Кто узнает, что это за штуки? Только быстро!

— По-моему, это от лыжных креплений, — сказал Марат, — только какие-то новые. У меня дома не такие.

— Все правильно, это модернизированные крепления, с пластмассовыми вставками, облегченные. Давайте поможем их собрать.

— Ура-а-а! На помощь, вперед! Карщик обрадовался неожиданной подмоге. Мы с ним и Сергеем подняли ящик наверх. А ребят расставили так: четверку на первый этаж по углам, еще одна четверка — на второй этаж. Остальные внизу по конвейеру подают крепления наверх.

И пошла работа! Блестящие детали взлетали и с легким звоном сыпались в ящик. Вверх-вниз, вправо-влево. И — раз, и — два! Летела над нами ритмическая музыка. Сама собою работа шла под ритм. Вот это была аэробика!

Не успела гимнастика кончиться, как все детали оказались на месте. Две четверки прыгнули с кара. Водитель обошел вокруг, потолкал ящик — надежно ли стоит?

...У Иды Михайловны возник вопрос: можем ли мы посмотреть очистные сооружения? Сегодня — нет, это далеко за заводом. А почему интересует гостей очистка?

— Ребята делали для этих сооружений такие, знаете, штуки — на фильтры. Резали кусочки из пластмассы, забыла, как называются. Напомни, Марат.

— Поли-уре-тан! — медленно, но точно произнес «профессор».

Все сточные воды с завода идут в речку Основинку, поясняет Сергей. Она течет в Исеть и загрязняет городскую реку. Бывали случаи массового сброса нефтепродуктов. Однажды более ста тонн мазута прошло в Исеть. Какой страшный вред природе! Об этом тогда много писали газеты.

Построили очистные сооружения. Теперь весь сток проходит фильтрацию. В фильтрах применяют элементы — куски из полиуретана. Вот этих-то элементов стало не хватать: материал есть, резать не успевали. Сергей пошел в школу и предложил помочь заводу. На урок труда принес лист этой пластмассы и показал, как резать. Квадратики три на три сантиметра.

И ребята отлично справились с задачей! Резали охотно, даже опасные были — не поранились бы. Меж-

ду прочим, завод оплатил работу. Деньги небольшие, но были переведены на счет школы. Вполне можно приобрести на них музыкальные инструменты или спортивный инвентарь, закончил рассказ Сергей.

— А знаете, были жалобы от родителей в горно, — добавила Ида Михайловна. — Кое-кто считал, что детей заставляют работать почти как на заводе. Что государство должно обеспечивать школу средствами для спорта и музыки. Что нечего эксплуатировать малолетних. И так далее. Раньше мы бы не взяли от завода эту работу. Но сейчас, после реформы, нас в горно поддерживали. Это же действительно уроки труда!

Около механического цеха и остановил класс и показал сливной колодец. В него стекает отработанная вода. Слышите, как она шумит? Если присмотреться, видна нефтяная пленка на поверхности воды. Из таких колодцев вода сливается в речушку Основинку. Там пленка нефти потонет. Вот эту-то пленку и задерживают теперь квадратки из полиуретана, нарезанные в школе.

Значит, Основинка течет в Исеть. А Исеть куда, кто скажет? Тут спасовал даже Марат, то есть сказал, но неверно — в Иртыш. Пропустил целую большую реку — Тобол.

Дальше называли правильно: Иртыш течет в Обь, Обь — в Карское море через Обскую губу. Море это есть часть Северного Ледовитого океана. А океан входит в единственный Мировой океан земли.

Получается, что отработанная вода из цеха, сливаясь вот в этот колодец, у которого мы сейчас стоим, попадает в конце концов в Мировой океан. И шестой «б», сделав полиуретановые элементы для фильтров, хоть немного, но сберечь чистоту океана. Чистоту земли.

КОМПЬЮТЕР ИЛИ КУБИК РУБИКА?

Мы пришли в ИВЦ — информационно-вычислительный центр. Навстречу вышел человек в белом халате. «Инженер Бессонов», — представился он. И сразу же предупредил: не шуметь!

В машинном зале чисто. Тихо гудит ЭВМ — большой компьютер. За пультом сидит девушка-оператор. Интересно, что этот компьютер сейчас делает? Крутятся бобины с магнитной лентой, сама по себе стучит пишущая машинка. Мы наблюдаем расчет новых турбинных лопаток, пояснил инженер.

Был случай: на газопроводе под Красноуральском остановилась турбина. За ней другая, третья. Там много агрегатов перекачивают газ по трубам — в наши жилые дома, в топки промышленных печей. Открыли турбину и увидели: сломалась лопатка. Причина — резкий нагрев. Такая же картина и в других машинах. Надо было что-то делать.

Конструкторы придумали: охлаждать лопатки! Примерно так же, как охлаждают мотор автомобиля. Сделать в лопатках каналы и пропускать через них холодный воздух.

Стали считать варианты каналов, чтобы не ослабить саму лопатку. Вручную на один расчет уходил месяц. Тогда составили программу и начали просчитывать на ЭВМ. Компьютер за полчаса выдал оптимальный вариант. То есть самый выгодный — золотую середину.

С тех пор лопатки не ломаются. Скажем точнее: очень редко.

— Что еще умеют делать ваши компьютеры? — спросила Ида Михайловна.

— Много чего! Управляют изготовлением продукции. Планируют работу цехов. Рассчитывают зарплату рабочих. Вот только беда: не хватает у нас операторов, программистов.

— А мы в школе скоро будем изучать основы программирования и компьютеризации, — сказал «профессор» Марат. — Я уже у брата книжки видел и немножко читал.

— Очень хорошо! — воскликнул инженер Бессонов. — Но медленно разворачивается, товарищи. Нам уже сегодня требуются новые кадры. Скоро мы поставим две новейших ЭВМ. Кто на них работать будет? Вот на соседнем заводе случилась такая беда. Закупили целых три ЭВМ нового поколения (а это миллионы рублей!). Но трудятся они лишь в одну смену. Во вторую и третью, как это полагается, работать некому. Пропадают народные деньги! Словом, давайте быстрее изучайте наше дело. Вы же знаете, что у нас в стране сейчас провозглашено...

— Знаем, ускорение! — чуть не хором произнес шестой «б». — И интен-си-фи-ка-ци-я, — отчеканил Марат.

— Ну вот и прекрасно. — Инженер Бессонов хотел уже выводить школьников из машинного зала. Но тут Марат спросил, может ли этот компьютер собирать кубик Рубика. Все зашумели. Кто-то сказал, что «профессор» — чемпион школы, собирает кубик за минуту и двенадцать секунд.

Бессонов спросил у девушки-

оператора, далеко ли программа на кубик Рубика. Недалеко, но нет самого кубика. «О, есть, Маратка, доставай!» У чемпиона инструмент всегда с собой. И вот оператор, глядя на кубик, поколдовала на пишущей машинке. Она ввела задание в память компьютера. Так сказать, дала ему инструмент в руки.

— Я готова! — сказала она, словно на соревнованиях. — А ты готов, мальчик? Тогда — на старт, внимание, марш!

Она нажала клавишу на пульте. В ту же секунду кубик закрутился в Маратовых руках. Все заволновались, закричали. Признаться, и мы, взрослые, начали «болеть», только не знали, за кого. За этого черноволосого худенького паренька в больших очках? Или за бездушного компьютера, на которого не знаешь куда смотреть — кругом одни электронные шкафы?

— Готово! — сказала девушка-оператор. — Сорок шесть секунд.

А «профессор» от волнения сбился. Бессонов оторвал длинную полоску бумаги — называется протокол сборки и сказал:

— Сумеете прочитать на языке компьютера? Нет? Вот для этого быстрее изучайте азбуку программирования и компьютеризации. И приходите к нам работать. Договорились?

ДЕТЯМ ДО 16...

На обратном пути остановились около яркого стенда. На нем написано крупно: «НАШ ЭКСПОРТ». Изображен огромный, больше человеческого роста, цветок. Лепестки разного цвета означают континенты. Зеленый — Европа. Коричневый — Африка. Желтый — Азия. Синий — Латинская Америка. И написаны страны.

За шумел шестой «б», читая названия государств. Польша... Румыния... Индия!.. Куба!.. Египет, Нигерия...

— Здесь около семидесяти стран, — сказал шеф Сергей. — И все трудятся наши машины.

— Семьдесят! — громко, словно на уроке, произнесла Ида Михайловна. — Вдумайтесь, ребята, в эту цифру. Какие прекрасные машины, если их покупает столько стран!

Мы с Сергеем переглянулись. Он «свой, заводской», и тоже понимает подоплеку. Страны эти по большей части слаборазвитые в промышленном отношении. (Если не считать Японию, Италию, ГДР). Уровень наших изделий — на заводе и в стране, увы, еще далеко не такой пре-

красный, как кажется учительнице.

Незаметно, глазами, подзвали мы к себе Иду Михайловну. Надо посоветоваться, тихо сказали мы ей. Можно так и оставить: пусть ребята радуются. Семьдесят стран, как хорошо! Но если вдуматься, как она советует, то не лучше ли сказать правду? Неприятную, но правду.

Ребята уже большие, через два три года получают паспорта. Что они подумают о нас, взрослых, когда сами узнают правду? Нашим советским изделиям, многим из них, далеко до лучших мировых образцов. А посылать на экспорт можно еще в сто стран. Таких же слаборазвитых. От этого уровень машин не повысится.

— Ой, я не знаю! — почти детски произнесла учительница. — Поймут ли ребята? В школе мы говорим им другое.

— Детям до 16 лет не разрешается? — с иронией спросил шеф Сергей.

Я ответил Сергею — пусть начинает, а я дополню, если понадобится.

Шеф Сергей, подойдя к шестому «б», громко сказал про рекламации. Про слаборазвитые страны. О том, что госприемка бракует сейчас половину машин.

Шестой класс притих. Другими глазами смотрел он на яркий «цветок». Краски, наверно, поблекли? Ничего, ничего — полезно...

В этой тишине как-то грустно прозвучал вопрос «профессора» Марата: «Ну, почему!» Ах, эти детские вопросы. Если бы можно было так просто ответить. Мы сами еще многого не понимаем.

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

В это время подошли двое мужчин. Я знаю их — народные контролеры. Прикрепили к соседнему стенду большой лист. На нем фотография. Словно стайка воробьев, переметнулся шестой «б» к этому стенду. Стал первым зрителем.

На одном снимке — какие-то грязные ящики с мусором между станками. И подпись: «Мастер т. Зверев! Когда наведете порядок на участке?» На другом — покореженные детали. И написано: «Начальник участка т. Бабушкин! Вы опять гоните брак».

Третья фотография вызвала оживление: виден человек, закрытый лицо рукой. А рядом, на ящике, — бутылки водки, бутерброд...

— О, Петря, — крикнул кто-то из ребят, — это не твой батя за бутылкой? Он же спец по этой части.

— Не-е-е, не мой, — тихо сказал Петря, но так, что было ясно: увы, его.

«Детям до 16 лет», вспомнил я слова шефа Сергея. Чего только не видят и не слышат они сейчас! Вот оба стенда — случайно ли оказались рядом? Пусть и случайно, но один отчасти объясняет другой. Потому и не всегда хороши наши машины, что низка культура труда. Что есть еще бракоделы и пьяницы.

За разговорами мы не заметили, что нас собираются фотографировать. Заводской фотограф Иван Федорович Островерхов шел мимо, увидел любопытный сюжет и раскрыл камеру. Учительницу он попросил стать в середину класса, нас с Сергеем — по бокам. И снимал на фоне «цветка».

Пока все это делалось, я успел рассказать про Ивана Федоровича. Он был на фронте разведчиком. Однажды, ворвавшись в блиндаж, захватили пленных, а среди трофеев — фотоаппарат. Там, на войне, он и начал снимать. Потом пришел на завод, трудился мастером по моторам. Привел сюда двух своих сыновей — началась династия Островерховых. Все это время он не оставлял фотоаппарат.

— Снимки я передам через вашего шефа, — сказал он, закрывая камеру. — Отличные будут снимки!

— А может быть, вы сами придете к нам в школу? — попросила Ида Михайловна. — Расскажите о войне, о заводе, о своей династии. Вы же такой интересный человек! Почему ветераны редко бывают в средних классах? В старших бывают, а у нас — мало.

Она хорошо знала свое дело, учительница Ида Михайловна. За помощью обратилась к классу: «Давайте, ребята, все вместе попросим Ивана Федоровича прийти к нам в школу».

Под дружным напором шестого «б» бывший разведчик поднял руки вверх. И твердо обещал прийти в класс.

ВЕЛИКИЙ

Автор публикуемых писем к К. Э. Циолковскому — академик Валентин Петрович Глушко (р. 1908 г.) — основоположник отечественного ракетного двигателестроения, один из пионеров и творцов ракетно-космической техники, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий. В 1921 году Валентин Петрович начал интересоваться вопросами космонавтики, с 1923 года переписывался с К. Э. Циолковским, с 1924 года публиковал научно-популярные и научные работы по космонавтике.

Глушко — бессменный руководитель ГДЛ—ОКБ — ведущий советской организации по разработке мощных жидкостных ракетных двигателей. Глушко выполнил теоретические и экспериментальные исследования по важнейшим вопросам создания и развития жидкостных ракетных двигателей. Конструктор первого в мире электротермического ракетного двигателя (1930—1933 гг.) первых советских жидкостных ракетных двигателей (1930—1931 гг.), семейства ракет РЛА (1930—1933 гг.) и — позже — мощных жидкостных ракетных двигателей, установленных на геофизических ракетах и на всех советских ракетах, летавших до настоящего времени в космос с целью исследования и изучения космического пространства в мирных целях.

Мое увлечение космонавтикой, порожденное произведениями Жюль Верна, началось в 1921 году с изучения астрономии небесных тел как объектов будущего непосредственного исследования, составления библиографии, сбора и чтения фантастической, научно-фантастической и художественной литературы, в которой в той или иной степени затрагивалась идея космических полетов человека. Но только в 1922 году, когда мне посчастливилось прочесть прекрасно написанную книгу Я. И. Перельмана «Межпланетные путешествия», я впервые узнал о единственном верном пути в космос, указанном Циолковским. Там же был приведен перечень изданных работ Циолковского. Но из интересовавших меня изданий в Одесской публичной библиотеке оказалась лишь статья, опубликованная в майском номере журнала «Научное обозрение» за 1903 год. Это была главная работа, и я жадно ее перечитывал. После тщетных поисков публикаций других трудов Циолковского я решил обратиться к нему с просьбой по адресу, приведенному в книге Я. И. Перельмана: Россия, Калуга, Коровинская, 61.

В моем письме, датированном 26 сентября 1923 года, указывалось, что уже более двух лет я интересуюсь проектом космических путешествий, и излагалась просьба помочь мне в этом, в частности, присылкой продолжения его работы 1903 года и книги «Вне Земли».

Через 12 дней, т. е. 8 октября, я с трепетом держал в руках самодельный небольшой квадратный конверт из белой бумаги с письмом из Калуги. Так завязалась переписка с Циолковским, длившаяся ряд лет.

Следующее письмо и затем книги я получил 16 и 17 октября того же года. Вскоре Циолковский любезно написал, что будет высылать мне свои труды, и выполнил обещанное.

А в архиве Академии наук СССР сохранились мои письма Циолковскому. Меня неоднократно спрашивали, где письма, полученные мною. Эти письма, вместе с собранными мною редкими изданиями по тематике межпланетных путешествий, я подарил Н. А. Рынину в начале 30-х годов в пополнение его богатой коллекции, использованной им при составлении уникальной энциклопедии «Межпланетные сообщения», вышедшей в 9 книгах и опубликованной в 1928—1932 гг. Попытки обнаружить эти письма в архиве Рынина в последние годы не увенчались успехом. Эвакуация этого архива во время Великой Отечественной войны не прошла без потерь..

Разработка проекта межпланетного корабля и в первую очередь его двигателя стало целью моей жизни. В письме Циолковскому, отправленном 10 марта 1924 года, я признался, что уже три года как каждую свободную минуту использую для этого великого дела, которому решил посвятить свою жизнь.

Циолковский стал для меня великим примером. Его труды по космонавтике были для меня настольными книгами, освещавшими мой путь как его последователя. Претворяя в жизнь идеи Циолковского, я достигал осуществления своей мечты.

Циолковский разрабатывал проблемы космонавтики в теоретическом плане. Своей задачей я считал практическое их осуществление. Первоочередное внимание уделялось выбору наиболее эффективных источников энергии и разработке ракетного двигателя, ибо было ясно, что основой космонавтики является энергетика, и без успешного решения связанных с ней проблем ракета мертва. В Ленинграде в Газодинамической лаборатории (ГДЛ) 15 мая 1929 года было создано руководимое мною подразделение по разработке электрических и жидкостных ракет и двигателей для них.

Впоследствии это подразделение выросло в опытно-конструкторскую организацию ГДЛ—ОКБ, разработавшую мощные ракетные двигатели, установленные на всех советских ракетах, летавших в космос.

В наш век научно-технической революции стали былью искусственные спутники Земли, Солнца, Луны, Марса, Венеры. Автоматы побывали на Луне, Венере, Марсе, облетели Меркурий. Человек побывал на Луне и обживает космос с помощью космических кораблей и орбитальных станций.

Широким фронтом ведутся исследования космоса с целью его освоения

ПРИМЕР

для нужд человечества. Космонавтика настолько вошла в быт современного общества, настолько обогатила его, что без нее немислим дальнейший прогресс.

Именно с освоением космоса связаны надежды на решение кардинальных проблем дальнейшего развития человечества. Это проблемы энергетического и материального обеспечения, сохранения природных условий нашей планеты и исключение ее загрязнения путем выноса в космос промышленных и энергетических установок, наконец, это проблема надвигающегося демографического кризиса. Овладев неисчерпаемыми ресурсами Вселенной, человек обретет принципиальную возможность своего неограниченного развития.

И мы, и наши потомки никогда не забудут, что этот величественный путь развития человечества начертан Циолковским. На каждой покоренной планете они воздвигнут памятник нашему гениальному соотечественнику.

Академик В. П. ГЛУШКО

Одесса, 26. 9. 1923 г.

Глубокоуважаемый

К. Э. Циолковский.

К Вам я обращаюсь с просьбой и буду очень благодарен, если Вы ее исполните. Эта просьба касается проекта межпланетного и межзвездного путешествия. Последнее меня интересует уже более 2-х лет. Поэтому я перечитал много на эту тему литературы.

Более правильное направление получил я прочтя прекрасную книгу Перельмана «Межпланетные путешествия». Но я почувствовал требование уже и в вычислениях. Без всяких пособий, совершенно самостоятельно, я начал вычислять. Но вдруг мне удалось достать Вашу статью в журнале «Научное обозрение» (май, 1903 г.) — «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Но эта статья оказалась очень краткой. Я знаю, что есть статья под таким же названием, выпущенная отдельно, и была подробная — вот что я искал и в чем заключается моя просьба к Вам.

Отдельная статья «Исследование мировых пространств реактивными приборами» и еще так же Ваше сочинение — «Вне Земли», не одни заставили меня написать Вам письмо, а еще очень много и очень важных вопросов, ответ на которые я бы хотел от Вас слышать.

Я пишу и не знаю, получите ли Вы это письмо или нет, так как мне неизвестно, насколько верен, в нынешнее время, известный мне Ваш адрес — Россия, Калуга, Коровинская, 61.

Благодаря этому не шлю денег на покупку этих 2-х книг, не пишу Вам вопросы, которые меня интересуют, а хочу, послав это письмо, узнать, найдет ли оно Вас или нет. Если получите это письмо, то прошу не особенно оттягивать ответ (по уважительным причинам) и написать о том, что Вы получили письмо и цену 2-х вышеупомянутых книг («Вне Земли» и «Исследование мировых пространств реактивными приборами»), которых в Одессе нельзя нигде найти.

Жду ответа. В. ГЛУШКО

8 октября 1923 г.

Многоуважаемый К. Э. (Вашего имени и отчества не знаю, только инициалы), сегодня получил Ваше письмо и сегодня же шлю деньги на книги в письме. Вы сказали, что стоимость книг 1 р. золотом, т. е. 0,1 червонца и что составляет, по существующей ныне курсу последнего, — 460 рублей денег 1923 г. (460 миллионов рублей). Письмо шлю заказным. Но Вы мне не написали, что будет стоить пересылка этих книг. Вы напишите это в следующем письме.

Я Вам писал еще в прошлый раз, что у меня имеются некоторые вопросы, которые я хотел бы Вам задать:

1) Вы разбираете движение снаряда под влиянием тяжести и говорите: «Ракетой без влияния тяжести приобретаются огромные скорости и утилизируются значительные количества энергии взрывчатых веществ. Это будет справедливо и для среды тяжести, если только взрыв будет мгновенный. Но такой взрыв для нас не годится, потому что при этом получится убийственный толчок, которого не вынесет ни снаряд, ни вещи, ни люди, заключенные в нем. Нам, очевидно, нужно медленное взрывание». Но ведь избранное Вами взрывчатое вещество — гремучий газ взрывается не медленно, а в течение времени, исчисляемым малыми долями секунды. Да так все взрывчатые вещества. Следовательно, избрав химическое соединение H и O в H₂O, Вы противоречите собственным словам?

2) Причем мне известно, что почти моментальное (несколько сотых и даже десятых секунды) увеличение относительной тяжести, исчисляемой в десятки раз, как обнаружено на опытах, влияния на человеческий организм не имеет. А если мы наиболее хрупкие приборы и пассажиров поместим в очень крепкие сосуды с жидкостью, удельный вес которой равен удельному весу, помещенному в ней предмету, и сделаем более или менее массивный снаряд, то можно будет спокойно взрывать вещества, обладающие очень резким действием, а следовательно, и силой.

3) Вы берете взрывчатое вещество — гремучий газ и говорите, что вещества, обладающего большей энергией, чем гремучий газ, не существует, но Вы забыли нитроглицерин, нитроманнит, обладающий в 3 раза большей энергией, чем гремучий газ, и, наконец, «мелинит», «лидит» или «шимоза», и др. (быть может, потому, что Ваша книга напечатана в 1903 г.). Взяв какое-нибудь из перечисленных мною выше взрывчатых веществ и применив способ описанный в 2), мы добьем

ся огромной скорости и увеличения утилизации, т. е. самого главного.

Если у Вас есть какие-нибудь изменения, не описанные в «Исследовании мировых пространств», то я буду Вам очень благодарен, если Вы мне опишите их в своем письме.

Уважающий Вас В. ГЛУШКО.

19. XI. 1923 г.

Многоуважаемый

Константин Эдуардович!

Ваше письмо и затем книги я получил 16 и 17 октября с/года. Все брошюры более или менее хороши. Идея же металлического управляемого дирижабля мне кажется немного устаревшей и практически не совсем удобной. По крайней мере с 1923 г. Теперь имеют будущее и завоёвывают себе положение аэронееры динамического принципа (геликоптеры).

В этом отношении в Англии было произведено немало опытов и сконструирован аппарат довольно большого коэффициента полезного действия. Этот аппарат составляет тайну английского правительства. В скором времени аэронееры будут конкурировать с аэропланами и по расчету оказывается тот же результат, что и с Вашим дирижаблем, что более экономичнее и удобнее будет применять аэронеер для переноса больших количеств груза и пассажиров, а аэропланы для одного или нескольких пассажиров. Для того чтобы иметь ясное представление о аэронеере ближайших годов, достаточно прочесть «Воздушный корабль» гениального Жюль Верна. Но все же Ваш проект очень интересен, как полное разрешение вопроса управления аэростата, и он должен занять видное место в истории воздухоплавания.

Я очень благодарен Вам за книги и брошюры и очень буду рад, если смогу услужить Вам, хотя бы тем же. Прилагаю деньги за 3 брошюры по сегодняшнему курсу червонца (300 р.) и деньги на марки для письма.

Я встретил некоторые недоразумения, и у меня возникло несколько вопросов при чтении «Вне

Земли» и буду Вам очень обязан, если Вы ответите мне на них. Между прочим, «Вне Земли» очень и очень хорошая книга, она очень реально представляет всю картину межпланетного путешествия. Каждая строка, каждая фраза дышит, можно сказать, почти совершенной правильностью. Все встречающиеся на пути затруднения Вы разрешаете посредством физики и механики, а не обходите их, как это обыкновенно делается почти во всех книгах. Вы предусмотрели все случаи межпланетного сообщения, как будто бы сами не раз его совершали.

I. Вы говорите, что для уменьшения протяжения, занимаемого трубами, при той же длине их, можно завивать их кольцами или змеевиком, но дело в том, что это очень опасно, так как при взрыве, благодаря их загибам и следовательно значительному сопротивлению, их непременно разорвет, так что, несмотря на удобство этих загибов трубы, от них приходится отказаться и делать последние исключительно прямыми?

II. Вы заканчиваете I-ю часть своего труда «Исследование мировых пространств реактивными приборами» («Научное обозрение», май 1903 г.) следующими словами: «Мы смогли бы рассмотреть еще очень многое: работу тяготения, сопротивление атмосферы, мы не упомянули о нагревании снаряда при кратковременном полете в воздухе; мы совсем еще ничего не сказали о том, как исследователь может пробыть продолжительное, даже неопределенно долгое время в среде, где нет следов кислорода», и др... Мне непонятно как раз последнее.

III. В «Вне Земли» Вы описываете вид Солнца из межпланетного пространства в виде шара синего цвета, а насколько мне известно оно принадлежит к классу G по Гарвардской классификации, т. е. к классу желтых звезд, следовательно, наше Солнце должно иметь желтую, но не синюю окраску?

IV. Затем в «Вне Земли» Вы пишете, что в описываемой Вами «Ракете» находился один O (без

азота), плотности в 0,1 по отношению к воздуху, т. е. вдвое реже, чем O атмосферный. Интересно знать, является ли это просто вымыслом или следствием произведенных опытов?

Я прочел в присланных Вами книгах, что Вы предполагали выпустить в полном виде и с дополнениями «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Там же пишется, чтобы желающие приобрести эту работу сообщили свои адреса. Если эта полная предполагавшаяся книга уже издана, то я очень желал бы ее приобрести, если же нет, то примыкаю к числу лиц, жаждущих ее издания.

Уважающий Вас В. ГЛУШКО

16. 2. 1924 г.

Глубокоуважаемый

Константин Эдуардович!

Имея совершенно неправильное представление о Вашем аэронеате, я сделал слишком скорое и неверное определение. Мне крайне неприятно, что вышла такая история, и глубоко извиняюсь, так как, не зная хорошо Ваше изобретение, я сделал определение, могущее Вас оскорбить.

В Вашем труде — «Исследование мировых пространств» в журнале «Научное обозрение» (1903 г., май) упомянуто о том, что контролировать изменение направления равнодействующей сил взрывания в «Ракете», от центра инерции последней, можно посредством магнитной стрелки. Но разве компас будет действовать в межпланетном пространстве? В этой книге масса опечаток; большинство формул сильно искажено.

К счастью, мне удалось достать Ваши статьи в «Вестнике Воздухоплавания» и «Воздухоплаватель» у частного лица.

Очень Вам благодарен за сообщение о статьях, помещенных в «Известиях ВЦИКа», касающихся «Ракеты». Буду Вам глубоко обязан, если Вы будете мне сообщать все статьи и труды, какие только выходят в свет, касающиеся межпланетных сообщений или сигнализаций.

Очень желательно получить следующие Ваши труды:

I. «Изменения силы тяжести» (рукопись).

II. «Грезы о Земле и Небе».

III. «Может ли Земля заявить жителям иных планет о существовании на ней разумных существ».

IV. «Условия жизни в иных мирах» (рукопись).

V. «Свободное от тяжести пространство» (рукопись).

VI. «На планетах» (рукопись).

Желательно достать все Ваши труды, так или иначе касающиеся межпланетных сообщений. Указывайте цену в золотых рублях и копейках. Прилагаю марки на ответное письмо.

Пишу и хочу издать кое-что о межпланетных сообщениях. В Одессе гораздо легче издавать книги, чем в Калуге и поэтому я, может быть, смогу выразить свою признательность Вам, издав какой-нибудь Ваш труд; конечно, все льготы, вытекающие из этого, идут в Вашу пользу.

Глубокоуважающий Вас —
В. ГЛУШКО.

Ленинград, 22. I. 27 г.

Глубокоуважаемый Константин Эдуардович, после долгого перерыва в нашей переписке я вновь обращаюсь к Вам.

Протекшие полтора года с последнего письма нашей переписки были достаточны, чтобы многое изменилось. Прежде всего я выехал из Одессы и работаю сейчас в физическом институте Ленинградского Государственного Университета. Это позволило мне поставить все мои работы на совершенно иную ногу и приблизило меня к делу.

Мой живейший интерес к великому делу межпланетных сообщений не угас.

Я по-прежнему интересуюсь им. Более того, теперь я специально занялся им и питаю надежды, подкрепляемые моими лабораторно-практическими исследованиями, довести начатое Вами дело до конца.

Кое-какие приборчики моей конструкции позволяют мне проводить целый ряд интересных исследований, которыми в недалеком будущем я надеюсь поделиться с Вами.

Помимо проводимых мною практических задач лабораторного характера, поставленных в плоскости интересующего меня передвижения в мировом пространстве, я уделял немало времени и публикации целого ряда популярных статей в газетах и журналах, посвященных этому же вопросу.

Однако, кроме того, если Вы помните, у меня был неоконченный труд, посвященный межпланетным сообщениям. Целью его является доказать необходимость завоевания космического пространства. Это положение доказывается рядом научных выкладок, опирается на все естественные науки и, насколько мне известно, по своему содержанию является первой попыткой подобного рода. Понятно, что столь широкая задача заставила привлечь к ее разрешению все уклоны и фракции современной науки.

В значительной своей части моя книга опирается на Ваши труды, которым я отвожу особое место.

Исходя из этого, а также принимая во внимание, а это главное, что Вы являетесь, можно сказать, единственным человеком, бескорыстно и истинно преданным великому вопросу завоевания мирового пространства, при своей, также наибольшей компетентности в этих вопросах, и зная Ваши весьма многочисленные труды по разным областям естествознания, я позволяю себе, глубокоуважаемый Константин Эдуардович, обратиться к Вам с просьбой просмотреть мой труд и выразить Ваше всякое мнение по его существу.

В настоящее время моя книга вполне подготовлена к печати, но я посчитал своим долгом, до ее выхода в свет (уговор с Издательством уже имеется), представить Вам ее на суд.

В ожидании ответа, готовый к Вашим услугам

В. ГЛУШКО.

Ленинград, 26 августа 1930 г.

Глубокоуважаемый

Константин Эдуардович, очень рад присланным мне Вами работам. Все высланное Вами получил. Мне очень приятно, что Вы также считаете, что ракетоплан невыгоден, что не имеют

практического смысла предложения, напр., Валье, заставить эволюционировать аэроплан к звездолету, путем комбинации винтомоторной группы с реактивным двигателем, с постепенным усилением последнего за счет винтомоторной группы и т. д.

В тех кругах, где я работаю, существует то же мнение, разделяемое и некоторыми из наиболее серьезных зарубежных работников. Самолеты рассчитаны и созданы для полетов в низких слоях атмосферы и с небольшими скоростями. Цеплять же к ним реактивный двигатель, это значит заведомо идти на потерю, по меньшей мере, 90 % энергии топлива, и топлива самого дорогого. Для того же чтобы повысить к. п. д., нужно настолько переделать конструкцию аэроплана, начав с того, что выбросить из него винтомоторную группу, что от него ничего кроме названия не останется.

Ясно, что смысл имеет реактивный летательный аппарат, как самостоятельная конструктивная единица. Комбинация же самолета с реактивным двигателем имеет смысл только в применении к разгону и торможению самолетов реактивным путем.

Жаль, что эту истину не все себе уяснили, что, безусловно, еще может привести к таким же по характеру никому не нужным жертвам, как смерть М. Валье.

Те опыты с самолетами с реактивным приводом, которые проводились официально в Германии, следует расценивать как рекламные, как продолжение опытов с ракетными автомобилями, мотоциклами, санями и т. п. с целью привлечь общественное внимание вообще к реактивному делу.

Вас читают все лица так или иначе интересующиеся реактивным приводом и, я думаю, что если бы Вы лишней раз растолковали публике эту истину, то тем самым только избавили бы ее от многих ложных шагов.

Не буду больше утомлять Вашего внимания, благодарный Вам — В. ГЛУШКО.

Глядит Россия на меня...

Лев СОРОКИН

ДЕВОЧКА

Девочка заходит в вертолет,
Видно, что заходит не впервые.
Над разливом речек и болот
Мы опять
Летим на буровые.

Ветрено

и в высях
и в лесах,
Над землей качаемся безлюдной.
Девочка смеется в небесах,
В небесах студеной
Ей уютно.

А вокруг —

Неповторимый вид:
Неба синь
Да желтые болота.
Девочка с пилотом говорит,
Называет папою
Пилота.

Ровно бьется жилка на виске,
Вздрагивают длинные ресницы...
Нынче детство
Не в грузовике,
В вертолете
Хочет прокатиться.

ЧАЙКИ НА УРАЛЕ

Мимо снежной белеющей стайки
Разве я равнодушно пройду?
Третий год появляются чайки
На промышленном нашем пруду.

Спохватились, как видно, заводы,
Что стоят над торопкой рекой.
Омертвелые черные воды
Снова стали водою живой.

Отразились прибрежные горы
В синей глади зеркальной воды.
Белокрыло кружат
Контролеры
Окружающей нашей среды.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

1

Реже, реже — цвет зеленый,
Чаще — ветер ледяной,
Покрывает осень кроны
Желтизной,
Как сединой.

От полуденной прохлады
Листья сохлые шуршат.
Грустно в пору листопада —
Всюду,
Всюду
Лето —
Пад.

Лето в воздухе кружится,
Лето плавает в пруду,
Лето склеивают птицы
С веток вишневых в саду.

Лето падает под ноги,
Ключья лета там и тут.
Скоро дворники с дороги
Лето красное сметут.

2

Ухожу я в лес тропинкой,
Чтоб услышать поутру,
Как звенят листвою осинки
На пронзительном ветру.

Все длиннее —
В полдень тени,
Все сильнее —
Ветра свист.
Бьется бабочкой осенней
В паутинке
Желтый лист.

3

Нелегко прощаться с Летом,
Просим Лето:
— Подожди!
Но с рассветом
Нам ответом
То снежинки,
То дожди.

Ах, курлычет расставанье
Лето нам уж столько лет!
Только Лету:
— До свиданья! —
Не хочу кричать я вслед.

Не на юге дальнем где-то,
Там тепло и благодать, —
Знаю, долго будет Лето
В нашем сердце
Зимовать.

СКАЗКА

Чуть колышется ряска,
Лодку сбило волной,
Словно страшная сказка,
Лес встает предо мной.
Внемлют дальней кукушке
И луга, и лога.
В почерневшей избушке
Дремлет баба-яга.
Хворост в кустиках хрустнул,
Братец-козлик глядит,
И Аленушкой грустной
Молодица сидит:
Чудо-юдо приперло,
Дым стоит до небес.
Змей-Горыныч в три горла
Губит сказочный лес.
Дымовые завесы
Днем и ночью висят.
Я взглянул:
А у леса
Вырос химкомбинат.

ДИСКОТЕКА

Ну кто же молодость осудит?
Ей по душе веселья гром.
Но показалось мне:
Не люди —
Танцуют роботы кругом.

Неужто стал для человека
Примером
Робот заводской?
И завертелся дискотекой
Мой край родной
И шар земной?..

***

Душа Урала трудового
В твореньях мастера жива,
Нас очаровывают снова
Оград чугунных кружева,
Узоры ковanej решетки,
Чеканка медного ларца
И гравировки вырез четкий
На сабле знатного бойца.

Колосья бронзовой пшеницы,
Прыжок чугунного коня.
И то,
Как, меч держа в деснице,
Глядит Россия на меня...

ПРОЗА

ПОЛЬНЬ ДАЛЁКАЯ

Николай ГАЙДУК

Рисунки Владимира Казакова

Первый снег очень рано посыпался — прямо на мокрую землю, на лужи, полные ржавой листвы. В сиротливых полях за селом посветлело, принарядились боры, заискрились пушистыми

Гайдук Николай Викторович родился на Алтае. Закончил медицинское училище и Алтайский государственный институт культуры. Работал фельдшером, матросом на северном флоте, плотогоном в Якутии, доставщиком телеграмм, заведовал театральным отделом научно-методического центра народного творчества. Сейчас — литературный сотрудник Бюро пропаганды художественной литературы Красноярского отделения Союза писателей. Публиковался в альманахе «Поэзия», в ряде коллективных сборников, журнале «Студенческий меридиан», альманахах «Алтай», «Енисей».

В 1986 году вышла первая поэтическая книга «Калинушка-калина».

В нашем журнале выступает впервые.

ветками. День прошел и другой. Снег все падал и падал. Синеватый и чистый, пахнувший небом и солнцем, мутно желтеющим сквозь пелену, он был неизъяснимой детской радостью, как и всякий первый снег в селе: на улицах и в переулках красовались ядреные снежные бабы с ярко-красными морковками и черными углями, с дырочными ведрами-шляпами, лихо заломленными набекрень.

Но радости хватило ненадолго. На скорую руку — комком да в кучку за две недели снегу столько навалило в ноябре, что сельчанам впору было плакать: на крышах домов, на сараях строения прогнулись и треснули, а кое-где и совсем поломались; к поленницам дров ни с какой стороны не подступишься...

Бураны пошли. За селом крутояры сровняло с полями, взбурлило. После буранов мороз зазвенел!

Зверье в борах слабело от бескормицы и гибло, либо делалось отчаянным — тянулось к человеку за подмогой; вот почему, когда однажды вечером стая волков обложила косулю и погнала ее к лесному озеру, чтобы на льду с ней быстренько расчикаться — косуля вдруг свернула вбок и, шестиметрово прыгая, проплывая грудью по сугробам, выбралась на санный первопуток и без памяти помчалась в сторону села — только ветер засвистел между рогов, горделиво закинутых за спину.

Волки пытались настигнуть ее, навалившись на лапы остатками сил, но тревожный и предупреждающий дух человеческого жилья горячо бил в ноздри, нарастал; умный матерый вожак решительно остановился и сел на дорогу; стая долго с тоскою и злыми огнями в зрачках наблюдала, как во мгле мелькает, превращаясь в далекую точку, беленькое «зеркало» косули — пятно под хвостом...

Мальчика звали Егор.

Только что мать загнала его с улицы: щеки помидорами краснели и уши тоже — будто мать за них в дом тянула. Мальчик сидел за столом у окна, шмыгал оттаявшим носом и повторял стихотворение — завтра в школу.

— Иван Суриков. «Вот моя деревня».

Егор сосредотачивался, шурился в окно и по привычке покусывал кончик ворота у рубахи.

Вот моя деревня,
вот мой дом родной,
вот качусь я в санках
по горе крутой,
вот свернули санки
и я на бок хлоп!
и я на бок хлоп... хлоп...

— Ну-у, захлопал! — не вытерпела мать. — Егор, не кусай воротник! Я кому говорю? Сколько раз повторять? Совсем уже — хуже теленка: все рубахи в доме пожевал!

Егор хохотнул машинально и коротко. И нахмурился.

— Мамка, не мешай! Дай вспомнить!.. «Вот свернулись санки и я на бок хлоп...»

Он замолчал и затаил дыхание.

— Тыфу на тебя! — сказала мать. — Ведь сто раз уже хлопался и все бестолку! И в кого ты уродился, болванище такой?

— В тебя. В кого же?

— Ну-ка!.. Ишь ты, как со старшими взял

моду разговаривать! — Мать подошла, подтолкнула Егора в затылок. — Учи давай, сопля.

— Ну чо-о! Не лее-зь!

Егор обиделся. К окошку отвернулся.

Помолчали.

Мать поняла, что неправда: погорячилась, обозвав мальчишку, но свой характер пересилить было трудно — извиниться, и она с притворной строгостью ворчала:

— Бегает, бегает целый день как саврас без узды, а потом глаза выпучит и сидит, ни бельмеса не знает... Давай твою книжку. Подсказывать буду.

— Не нужны мне подсказки твои. Обойдусь!

— Ишь, набычился — папа родимый. Ну и сиди до утра...

— Ну и буду!

Егор прижался лбом к оконному стеклу, что-то увидел в огороде и отпрянул.

— Мамка, тихо! — цыкнул. — Глянь скорее!

— Что там опять?

— Да глянь же!

Егор забыл обиду. Лицо преобразилось: на нем, чередуясь, мелькнули испуг, удивление и лучезарный восторг...

По огороду шла косуля. На белоснежном выпуклом бугре остановилась, заслонив собою дальний бор. Облака, истончившиеся в паутину, словно повисли на косулиных рогах.

Мальчик соскочил со стула. Побежал к двери.

— Егор, ты куда? Ну-ка сядь! — мать успела ухватить его руку; он вернулся и опять принял лицо к окну.

Чуть протыкая копытами наст, косуля спустилась с бугра в огород — дырки следов тянулись черною цепочкой. Возле прясла, где задремывали белые деревья, не успевшие отлистопадить, что предвещало нелегкую зиму, косуля наклонилась, зубами подточила красноталовую ветку, торчавшую из сугроба. На вершине дерева сидели, запозднившись, две вороны. Картаво каркнувши, одна из них взлетела. Косуля вздрогнула передними ногами и — провалилась глубже в снег. Из ноздрей курился длинный сизый пар. Посмотрев наверх, косуля успокоилась и наклонилась вновь за красноталинкой.

Сообразив, Егор решил слукавить.

— Мамка, чо-то у меня живот болит.

Мать быстро разгадала его хитрость.

— Не ври! А то щас живо вылечу — дубиной.

— Ну, правда! Слышишь, как бурчит?

— Не слышу. Сядь! Сядь, говорю... Егорка!

Он проворно сунул ноги в катанки и, накиннув белую шубейку, вышмыгнул за дверь. Щелчка хлопнула.

Рогами коронованная голова косули резко вздернулась, ноги сами собою спружинили и подбросили тело над пряслом — тень скользнула по снегу. Вторая ворона на дереве каркнула и, улетая, просвистела крыльями в морозной тишине.

Егор постоял на крыльце, проклиная шеколку. Перешагнув через веник-голик и спустился во двор. Движения стали бесшумными, плавными, как у лунатика.

Выструнив шею, косуля взволнованно фыркнула. Егор подбирался все ближе, видел, как кожа трясется на груди и на волглой от пота спине; опущенные инеем волосы возле ноздрей шевелились во время дыхания; огромные, заплакано блестящие, со сливовым, косо поставленным зрачком, давшим имя косуле, глаза напряженно следили за мальчиком и не мигали. На какую-то долю секунды взгляды их встретились: косуля свободно вздохнула, и грудь у нее перестала дрожать.

Мать закричала с крыльца:

— Егорка! Уйди, разнечистая сила! Уйди, я кому говорю?!

Косуля повернулась, дернула коротеньким хвостом и отбежала в тень, сгустившуюся под деревьями.

Егор отчаянно махнул рукою на мать: отстань, мол, не мешай. Он следом за косулей ува-

зался. Тогда женщина взяла голик с крыльца и замахнулась.

— А ну-ка, черти! Шас обоим попадет!.. Иди домой, учи уроки. Быстро. Запрет рогами, узнаешь тогда, паразит!

Косуля побрела по огороду, охромело припадая на копыто с надорванным от бега сухожилием, лишь теперь давшим знать о себе.

Мать загнала Егорку веником домой. Но сердиться он уже не мог. Глаза сияли.

Садясь за ужин, глядя на окно, Егор спросил:

— Мамка, ты хоть знаешь, кто к нам в гости приходил?

— Когда? Какие гости?

— Ну, сейчас на огороде кто был?

— А я почему знаю? Косуля, наверно.

— Да нет же, мам, нет!

— А по-твоему, кто?

— Конек-горбунок!

На днях Егор с помощью матери одолел знаменитую сказку Ершова и теперь находился под сильным впечатлением от нее: любая коняга в селе представлялась Егору коньком-горбунком, ну а косуля и вовсе ошеломила его.

— Да, да, мамка! Не веришь? — говорил он серьезно. — Это конек-горбунок приходил.

— Конек-дурачок!.. Ты маленько-то соображай. Медведь притопаёт из лесу, ты еще с ним

иди пообнимайся! У этих косуль зубы, знаешь, какие? Во! Вот такие, может, больше. Как цапнет за задницу, так и сидеть будет не на чем. Понял?.. Ну, жуй, сынок, жуй. Рот раззявил — окошко проглотишь... Жуй да садись за уроки. Пробегал весь вечер, а завтра опять тройку схватишь!

Ночью приснился Егору цветной, очень явственный сон.

Егор сел верхом на косулю: теплая упругая спина мягко прогнулась под ним, дымчатый глаз покосился на мальчика. Улыбаясь, он нежно погладил косулю по серому бархату шеи, почувствовал, как под ладошкой бьется какой-то таинственный живчик и тугими толчками струится под кожей косули горячая кровь...

Ухватившись за крепкие ветки рогов, он посмотрел на белую дорогу впереди, вдохнул полной грудью и весело крикнул:

— Поехали с орехами!.. Эх, сивка-бурка, вещая каурка! Но, поехали!..

Уши у косули нервно прыгнули. Мерзлый снег под копытами хрупнул капустой. Дома сбоку Егора покачнулись и пошли, поехали назад. Кто-то ахнул за воротами:

— Егор! Ты куда это собрался? Расшибесся! Егор небрежно бросил:

— Не бойсь!

А сам-то он боялся: мурашки поползли между лопаток.

Улица Подборная осталась позади. Березовые колки промелькнули на полях, снегозащитные полосы, где жаркими букетами желтела облепиха-ягода... Потом косуля поплыла по целику и углубилась в лес. Крепко запахло елками, кедровой шишкой. Откуда-то сверху пригрезился голос отца:

— Егорчик! Сына! Физкульт-привет!

Потом голос матери:

— Вася, не надо будить. Он не выспится.

— Ничего, ничего! — отец подхватил его на руки.

Мальчик медленно просыпался.

— Ба-тя-ня?! — слова у него выходили с трудом. — Батяня, ты где пропадал?

— В бору. А ты забыл, сынок? Заспал?

— А кого ты там делал?

— Работу работал.

— Работу?

— Конечно. Посмотри, что я привез тебе, смотри... Мать, дай-ка мне спички.

— Зачем?

— Я в глаза ему вставлю, а то закрываются.

— Не болтай, а то я вставлю кой-куда...

Егор захлопал мутными глазенками, кудлатой головою покрутил. У порога стояла блестящая иглами елка, оттаивая в тепле. Мужики во дворе разгружали машину: приглушенный говор доносился, изба сотрясалась от бревен, валившихся наземь; с еловых лап срывались капли.

Отец протянул ему крупную кедровую шишку. Тут Егорка вспомнил сон и спохватился: глаза округлились.

— А где косуля? — спросил тревожно.

Отец тоже глаза округлил — понарошке.

— Какая косуля?

Он и правда ничего о ней не знал. Глядячи на них, мать засмеялась, выходя из горницы.

— Господи, он помешался на этой косуле! В огороде она, возле стога лежит. Спи давай... Вася, не надо его тормозить. Слышишь, Васька! Задужишь ребенка. Отдай сюда!

— Фиг, не отдам! Это мой сына, мой!

Отец опустил его на кровать. Одеялом бережно укутал. Две половинки двери за отцом осторожно прикрылись, и у Егорки в комнатке сделалось темно, только в щелку свет соломинкой проткнулся и упал на край постели...

Остаток ночи Егор не спал. Переживал за косулю свою: как бы с ней чего плохого не случилось. Чертовщина всякая мерещилась. Петухи орали по дворам.

Но вскоре из-за леса выкатилась полная веселая луна, и в доме как будто разлили ведро с молоком — полы враз побелели. Болтая босыми ногами, Егор посидел на кровати, зыркнул в окно и начал одеваться. Вынул из душной печи натомившиеся катанки. За печкой сверчок замолчал на секунду и вновь растрепался вовсю, как он обычно умеет трещать перед теплой погодой. Елка рядом с печкой разомлела, густо надышала в горнице; под светлым косо срубленным стволом блестела лужица, а в ней иголки. Втягивая пряный вкусный запах смолы, Егор взял со стула три кедровых шишки для косули и на цыпочках покинул дом. Внутри катанок подошвы были горячи и обжигали пальцы, щекотали пятки.

Над селом горели загадочные россыпи созвездий.

Утром Егорка из школы рано вернулся — учительница приболела. Бросив на лавку портфель, он схватил со стола кусок хлеба и метнулся на улицу.

— Переоденься! — окликнула мать. — Да поешь ладом.

— Сичас...

Дворах в четырех по соседству кололи свиней в это утро: весь воздух, казалось, визжал над

селом и противно вкручивался в уши. Егор заглянул за сарай, там осталась глубокая лунка под стогом, где ночевала косуля, серый очесок шерсти колыхался на жердине. Следы уводили к реке.

«Испугалась,— подумал Егорка.— Ничего, вернется. Худо ей в лесу: вон как там ночью волки выли, окаянные!..»

На крыше сарая сидела желтогрудая синица. Егорка вынул из кармана семечки и протянул открытую ладонь.

— На, клюй! — сказал тихонько.

Птаха словно поняла: подлетела и зависла над ладошкой. Мальчик видел белую щеку и синеватый веер мелькавшего крыла; глаз живой росинкой поблескивал на солнце: синица глядела то на семечки, то на Егора — никак не решалась клевать.

Мать постучала в окно и синица отчаянно кинулась вверх.

Егорка подошел к окну, спросил сердито:

— Ну, кого тебе еще надо? Вечно лезет, мешает, как эта...

Мать позвала в избу, сказала:

— Сынок, сбегай к Сарогиным, отдай им пять рублей, а то мне разу некогда. Скажи, мать, мол, велела. Да гляди, не посеи, полоротый, все равно ведь не вырастут. И спасибо скажи, не забудь.

— Ладно, сичас сбегаяю. Натe, скажу, пять рублей вам, да тока, пожалуйста, не вижжите, а то надоели уже хуже редьки...

— Я те скажу! У тебя ума хватит!.. Переоденешься потом — принеси дров для бани. Отец будет мыться.

— Ладно, принесу. Натe, скажу, вам дрова...

— Ну, иди, не болтай! Как начнет свои лапти плести — не переслушаешь. Да горло закрой — растелешился!..

Крестовый сарогинский дом стоял на пригорке. Он чуть выделялся из общего скромного ряда сельчан: цветными петухами разрисованные ставни издалека манили к себе взор; жестяная крыша сверкала серебром, врезавшись в полуденное солнечное небо.

Калитка распахнулась. Железное колечко тихо звякнуло. Грудастый черный пес, посаженный на цепь в углу двора, не обратил никакого внимания на Егора; калачиком сворачивая хвост и распрямляя, скуля в нетерпении, пес ожидал подачи от людей — дядя Миша Сарогин и Петька, его младший сын, деловито топтались вокруг здорового неподвижно лежавшего борова. Морозный воздух во дворе вонял бензином и подгорелой шерстью.

Мальчика несколько минут не замечали.

Боров лежал на выскобленных досках, слева в груди — красная дыра. Кровь запеклась под ней и почернела, будто обуглилась. В доску воткнул был нож — длинное лезвие жарко искрилось под солнцем. На волосатой безобразной морде борова застыл ужас предсмертных секунд. Зубы хищно оскалены, сжаты, между ними — сизый кончик языка. Мертвый маленький глаз отрешенно пялился в небеса и, отражая свет паляльной лампы, переливался багрово и жутко, словно кому-то подмигивал..

Сарогин осматривал борова. Сердито ревуший огонь пучком вырывался из сопла и слизывал дымящуюся шерсть; шкура принимала шоколадный цвет, а кое-где вспухала волдырем и лопалась — жирные брызги летели на голенища сапог дяди Миши; жир бежал ручейком и шипел, настывал стеарином на брюхе, мешковато свесившимся с досок...

— Ой, дядя Миша! Больно!

Сарогин наступил на ногу мальчика и, лишь когда он крикнул, обернулся и увидел.

— А, это ты, Егорий? Ну, здорово... Иди, Петька, лампу заправь да напиться мне дай... Как, Егорий, дела? Что хотел?

Мальчик разгладил купюру на потной ладошке.

— Вот, мамка велела. Спасибо.

— Поросенок мне не брат, а пять рублей не деньги! Так? — присказкой ответил дядя Миша, пряча пятерку за козырек мохнатой шапки. — Егорий, хошь свиное ухо?

— Я сало не ем, — сказал мальчик. — Я блюю от него.

— Чудак, это же хрящ. Деликатес! — Сарогин вынул ножик из доски и отхватил у борова полуха. — На вот, попробуй.

От звука, с каким ножик чиркнул по уху, Егора всего передернуло. Он покрутил головой.

— Не хочу!

— А что так? Или моргуешь?

— Нет, — не сознался Егор.

— Эх ты, мужик!..

Сбоку Петька подошел. Бережным движением протянул отцу стакан, наполненный кровью забитого борова. Дядя Миша осторожно взял стакан и, придерживая шапку, чтобы не свалилась, медленно и глухо задвигал кадыком, поцарапанным бритвой и крест-накрест заклеенным белой полоской пластыря. Просвеченный солнцем стакан заалел возле рта и погас — опустел. Сарогин поморщился. Сплюнул кровь на снег, отдышался и полез в карман за папиросами.

— Центнера на два потянет, да, Петро? Не в пример прошлогоднему! — он кивнул на борова.

— Тот вообще был дистрофан, — ответил сын. — Еще налить?

— Не надо. После...

Стакан слегка вздымился, остывая, темно-багровые струйки стекали на дно. Изумленный Егорка стоял и, расширив зрачки, не мигая смотрел на Сарогина.

— Дядя Миша!.. А ты, что ли, кровопийца? — спросил мальчик.

Сарогин поперхнулся табаком, покашлял и бровями шевельнул, как ворон крыльями.

— Фулиган ты, Егорий! Я ведь больной человек, а ты так про меня говоришь: кровопийца... Мне доктора прописали эту гадость глотать. — Дядя Миша присел возле мальчика и засмеялся, дыша табаком, тронул Егора за плечико и потрепал. — Кровопийца! Вот же ловко придумал!

Егор, будто впервые, внимательно рассматривал соседа: лицо малоподвижное, матерое, выдавшее стужу и зной; красноватые прожилки паутиной светились под кожей на скулах, на бритых щеках; дремучие брови кидали косматую тень под глаза — зеленые с мелким коричневым крапом вокруг зрачка; нос круглой картошкой сидел под бровями; губы толстые — добрые.

— Иди в избу, там наша бабка тебя ждет, — сказал дядя Миша загадочно.

— Зачем — в избу?

— Узнаешь... Петька! Где топор?

— А? Я не знаю, где-то в стайке.

— Ёк-макарек! Я же сказал, чтоб ты принес топор сюда!

Дядя Миша выплюнул окурочек и сам пошел в стайку.

В доме Сарогинных дали Егору горячую румяную ватрушку. Выйдя на высокое сосновое крыльцо, Егорка улыбнулся, переложил стряпнину с ладони на ладонь, подул на пальцы — ватрушка сладко жглась. Улыбался Егор оттого, что с крыльца было видно косулю — она в огород возвращалась по берегу.

Над рекой было тихо, лишь изредка доносились до слуха стеклянные всплески воды в полынье возле Жаркого Ключика, не поддающегося даже лютому морозу. Вокруг полыньи снег примят и притоптан. Лепестками цветка отпечатался там перепончатый след водяного с пугающим именем — выдра.

Ельники спали в снегах, красноталы склонились над берегом. Чуть отмякнув на солнце, с ветвей осыпалась кухтя и легонько шуршала, искрилась в полуденном воздухе. Пестрый дятел выстукивал частую дробь на сосне за рекой, и Егору казалось: у дерева тоже есть сердце!..

Мальчик трудился у Жаркого Ключика. Нарезав охапку красных прутьев, он связал их веревкой, принес в огород и рядком разложил под копной — для косули. Постоял, подумал: мало или хватит? Не поленился и сделал еще одну ходку за прутьями...

Мать выпускала уток из сарая — покормить. Сына увидела и кучу краснотала.

— Куда ты таскаешь, Егор? — удивилась. — Поди ноги промокли уже — возле Ключика топчешься...

— Не промокли!

— Я вот лозину сейчас как возьму, натаскаю тебе! Иди в избу, сушись!

— Мамка, ты вместо того, чтоб ругаться, сшила бы седелку мне. Только маленькую. Мне вчера приснилось...

— Что за седелка?.. Тьфу! Что за седелка?

— Для конька-горбунка. Мам, сошьешь? А, сошьешь?

— Отстань! Ты, Егор, как выкомкаешь чо... Или делать мне нечего? Брошу вас, седелку буду шить!

— Ну и не надо. Сам сошью. Понятно?

— Шей на здоровье, шей...

— Мам! А я возле Жар-ключика встретил сейчас водяного. Не веришь? Хвостике такой здоровенный...

— Ага, как язык у Егорки!

— Да ну тебя! Лишь бы смеяться!

— Ладно, не сердчай. Иди поешь.

— Успею. Ты лучше мою загадку отгадай: в новой стене, в круглом окне днем стекло разбито, ночью вставлено. А? Что такое?

— Прорубь. Дурачок, ты мне уже загадывал на днях.

Мать засмеялась. Егор подбоченился.

— Ладно! А вот эту отгадай-ка: за белыми березами соловушка свищет. Ну, чего молчишь? Сдаешься? Думай, думай, а я пока в уборную сбегаю.

— Ну, беги. Стоишь, мнешся. Беги! А то точно в пимах будет мокро...

Близилось время обеда. Свеженина была на подходе. Женщины по локоть оголили руки, усердно месили набухшее клейкое тесто, катали его скалкой на столах; хрустели ножами проворные мясорубки — свиной фарш готовился к пельменям; в избах пахло уксусом и протертым луком; нарезали свиные натуральные котлеты, из которых ребрышки торчали, и на раскаленных сковородах жарили до розовой аппетитной хрусточки; вынимали из подпола банки с капустой, грибами и всякою всячиной...

Михаил Кондратьевич Сарогин вышел на крыльцо — покурить. Уперся полным животом в перекладину перил, тяжело вздохнул. На спине и под мышками взмокло во время еды, и теперь ему было приятно ощущать, как морозец покусывал кожу. Он достал беломорину, дунул в нее и помял между пальцев; на пудовом красноватом кулаке голубела крупная наколка: солнце бросало косые лучи из-за гор, у подножья строго выведено «СЕВЕР».

Следом вышел свояк; в белой заячьей шапке, в пиджаке, накинутом на плечи; за щекой топорщилась конфета — курить недавно бросил, леденцы грызет.

— Ну что? Значит, завтра давай поутрянке, — сказал он, возвращаясь к прерванному разговору. — А то ведь, елки-шишки, ехать далеко. Покос-то у меня был на Еланях.

— Да привезем, привезем, Дорофей, твое сено. Не дергайся, — ответил Сарогин, пуская дым из широких ноздрей.

Свояк с присвистом пососал конфету и вдруг выплюнул.

— Гляди, гляди! — воскликнул. — Что там за хреновина? Косуля, однако, пасется у вас в огороде?!

— Косуля, — подтвердил Сарогин. — У Ильиних живет. Парнишка приручил.

— Свиной не любят, — брякнул Дорофей, — говядину решили откормить!

— Кого там той говядины! — Сарогин усмехнулся. — Килограмм, наверно, двадцать пять. У марала у путнего одни рога и то больше потянут. Мы, бывало, на Амуре за сезон по сто штук забивали — косуль.

Докурив и ногтем отшвырнув окурочек, Сарогин вдруг поднес ко рту ладони, сложил их как-то ловко, выпучил глаза и протяжно крикнул, подражая косуленку. Услышав тонкий голос, косуля на мгновение застыла возле прясла. Выступила шею и носом повела, но ветерок струился от нее и трудно было запахи ловить.

В зрачках Сарогина мелькнул отчаянный охотничий азарт. Он снова крикнул — жалостливо, кротко и призывно. Косуля нерешительно шагнула, потом, поверив звуку, бросилась вперед.

Дорофей удивился таланту Сарогина.

— Во дура какая! — сказал про косулю. — Эдак ты и в сарай заманить ее можешь, ага? Ну-к, попробуй.

— Ладно, в горницу пошли, а то рубаха к пузу примерзает. Что-то стало холодать...

Пес, лежавший клубком на снегу, встрепнулся, ушами повел и зевнул — из горячей пасти выкатился пар и низкий грозный рокот. Сарогинский пес представлял собой редкий волко-

собачий гибрид: был он высокий, мускулистый, черный, в белых пушистых носках и на груди такая же шерстяная белая салфетка; глаза красные, колючие, как гвозди...

Пес увидел косулю, подпрыгнул и, разогнавшись, отлетел назад — цепь не пустила, спружинила; затрещал под горлом кожаный потершийся ошейник; ослепленный яростью, пес ухватил зубами цепь и тяжело потряс ее, оставив на металле капельки жаркой бешеной слюны. Во время второго такого прыжка ошейник порвался: кувыркнувшись через голову, кобель проехал на передних вытянутых лапах... Сообразив, он быстро обогнул сарай и на просторном светлом огороде вытянулся в черную стрелу, летящую наперерез косуле.

Сарогин страшным голосом закричал с крыльца:

— Стоять! Назад!.. Кому сказал!

Утопая в сугробах, косуля достигла забора, но перепрыгнуть не успела: пес догнал, хотел вцепиться в шею, но получил рогами по зубам и взвизгнул... Приотстал, но тут же навалился сбоку: заклокотал, вырывая дымящийся потный кусок, замотал башкой, хмелеющей от крови.

— Во даешь! — Дорофей засмеялся, сунул пальцы в рот и засвистел.

— Да заткнись ты, идиот! — в сердцах сказал Сарогин. — Он же щас надевает делов...

Косуля все же вырвалась, отбилась и, чудом оказавшись за оградой, стриганула наугад — в узкий проулок, тупик, забитый поленницей дров. Разогнавшись, она с невероятной силой вымахнула вверх и, грудью проломив дыру в поленнице, вместо воли очутилась во дворе перед другой собакой — не на привязи...

И пошла потеха по селу...

Егорка дернул дверь. Ворвался в баню. Крикнул, обжигая паром легкие:

— Папка! Помоги! Там убивают!..

Сверху, с полка свалился ковшик, покатился по полу, звеня. Из тумана высунулось красное лицо.

— Где? Кого убивают?

— Косулю!

— Ну, не хнычь.. А кто там? — отец махнул рукой на улицу.

— Собаки!.. И много народу!..

— Ладно, ничего с ней не случится. Убежит.

— Ага, убежит! Хромоногая!

Отец банный лист отлепил от лица, бросил на пол.

— Ладно, я сейчас ополоснусь...

— Ага! — всхлипнул Егор. — Там будут тебя

ждать, ага-аа!.. Там уже вон как.. слышишь?.. Слы-ышишь?!

Отец любил попариться не торопясь: с кваском, с еловым венником (он елку-то для этого привез), и потому ответил не без раздражения:

— Ну что мне теперь? С голым задом прикажешь бежать?

Мальчик дверь захлопнул. Прикусил плясавшую губу, чтоб не заплакать. В сердце кипела горечь, боль и ненависть к чему-то непонятному, что представляло собою толпу, гнавшуюся за косулей. Он покружился по двору, уши ладонями попробовал зажать. Нет, все равно было слышно: хриплый безудержный лай раздавался за избами, голоса возбужденных людей...

Мальчик вспомнил про кладовку и воспрянул духом. Табуретку взял, подставил под ноги и, дотянувшись кое-как, сорвал с гвоздя холодную дустволку.

Отец его увидел в мутное оконце, крикнул из предбанника:

— А ну-ка брось ружье! Егор!.. Егорка!

Но мальчик не послушался — впервые, может быть, за всю свою коротенькую жизнь.

Шум катился вдоль по улице, как снежный ком с горы, становясь все больше, больше, больше. В людях проснулся азарт вековой охоты, той самой охоты, в которой отдельно как будто никто не виновен, если искать виноватых, но каждый по отдельности ведет себя здесь как сильный и немилосердный вершитель судьбы...

Вдруг откуда-то мелкая рыболовная сеть появилась. Два шустряка растянули ее в переулке. Косуля на сеть не пошла. Грудью таранила круглого толстого дядьку. Упав на четвереньки, он зажал подбитый глаз и матюгнулся:

— Тузик! Рви ее, тварюгу, на портянки!..

И Тузик рвал. И все другие тоже.

Косуля кружилась затравленно, слепо. Метровый лоскут окровавленной кожи тащился за нею по снегу. Белизной ребра светился левый бок. От страха, от невероятных усилий глаза у косули разбухли, готовые лопнуть, и почти не моргали. И все, что ей виделось в эти минуты: крыши села, огороды и небо, и дальний спасительный лес, куда едва ли хватит силы дотянуть, и свора, наседающая сзади, яростно кусающая снег с ароматным отпечатком следа, — и все остальное в глазах у нее покраснело, покрылось огнем...

Потом из толпы мужиков кто-то выстрелил: пуля прошла впереди, продырявила воздух и впилась в жердину от прясла — щепки брызнули в стороны. Косуля отпрянула и повернула к реке.

Над обрывом она гордо вскинула рога и несколько секунд летела птицей... Внизу негромко захрустел голубоватый юный лед возле Жар-ключика. Над берегом столбом поднялся пар, и стайка снегирей порхнула прочь...

Бежавшие собаки будто натолкнулись на незримую стену: встали на кромке обрыва, замешкались. В полынье ворочалась мутная свинцовая вода, всплывали пузырьки и тихо лопались. Вытянув морды, собаки для острастки полаяли в небо, понюхали серый клубящийся пар и при-смарились, почуяв неладное.

Егор спешил на берег. В разорванной собаками шубейке, размазывая слезы по щекам, чтоб лучше видеть, он шепотом кричал:

— Не убивайте!..

За ним, спотыкаясь, бежал сердитый отец: в пимах на босу ногу, в трусах и в телогрейке, надетой на голое мокрое тело. Уже на берегу, схватившись за стволы, он рванул ружье из рук мальчишки и, переложив через колено, громко плюнул: двустволка оказалась незаряженной.

— У-у, паршивец! — батя замахнулся вгорячах.

Мальчик, глядя на кулак, побелевшими губами вдруг сказал:

— Ну, бей! Чего стоишь?.. Ну! Бей!

Отец опешил. Рукавом фуфайки вытер лоб и, смущенно крикнув, закинул двустволку за плечо и пошагал домой...

Берег вскоре опустел. Люди успокаивались, расходясь по избам. Остывали. И вдруг почему-то им стало неловко. Стали прятать глаза друг от друга. Излишне сурово покашливать, хмуриться. И чтобы отогнать эту стыдливую неловкость, мужики ругались молодецки, подтрунивали сами над собой: куда, мол, так бежали? Как за тигрой за какой!..

На берегу остался лишь Егор.

Он подошел к обрыву.

Постоял. Подумал.

Смотреть в полынью было страшно. Тянуло туда... голова начинала кружиться, угарный звон стоял в ушах, словно тройка с бубенцами мчалась где-то за рекой...

Неподалеку, под елкой, сидела пушистая, белая, с добрым характером лайка. Взглядывая косо на Егора, собака хвостом молотила по снегу, скулила, стараясь его успокоить. Потом подошла, осторожно приблизила морду и, высунув красный шершавый язык, стала слизывать слезы с Егоркиных щек. Он обнял одной рукой со-

баку, пальцы запустил в густую шерсть и плакал, плакал...

Неясное предчувствие беды заставило отца бегом вернуться к берегу. Егора он нигде не обнаружил. Следы подшитых маленьких пимов обрывались у закрайков полыньи. Ильин собственноручно пришивал сыну подметки и мог сейчас поклясться: это прошел Егор. Прошел туда...

Ильин метнулся к дому. И схватил багор.

«Если под лед затащило, то все!» — отчаянно подумал он, споткнулся, и лицо перекошилось от пронзившей боли: ногу подвернул.

Совсем некстати появилась мать. Она слышала выстрел на улице, видела свору собак и людей и о многом уже догадалась...

Забыв закрыть калитку за собой, мать зашумела:

— Где он? Слышишь! Где Егор?!

— Ты помоги мне встать... Да не кричи, — попросил Ильин, преодолевая боль. — погоди ты попусту кричать. Может, ничего и не случилось..

— А зачем тебе багор? Зачем?.. Василий!..

Вечерело. Снег утратил белизну. И в глубине леса погасло пение неведомых, весь день звеневших птиц.

Неестественно горясь, как маленький старик, мальчик вышел из лесу, где прятался, и бесцельно, долго брел пустынным берегом мимо мусорных куч, частоколов, кустов, забинтованных инеем, мимо какой-то мышастого цвета косящей зануканной клячи, с покорной тоской жующей сенцо, едва уловимо горько пахнущее полынью, мимо ворот незнакомого дома, возле которого гроб возвышался на старых санях; было жутко и хотелось убежать, но мальчик решил: будь что будет, и не торопился...

Так он брел, куда совсем не утомился, и где-то на другом краю села, как на другом краю света, все неудержимей содрогаясь внутренним ознобом, остановился, загляделся на одиноко темнеющую фигуру: вскидывая блестящий топор, человек вырубал свою лодку, намертво вмерзшую в лед, и к берегу подтягивал — чинить; больно прохудилась лодчонка. Весна пускай не завтра и не скоро, но когда-нибудь все же вернется, должна... Так ведь, да? Или — как?

Павел ИВОНИНСКИЙ
Рисунок Дмитрия Литвинова

ГОРОД,

Это был самый обычный поезд, так ведь, Женька? Самый обычный поезд до города. Он шел с Восточной Равнины до конечной остановки. Конечная так и называлась — станция Город.

И вагон был как вагон.

За окошком уже стемнело — сверху торопливо спустился плотный сентябрьский вечер.

Мы возвращались домой с оравой знакомых и незнакомых мальчишек. Там, на Восточной Равнине, только что закончились Большие Детские Игры. Мальчишки, голосистые и шумные, притихли к вечеру. Может, потому, что незаметно подкралась ленивая усталость. И те, кому до конечной, разлетелись по свободным местам: теперь, нахохлившись, сидят у темных окон.

В стекле неясно отражался салон и еще женщина с красной повязкой. Контролер! Нельзя сказать, что я боялся контролеров, однако похолодело в животе — совсем как в автобусе, когда едешь без билета. Но теперь-то билеты есть! И я облегченно зашарил по карманам. Мне почему-то не нравилась эта краснолицая тетка с полевой сумкой через плечо.

РАЗГОВОРЫ С ЖЕНЬКОЙ

— Тьфу! — чертыхнулся Женька и беспомощно проводил взглядом цепочку светлых квадратиков и красных огоньков — уходящий поезд. Огоньки быстро таяли в синей дали. — Ты тоже хорош!

— Да при чем тут я?

— А ну тебя! — Женька зашагал к слепым окошкам кассы, обернулся. — Ты чего? Пошли... Да пошевеливайся, ты!

Голос у него был обиженный и злой. Ну конечно, он же считает, что я во всем виноват. А кто мог знать, что Лешка, наш вожатый, сойдет вместе с билетами где-то у Серых Холмов? Ну кто?

Я спросил:

— Куда торопиться-то? До города вон сколько...

До города было километров сорок.

Женька нетерпеливо шевельнулся на хрустящей щеченке:

— Вот балда! Думаешь, я хочу тащиться через эти джунгли? — Он мотнул головой в сторо-

КОТОРОГО НЕ БЫЛО

ну чернеющего стеной недалекого леса.— Дурак. Переночевать надо.

— Сам...

— Чего? — не понял он.

— Сам дурак.— И я зашагал вдоль насыпи. «Ну, все! Если ты думаешь, что меня можно обзывать как попало, то фиг тебе, Женечка! Вот так!..»

— Пашка, ну куда ты? Обиделся, что ли? Ну, Пашка!

«Что, Женечка, страшно одному?! Сейчас я тебе скажу...»

Но Женька стоял рядом, виновато переминаясь с ноги на ногу. В его глазах, как и в недалеких черных окнах кассы, отражалась желтая луна. И у меня вырвалось, почему-то шепотом:

— Бульдозер...

Женька моргнул и облегченно заулыбался — я назвал его старым необидным прозвищем. И в самом-то деле, разве похож щупленький и тонконогий Женька на бульдозер?!

Он потянул меня за руку:

— Пойдем. Поздно уже.

Проснувшийся осенний ветерок тихонько заструился со стороны остывающих рельсов, сорвав запах с потрескавшихся шпал.

Действительно, поздно.

Ветерок невидимой рукой пригладил траву и наши галстуки, пробежал холодным удавчиком по ногам.

А на Восточной Равнине еще лето... Жаль, конечно, что праздник кончился.

Звезды. Их так много в этом небе. А оно сегодня черное и бездонное, потому что все тяжелые тучи куда-то сгнули. Только небо. И звезды. Пришельцы, друзья и братья по разуму.

— Женька! Ты спишь? Женька...

— Ну чего тебе? — заворочался он.

— Посмотри, какое небо.

— Что, я его не видел, что ли?

— Нет, ты посмотри!

— Ну,— недовольно хмыкнул он, открыл глаза и затах... Было только слышно, как он тепло дышит мне в локоть.

Женька беспокойно повернулся — волосы защекавали мой подбородок:

— Пашка! Как ты думаешь, война будет?

— Смотри, спутник! — среди звезд быстро кралась яркая точка.— Нужно загадать желание. Женька, ты загадал?

— Нет... Пашка, ну как ты думаешь насчет войны?

— А ты?

— Не знаю. Думаю, что не будет.— Он посмотрел на меня в темноте.— Ее же никто не хочет.

— А генералы?

— Разве только они. И то не все.

— Да. А если будет, то, наверное, все кончится сразу. Только...

— Пашка, я загадал желание!

— Какое?

Женька сжал пальцы вытянутой руки в кулак, словно хотел поймать этот спутник:

— Хочу, чтобы не было войны!

И испуганно обернулся, боясь увидеть на моем лице улыбку. Но чему тут улыбаться-то, если сам...

А утром меня разбудил какой-то упругий толчок и отчаянный Женькин крик:

— Па-ашка-а-а!

Над горизонтом уже поднялось солнце, и в розовом воздухе далекие строчки облаков казались темно-сиреневыми.

— Да проснись ты, дубина!

Я вскочил.

— Смотри!

Он рывком развернул меня в сторону, где за лесом должен быть город. Там, чудовищно разбухая в облаках, стоял черный гриб.

— Побежали! Да не в лес! Звонить,— так же отчаянно, со слезами, кричал Женька.— В кассу...

Дверь в старенькое здание почему-то была отперта. Мне вдруг показалось, что там не окажется телефона.

Телефон все-таки был.

— Подожди, Женька. А как же желание?

Но он не слушал. Он лихорадочно набрал номер городской справочной и, задыхаясь от слез, крикнул:

— Война!

В трубке что-то зашуршало, и сытый женский голос спросил:

— Че-го?

Женька оторопел:

— Война...

— С кем?

— Не знаю... Таммм...

— Мальчик, не мешай работать,— перебила трубка.

Женька беспомощно поглядел на меня и снова метнул руку к телефону. В окно смотрелись зеленые листья сирени. Потом они свернулись, почернели, а дощатые стены налились ослепляющим жаром, поползли куда-то.

Что сейчас творится в городе?

Резко обрушился фасад, и сдуло крышу. Розовое с голубым, такое ласковое небо, горящий лес. Тоненькая мальчишечья рука, мечущаяся и хватающая воздух. Чей-то пионерский галстук в танцующих язычках огня.

СЧЕТЧИК ГЕЙГЕРА

Этот сон мне снился каждую ночь. Нет, конечно, не каждую, но все равно. И всякий раз после этого болели «боевые шрамы» — ожоги. Иногда даже казалось, что все это было по правде — слишком уж сильно колотилось по утрам сердце. И полдня потом ходил сам не свой. Да и Женька тоже...

Ветер рывком прыгнул в открытое окно, сдул с подоконника чью-то тетрадку и записку с акkuratными буквами: «Петька дурак».

— Мальчишки, вы готовы? Женя, торопись, опоздаешь на линейку.— Это заглянула в спальню молодая вожатая со спадающей на глаза челкой — Тамара Никандровна. Старшие ребята и храбрая малышня звали ее просто — Тамарка. Она не сердилась.

Но была ли где-нибудь вообще Восточная Равнина? Хоть где-нибудь?

А за окном в школьном саду радостно стучали ветками тополя, приветствуя наступающее лето. Весна в этом году запоздала. Может, у времен года есть свои поезда? Которые, как и все нормальные, опаздывают или приходят раньше времени. Видимо, весне просто не повезло с билетами. Снег сошел поздно, и только-только появились клейкие листочки. А уже скоро наступит лето и конец учебного года.

А на Восточной Равнине скоро следующие Игры. Этот ветер, такой же, как и у нас...

— Пашка, закрой окно. Ну!.. Опоздаем же! — Женька подошел совсем близко.— Пашка... Опять?

Я кивнул. А что говорить?! Женька и так понял.

Он осторожно подышал рядом:

— Ну пойдём! А то Марь Ванна будет сердиться. Пожалуйста...

— Пойдем, конечно.

И мы пошли. А как же иначе? Не опаздывать же на линейку!

Второй была физика.

Класс озабоченно шелестел страницами и гудел, хотя шла самостоятельная работа. Все знали, что веселый и добродушный физик смотрит на такие самостоятельные сквозь пальцы. А попробуй только ошибиться у доски!

— Лариска, дай списать!

Лариска списать не дала.

— У, колбаса,— Петька показал ей кулак.— Видела!

— Утюг! — Лариска демонстративно отвернулась.

Стремительно зашел Константиныч.

Класс лихорадочно захлопнул учебники.

— Ну что? Все списали?!

Раздались веселые выкрики и смех:

— Все!!

— Сегодня для вашего общего развития я расскажу о счетчике Гейгера. Кропачева, сотри с доски.

Лариска, отличница и ябеда, горделиво поплыла между парт.

— Счетчик Гейгера применяется для обнаружения радиации и измерения ее уровня. Кропачева, оставь зеркало в покое!

Лариска покраснела.

— Садись на место.

— Девица-красавица,— громким шепотом сказал Петька. На него заглядывались.

«Девица» незаметно показала язык.

— Утюгов,— нестрашно прикрикнул физик.

— А чо я?! — возмутился Петька.— Это Семенов.

— Чего?

— Семенов! Иди-ка сюда...

— Ну, Утюг...— Женька нехотя ползл к доске.

Однако Константиныч неожиданно попросил принести из лаборантской счетчик.

— Так... Теперь включи! Вот. Ребята, смотрите! Способ обнаружения радиации таков. В этой руке у меня капсула с солью урана. Подношу!

Черный круг динамика засвистел и защелкал.

— Скажите, много нас окружает радиоактивных предметов?

— Ни одного!

— Неправильно! — Константиныч подкрутил что-то на панели.— Внимание! Максимальная чув-

ствительность! Слышите?! Это фоновая радиация. Все вокруг нас немного радиоактивно. И парта, и даже люди...

Он поднес счетчик к Женьке и чуть не выронил его, потому что раздался страшный треск.

Женька отшатнулся, словно в него попали камнем.

— Ничего себе! — с уважением сказала девочка за первой партой и убрала ладошки от ушей.

Женька медленно-медленно пятился к двери.

— Эй, Евгений, ты куда? — очнулся Константиныч. Но Женька уже бежал по темному коридору.

— Павел, ты знаешь, куда он побежал?

Да, конечно, я знал. И сказал:

— Пустите... Да пустите же!

Все расступились.

Да, я знал, где Женька. И поэтому, когда за мной сомкнулся плотный ребячий круг и захлопнулась дверь, я неторопливо поплелся к все время пустовавшей каморке физрука. Конечно, он там.

В каморке Женьки не оказалось. И я еще долго бесцельно бродил по тихим коридорам, пока не наткнулся на Виолетту, нашу классную. У этой женщины был крикливый деревянный голос. И если она начинала ругаться, то почему-то немного закладывало в ушах. Но Виолетта вдруг положила мне на плечо руку, даже нагнулась чуть-чуть:

— Выгнали?

Я помотал головой.

— У вас физика?

— Да.

— Женья на уроке?

Я промолчал. Ничего не знает? Ах да... Она же готовилась к педсовету.

А Виолетта продолжала:

— За ним родители приехали...

— Как?! — Я вскинул глаза и растерянно заморгал, даже слезы появились. Сегодня все в одну кучу: педсовет, линейка, этот чокнутый счетчик. Да еще Женькины родители. Откуда?!

Виолетта не поняла:

— Пав... Павел. Мы и твоих родителей найдем. — Она выпрямилась и пошла.

А я мысленно крикнул ей вслед: «Не может быть здесь у нас родителей, не может!» Почему, я не мог объяснить. Просто знал.

Какое все-таки странное имя: Павел. Когда хочешь сказать что-то ласковое, то Павлик — это

слишком по-детски. Паша, Пашка... Нет. Это только для друзей. Павлин и Паштет не в счет. Остается только Павел. На все случаи жизни. Как сегодня.

Женька нашелся перед самым педсоветом. Вернее, он сам меня нашел.

— Пашка, — сказал кто-то сзади хриловато и сумрачно.

— Женька! Ты где пропадал?

— Да так...

— Женька, — я тронул его разодранную в кровь руку: где он успел? — Твои родители...

— Да знаю я! Только не родители это.

— А кто?

— Хм... — Он пожал плечами. Помолчал. — Ты мной не брезгуешь? Я же радиоактивный!

— Дурак ты... исцарапанный! — сказал я. И продолжил неуверенно: — Это же сон, наверное...

— Сон?! И это? — Он рванул с плеча рубашку: спину и руки, как зебру, исполосовали длинные и тонкие полосы ожогов.

— Не... — Я отвернулся. — У самого такие же.

— А откуда это, ты знаешь? Помнишь, в классе на окне была металлическая шторка? Вот!!

— Ну...

— И это сон? — он достал из кармана бережно сзернутую опаленную тряпицу.

— Это... Это же галстук! Чей?

— Твой. Его мне тетя Маша дала.

— И что тогда делать?

— Не знаю. Рассказать, наверное.

ПЕДСОВЕТ

Педсовет состоялся по расписанию. Делать было нечего, и мы все рассказали.

— Ну все же, откуда вы тогда?

— Не знаю...

— Я так и думала! — обрадовалась Виолетта. — А родители?

— Да что, я своих родителей не знаю! — возмутился Женька.

— Им лучше знать, ты их сын или нет.

Женька ссутулился — с такой не поспоришь!

— Подождите, — вмешалась Марь Ванна. — Тогда откуда взялась там эта самая... повышенная радиация?

Она посмотрела на Константиныча: «Так?»

— Мы уже рассказывали.

— Но вас нашли на стройке, в домике переносного компрессора. Рядом просто взорвались баки с бензином, — четко, дикторским голосом выговорил директор.

— Но от бензина таких ожогов не бывает! — слегка передразнил я.

— Тогда, — в наступившей тишине начала Тамарка, — это все по правде?! И что же делать? Женька оглянулся на меня:

— Ничего. Мы все сами...

— Что — сами? — уточнил художник Виктор Павлович.

— Уйдем.

— Да куда-а?

— К себе, в Город.

— Чепуха! — Художник раздраженно заходил по учительской. — Детский бред! Даже если допустить, что это правда, то никакого города нет! Он уничтожен.

— Зачем вы так заботитесь о нас? Так?!

— Как?

— Вы лучше о себе, о своем мире...

— Что? — художник сел и приподнял очки.

К окну совсем близко подходили разлетающиеся вверх и вверх зеленеющие ветви тополя. Где-то громко и по-весеннему нахально орал воробей. Таких всегда много было на аллеях Города.

Виолетта закрыла форточку.

— Что? Что вы сказали? — повторил Виктор Павлович.

— Я читал. Здесь, как и у нас, накоплено очень много оружия.

— Ой, Пашка, какой ты умный! — Лариска незаметно для всех наблюдала за педсоветом.

— Кропачева, немедленно закрой дверь! — прикрикнула Марь Ванна. — И с той стороны!

— Вот как вы думаете, война будет? — подхватил Женька.

Учительский коллектив интерната пошумел и затих.

— Нет, — грустно и убежденно проговорила Тамарка, — не будет.

— Мы так тоже думали, что не будет. Даже загадывали на это.

— Народы не допустят.

— Народы... А вы сами? Что вы сделали, чтобы ее не было? Что сделал каждый из вас? Вы же не думаете о ней!

— А зачем думать? Так и свихнуться можно! — нервно усмехнулась Виолетта.

— Ну правильно, это у вас вроде запрещенной мысли. Но в то же время надеетесь, что мир за вас кто-то сделает!

— А ведь знаете, — неожиданно сказала Марь Ванна, — он прав. Мы на самом деле не утруждаем себя думать об этом. Привыкли к атомной бомбе, привыкнем и к войне.

— Да успокойтесь все! — резко и гортанно сказал художник. — Будет война.

Он поправил очки.

— Как? — обессиленно прошептала Марь Ванна.

— А так. Вы что, газет не читаете? Мы и моторий предлагали, и прочее. Все напрасно.

Женька поднял ресницы:

— И вы не надеетесь?!

— Нет. А каков смысл? Разве от желаний одного человека что-нибудь изменится?

Тамарка чуть не упала со стула:

— Вы... Вы не играя проиграли!

— Правильно, Женя, — встала Виолетта. — Виктор, ты, по-моему, пытаешься перекричать самого себя: будет! будет! Но кто-то маленький и упрямый все равно твердит: нет... Себя не обманешь. — Она смутилась. — Я, наверное, не то сказала.

— А я полностью согласна с Виктором Павловичем, — подвинулась к нему историчка.

Мне даже смешно стало — взрослые, а вот-вот подерутся.

— Ну хватит, — хлопнул по столу директор. — Ребята, можете быть свободны.

— Пашка, ну как?

За дверь собралась вся наша группа.

— Еще не знаю.

— Женька! — из толпы к нему шагнул Петя. — Врачи приехали, они вас в спальне ждут. Ни пуха... — Он протянул руку.

— Пашка, — Лариска сняла гребешок, и на ее плечи упали длинные волосы. — Мы еще придем попрощаться, ладно?

Я кивнул. Глупости, никакая Лариска не ябеда, нормальная девчонка, даже красивая...

И мы пошли. Мальчишечья спальня была наверху, в конце коридора.

— Дура, — деловито и ревниво подколол Петя. — Умрешь... Он же радиоактивный!

— Иди ты... Утюг!

Год учебный кончился, завтра лето.

ПОЕЗД ДО СТАНЦИИ ГОРОД

— Женька! Вот вы где! А я вас ищу... Почему билеты не взяли?! — вожатый Лешка улыбнулся и сунул мне мятые талончики. — Ну, я побежал!

Мы с Женькой переглянулись и бросились к окну. Там уже темнело — сверху быстро спустился синий сентябрьский вечер.

Поезд изгибался на повороте праздничной гирляндой светлых квадратов и огоньков. Он был нарядный и веселый, самый обычный поезд до станции Город.

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

Сергей МАКЕЕВ

Рисунок Дмитрия Литвинова

В школе считали, что у шестиклассника Вани Боянова плоховато с воображением.

Если, например, учитель математики говорил: «Представьте себе бесконечную прямую линию, которая...» — Ваня не мог ее вообразить, как ни силился. Хотя бросал в бой не только силу воображения, но и все свои умственные силы. Оседлав непреклонную прямую, ученик Боянов мчался все прямо и прямо — в бесконечность. Острием прямой пронзив земную атмосферу, он вылетал в открытый космос. Путь его пересекали метеориты и астероиды. Разнообразные летающие объекты шли на таран, угрожая расцечь прямую линию и тем самым прервать ее бесконечность. Но Боянов не сворачивал с курса: прямо, только прямо!.. Некоторые массивные планеты, используя свое огромное притяже-

ние, пытались искривить его путь. Однако Ваня отважно пришпоривал свою прямую и мчался дальше. Солнечный ветер обжигал лицо. Звездная пыль порошила глаза. Ученик Боянов вырывался за пределы галактики, в неведомые миры... И тут сила воображения покидала его. Ваня словно проваливался в черную дыру невообразимого и стремительно падал к подножию прямой, которая стартовала со школьной доски... Вполне понятно, что ученик Боянов тратил на такие полеты слишком много времени и не мог решить задачу даже к концу урока.

А если учительница истории предлагала: «Представьте себе средневековую Францию конца XI — начала XII века...» — то приключениям Боянова не было конца. Он ясно видел феодальную лестницу, по ступеням которой разгуливали

разные там бароны, графы и герцоги, толкаясь и ставя друг другу подножки,— все это было вполне вообразимо. Но он не мог представить, чтобы умственно здоровые люди тащились на край света завоевывать гроб Иисуса Христа. Бред какой-то! Легче уж было вообразить юродивого пастушка Этьена, который проповедовал перед толпами людей, что, мол, только детям достанется гроб господень. Тогда Ваня, затерявшись среди маленьких крестоносцев, начинал свою нелегкую работу по перевоспитанию этих фанатиков-оборвышей. Ему удавалось подружиться с самим Этьеном и прогнать прочь жадных попов, которые помыкали пастушкой, как марионеткой. В результате смелых действий ученика Боянова многотысячное войско сорвиголов поворачивалось спиной к Палестине и устремлялось на Париж, громя монастыри и предавая огню замки феодалов... На все это тоже уходило время, и наверное поэтому Ваня Боянов не мог ответить на простой вопрос учительницы: «Каковы причины неудач крестовых походов на рубеже XI—XII веков?»

А как-то раз Ваня Боянов со своим бедным воображением влип в совсем плохую историю.

Учительница русского языка и литературы Анна Ивановна рассказывала о пословицах.

— В пословицах,— говорила она,— заключена мудрость многих поколений наших предков. Эти народные изречения имеют обобщающий смысл. Например, в пословице «Без труда не вытащишь рыбку из пруда» речь идет не только о рыбной ловле, но и о том, что в каждом деле необходимы старание и сноровка. Ясно?

Всем было ясно.

— Как рождались пословицы? Кто их сложил? — продолжала Анна Ивановна. — Наверное, придумать их помогли какие-то случаи из жизни. Возможно, жил когда-то мудрый старик. И был у него ленивый внук. Раз пошли они на рыбалку. Внук идет и рассуждает: «Ловить рыбу — дело нехитрое!» А дед посмеивается. Он-то знает, что нужно и место для ловли выбрать, и наживку умело насадить на крючок, и терпеливо ждать поклевки. Долго они сидели у пруда. Дед таскает рыбку за рыбкой, а у внука — ничего. Вот тогда дед и сказал... что?

— Без труда не вытащишь рыбку из пруда! — хором закончили ученики.

Анна Ивановна улыбнулась, довольная тем, что у всех такое богатое воображение.

— Вот вам задание на воскресенье,— объявила она. — Каждый получит билет с пословицей. Напишите, как вы понимаете значение пословицы, и вообразите, какой случай из жизни помог ее рождению...

Учительница раздала всем листочки, на которых были записаны разные пословицы.

Ване Боянову досталась такая: «Близок локоток, да не укусишь».

Для начала он решил вообразить человека, который захотел укусить себя за локоть. Почему-то такой субъект не воображался.

Значит, нужно представить случай, когда человек не по собственной воле, а в силу обстоятельств вынужден был себя укусить. Долго думал ученик Боянов, и вдруг его осенило.

«Конечно же, это делалось на спор! Наши предки называли это «биться об заклад». Бились, конечно, богатый и бедный. Бедный хотел, должно быть, заработать таким странным образом».

Постепенно в историю вовлекались все новые действующие лица. В конфликт вступали все жители деревни, затем окружающих окрестностей. Начиналась междоусобная война. Нависала угроза международных осложнений...

Здесь истощенное воображение Боянова запросило тайм-аут.

Пока оно отдыхало, Ваня подключил рассудок, который немедленно усомнился: «А реально ли это с медицинской точки зрения — укусить себя за локоть?»

С этим вопросом Ваня отправился к папе. Ученик Боянов рассказал про свое задание. Папа очень заинтересовался темой сочинения и попросил сына коротко рассказать придуманные версии. Ваня рассказал. После чего Боянов-старший долго качал головой и приговаривал: «Воображение у тебя того, даже слишком!»

Потом папа предложил:

— Знаешь, я подумаю. И ты подумай. Через час встретимся и обменяемся новыми версиями. А тем временем я позвоню моему знакомому, кандидату медицинских наук, пусть он тоже подумает.

На том они временно расстались. Ваня Боянов снова призвал свое воображение, и оно вымучило такой сюжет:

«В одной деревне жил очень нехороший, злой человек. Он всех кусал. Некоторых за локти. И вот люди стали думать, как избавиться от такой напасти. И вместе придумали. Пришли к тому кусачему мужику и говорят: «Вот ты всех кусаешь, а слабо тебе укусить самого себя за локоть?» Тот возмутился: «Мне? Слабо?..» И с тех пор никому от него никакого беспокойства не было — вся его агрессивность сосредоточилась на собственном локте...»

Хорошая получилась версия, стройная и законченная. Но именно такие версии вызывают сомнения у выдающихся детективов. И Ванин рассудок заметил, что нормальные люди куса-

ются редко. А ненормальных изолируют. Вот собаки — те действительно кусаются. Может, эта поговорка про собаку?

Боянов подумал, что в этом что-то есть: ведь про собак много сложено и сказок, и поговорок. Например, «собака лает, ветер носит». Тут же встряло воображение: «У папа была собака, он ее любил...» Но Ванин рассудок стал прогонять папа и его собаку, так как они пришли не из поговорок, а из потешки какой-то. Однако поп и его собака не хотели так просто уходить. Они стали безобразничать: собака стащила у папа кусок мяса, а поп погнался за собакой, намереваясь ее прибить. Ученик Боянов был почему-то уверен, что дело происходило в среду или в пятницу, то есть в «постные» дни, когда попу воспрещалось есть мясо. Поэтому собака не виновата. Она знала, что хозяин не ест мяса по средам и пятницам, вот и взяла маленький кусочек...

В этот драматический момент зазвонил телефон.

Звонила жена папиного знакомого, кандидата медицинских наук. Она сказала, что ее муж добросовестно пытался укусить себя за локоть, но вывихнул плечо. И сейчас он лежит на диване и диктует ей, что нужно сообщить. Вот его заключение: «Пациент *in postmas* (в норме) не может укусить себя за локоть, иначе как повредив себе верхние конечности (руки)». Жена медика добавила, что ее муж чрезвычайно заинтересовался проблемой, которую исследуют Бояновы, и если у них появятся новые результаты, пусть они ему немедленно позвонят. Можно даже ночью. И вот еще что: теоретически укусить себя за локоть могут индийские йоги. У медика есть один знакомый, который изучает философию и физические упражнения йогов. Пусть Бояновы обратятся к нему за консультацией. Правда, по воскресеньям он отключает телефон и погружается в нирвану. Но к нему можно заехать запросто, без звонка...

Боянов-старший записал адрес йога и горячо поблагодарил мужественную жену медика.

Почти одновременно у Бояновых появилась интересная гипотеза об индийском происхождении поговорок. Но и от нее вынуждены были отказаться. Тесных связей с Индией у наших предков не было. Первым эту страну посетил Афанасий Никитин, однако в его книге «Хождение за три моря» сведений о йогов нет.

Пришлось ехать через весь город к йогу.

Знаток индийской мудрости долго не открывал дверь. А когда открыл, то долго не мог сообразить, чего от него хотят. Но в конце концов понял, и глаза у него загорелись.

— Сейчас-сейчас,— заторопился он, снимая халат.— Попробуем...

Йог улегся на пол и стал складывать свое тело, как раскладушку. Потом его голова появилась в совсем неподходящем месте. А руки он выпростал из-под колен. Ноги, наоборот, оказались на плечах.

— А за пятку не надо? — спросил он.

— Не надо! — отрезали Бояновы.

— Попробую новую позу,— сказал йог.— Правда, я не вполне ее освоил...

И он начал сворачиваться наподобие спального мешка. Бояновы смотрели на йога заворуженно, как смотрят, должно быть, кролики на удава.

Тут специалист стал хрипеть и задыхаться.

— Помогите-ка мне развязаться,— попросил он.

Бояновы бились над ним с полчаса. Наконец, йога удалось распутать. Отдышавшись, он сказал:

— Не могу. Квалификации не хватает.

— А настоящий индийский йог сможет? — спросил Ваня.

— Запросто,— уверенно ответил специалист.— Только вряд ли захочет. Ведь у них, у йогов, какая философия? У них вот какая философия: человека всю жизнь донимают всякие желания. А от желаний одни страдания. Следовательно, надо отказаться от желаний, тогда не будет и страданий. Упражнения йогов для того и придуманы, чтобы избавить организм от ненужных страданий. А что такое укус за локоть? Это ж настоящее страдание...

Йог продолжал философствовать, а Бояновы уже сбегали вниз по лестнице...

Домой они приехали, когда совсем стемнело.

— Это я виноват,— вдруг сказал папа дрогнувшим голосом.— Я сам человек с бедным воображением. И не смог развить воображение в своем сыне!

— Не надо, папа! — воскликнул Ваня.— Не отчаивайся. У нас еще целая ночь впереди...

Но и ночь не принесла желанной разгадки. Под утро ученик Боянов стал записывать все истории, которые пришли ему в голову. Когда у него совсем немела рука, его сменил папа. Всего они исписали три ученические тетрадки...

Через день шестиклассникам раздали проверенные сочинения. Ваня Боянов ожидал самого худшего. Но с удивлением обнаружил в своей «трехтомной» тетрадке оценку «четыре». Один балл учительница снизила за ошибки.

Анна Ивановна пришла в тот день в школу с большой рукой на перевязи.

КРАМСКОЙ И КОРЗУХИНА

Георгий ЗАЙЦЕВ

О художнике Алексее Ивановиче Корзухине, уроженце рабочего поселка Уктусского завода близ Екатеринбурга, известно сейчас много. Публикации последних лет позволяют проследить его первые шаги на Урале, историю создания лучших работ — «Перед исповедью», «Отъезд из монастырской гостиницы», «Птичьи враги», «У краюшки хлеба».

С 1858 года он живет в Петербурге. Кто был там рядом с художником? Главную роль в становлении Корзухина как значительного мастера жанровой живописи сыграл Иван Николаевич Крамской.

Они были однокурсниками, но близости между ними поначалу не было. Ученики академии после занятий подрабатывали. Крамской ретушировал фотографии в ателье Тулинова и Девьера, а Корзухин копировал и подновлял иконы для личных церквей и киотов богатых вельмож и помещиков.

Где и когда возникла близость между ними? Скорее всего на вечерах сибирского землячества. Слушатели академии часто объединялись в различные кружки по общим интересам. В сибирское землячество входили прежде всего те, кто приехал из Сибири. В XIX веке Урал считался частью Сибири, поэтому и уральцы были непременно посетителями этих вечеров. Они собирались на квартире однокурсника Корзухина — иркутчанина Михаила Пескова. Корзухин в 1863 году написал его портрет. Не был заказан путь на эти вечера и другим, поэтому ходил туда и воронежец Крамской. Там, возможно, он и подружился с Корзухиным.

Не исключено и другое: они могли сойтись ближе в кружке Крамского. Среди тех, кто ходил в этот кружок, был земляк Крамского — профессор А. В. Никитенко. Это тот самый Никитенко, который руководил кандидатской диссертацией Чернышевского.

Впервые фамилию Корзухина упоминает Крамской в письме, адресованном Никитенко (1863 год): «...от Алексея Ивановича я только вчера добился, что он бывает не может...» Крамской вместе с Корзухиным должен был обучать сына Никитенко рисованию.

В знаменательный день — 9 ноября 1863 года Корзухин и Крамской были вместе. Этот день в истории русского искусства получил название «бунта тринадцати».

Из воспоминаний Крамского: «Входим. Ф. Ф. Львов прочел нам сюжет «Пир в Валгалле» — из скандинавской мифологии... После этого Бруни встал, подходит к нам для объяснения сюжета, как это всегда водится. Но один из нас, именно Крамской, отделяется и произносит следующее: «Просим позволение перед лицом Совета сказать несколько слов! ...Мы два раза подавали прошение, но Совет не нашел возможность исполнить нашу просьбу; то мы, не считая себя вправе больше настаивать и не имея думать об изменении академических постановлений, просим покорнейше освободить нас от участия в конкурсе и выдать нам дипломы на звание художников». Несколько мгновений — молчание. Наконец Гагарин и Тон издают звуки: «Все?» Мы отвечаем: «Все» — и выходим, а в следующей комнате отдаем прошения производителю дел».

Заявления у всех «бунтарей» были одинаковыми. Все

тринадцать написали: «Непредвиденные обстоятельства поставляют нас в необходимость прекратить академические мои занятия ...вследствие чего я имею честь обратиться в Совет императорской Академии художников с покорнейшей просьбой удостоить меня звания классного художника по установленным для этого законам».

Спустя полвека искусствовед Александр Бенуа напишет об этом дне:

«Это был великолепный скандал, мятеж в стенах самого чопорного казенного учреждения, маленькая революция, показавшаяся, однако, настолько значительной, что о ней было запрещено писать в газетах».

Министр двора граф Адлерберг писал военному губернатору князю Суворову, а заодно и начальнику Третьего отделения князю Долгорукову:

«По высочайшему повелению имею честь сообщить об этом вашей светлости для зависящего распоряжения о негласном наблюдении за действиями сих молодых людей и направлением составленному им общества...»

О дальнейшей судьбе «тринадцати» писал сам Крамской:

«И так как мы крепко держались за руки до сих пор, то, чтобы нам не пропасть, решились держаться и дальше, чтобы образовать из себя художественную ассоциацию, т. е. работать вместе и жить».

Так возникла знаменитая «Артель художников», первое значительное объединение в русском изобразительном искусстве. Во втором номере газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1864 год появилось объявление:

«Нижепоименованные художники имеют честь довести до сведения публики, что они принимают для исполнения художественных заказов... Желающих обратиться с заказами просят адресоваться в С.-Петербурге: в 17 линии д. № 4, кв. № 2... Классные художники Дмитриев, Шустов, Маковский, Песков, Вениг, Морозов, Корзухин, Журавлев, Петров, Кретан, Крамской, Лемох, Григорьев».

Они так и изображены на единственной совместной фотографии конца 1863 года.

Художники сняли общую квартиру в доме № 10 на Адмиралтейской площади. Там многие из артельщиков и жили. Жена Крамского вела общее хозяйство артели. Сам он постоянно бывал в отъезде, выполнял договорные заказы. Письма его, адресованные жене — Софье Николаевне, часто касались Корзухина. Спрашивает его мнение о своей работе по росписи храма; пишет по поводу успеха своего товарища: «Ишь какой Корзухин, на будущий год, пожалуй, и Академика цапапнет».

В письмах Крамского имя Корзухина в 1865 году встречается восемь раз. Это много, если учесть, что оно упоминается во всех известных нам письмах Крамского всего семнадцать раз. Отсюда становится ясным, что это год максимального сближения двух художников. Хотя и прежней теплоты уже не было, но Крамской считал Корзухина «своим» и в 1868 году в письме М. Б. Тулинову он писал: «Сообщаю тебе, как человеку нам сочувствующему, что Корзухин на конкурсе в Обществе поощрения художников получил за свою картину «Канун Рождества» вторую премию. Все, значит, идем в гору».

Во второй половине 60-х годов в артели были организованы «четверги». На вечера приходили и художники, не входившие в артель — И. И. Шишкин, И. Е. Репин, Г. Г. Мясоедов.

Об этих вечерах написал И. Е. Репин в своих воспоминаниях:

«Через всю залу ставился огромный стол с бумагой, красками, карандашами и всякими художественными принадлежностями. Желаящий выбирал себе по вкусу материал и работал... В соседней зале на рояле кто-нибудь играл, пел. Иногда тут же вслух прочитывали серьезные статьи о выставках или об искусстве... После серьезных чтений и самых разнообразных рисований следовал очень скромный, но зато очень веселый ужин. После ужина иногда даже танцевали, если бывали дамы».

Во второй половине 60-х годов многие члены артели об-

завелись семьями и съехали с квартиры на Адмиралтейской площади. Одним из последних, в мае 1869 года, ее покинул Корзухин, сняв квартиру по Невскому проспекту в доме № 12. Туда же переместилось и управление артелью, так как Корзухин в это время был ее старостой.

Корзухин и Крамской задумали новое объединение — товарищество передвижных художественных выставок. Когда же в 1870 году подписывался устав нового общества, то только четверо из бывших артельщиков, кроме Крамского, подписали его. Среди них был и Корзухин. Но именно с этого времени начинается охлаждение между двумя художниками. Дружба их распалась, но они оставались добрыми знакомыми. В 1879 году Корзухин переехал в свою последнюю мастерскую в доме № 1/2 по Биржевому переулку на Васильевском острове. До самой смерти (1887 год) его близким соседом был Крамской.

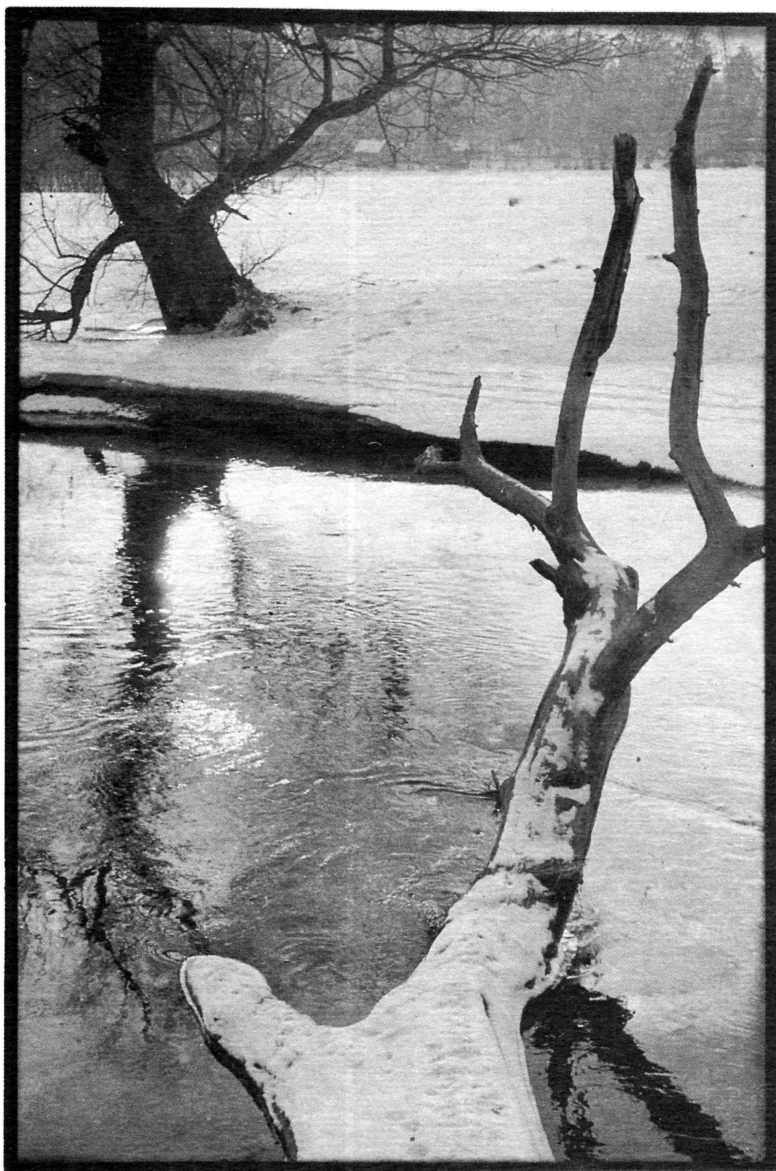
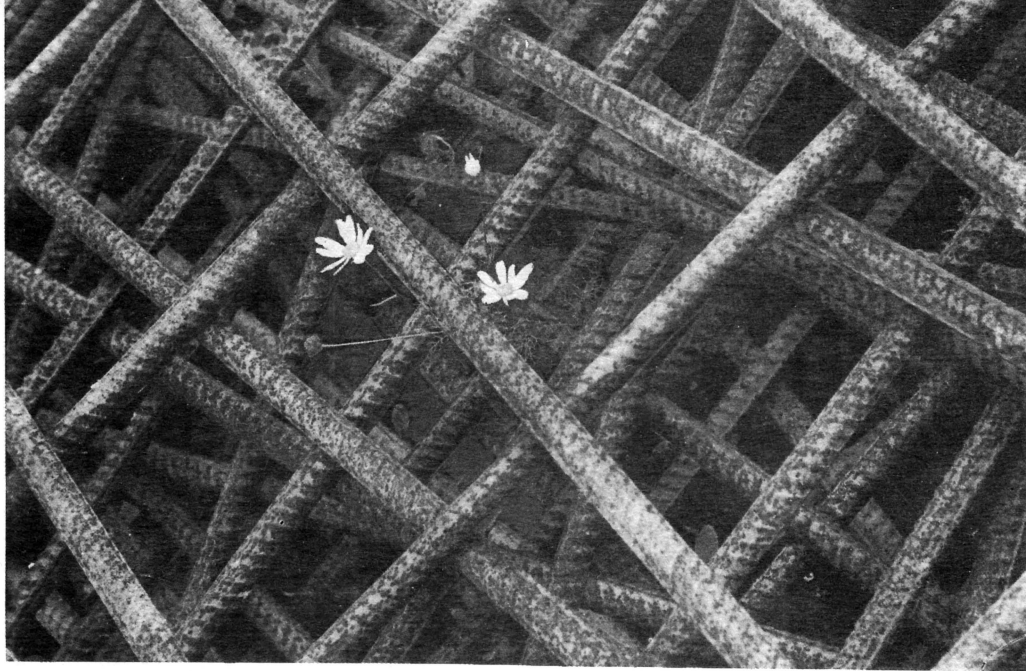
В 1865 году коллеги по Петербургской артели художников преподнесли А. И. Корзухину в день его именин, 17 марта, памятный адрес. На рисунке в центре листа изображены члены артели в обычной для того времени среди них непринужденной обстановке.

Вспоминаая именно этот вечер, И. Крамской писал своей жене через год: «А ведь у вас там сегодня, вероятно, пир горой — у вас именинник Алекс. Иван. Поздравляю его, он всегда проводит этот день высокоторжественно, да и, вероятно, теперь тоже: по обыкновению и выпито и съедено много, да и гости, вероятно, посетили его. У него это так».

Действительно, в тот день пир стоял горой. На рисунке-адреса, исполненного артельщиком Дмитриевым-Оренбургским, изображены 12 бунтарей, так как тринадцатого — Пескова — уже не было в живых, а четырнадцатый — Литовченко, — рассорившись со всеми, вышел из артели. В центре рисунка, возле уставленного всякой снедью стола, с фуเจอร์ом в руке — Корзухин. Его нежно поддерживает Фирс Журавлев. Это он же ведет спать и благословляет на сон грядущий захмелевшего Корзухина на рисунках внизу адресного листа. Здесь же, у стола, они составляют центр веселья, их окружают товарищи по бунту. Слева от них стоят Константин Маковский, Николай Дмитриев-Оренбургский, Кирилл Лемох и Александр Морозов. Напротив Корзухина, по другую сторону стола, — Николай Шустов, а рядом с ним — Иван Крамской и протягивающий бокал Александр Григорьев. Замыкают группу справа Василий Крейтан, Николай Петров и Богдан Венг. Кроме артельщиков, на рисунке изображены их жены. Например, спиной к зрителю сидит С. Н. Крамская, рядом с которой стоит Н. В. Дмитриева-Оренбургская.

Наверху адресного листа есть еще один интересный рисунок: изображено одиннадцать рук, разрезающих праздничный пирог. Сын художника утверждал, что по характерным чертам современники определяли, кому принадлежала каждая рука.

Заметим, что к тому времени в артели были уже художники, которые вступили в нее позже и не являлись участниками самого «бунта». Ни один из них на листе не изображен. Братство первоначальных бунтарей держалось на семейных торжествах замкнуто. В этом круге Крамской был вместе с Корзухиным.

**ФОТО И СТИХИ
ИГОРЯ ГОРЯЧЕВА**

**Я слышу голоса земли.
Я открываю, как впервые,
Цветы, что яростно цвели,
И пашни хрипы трудовые,
И откровенье тишины,
Молитву леса,
Лепет ветра
И крик ребенка —
Глас весны,
Рожденный в трепете рассвета.**

звонили со станции Таежная из
отделения милиции. Они там пр
ды по выявлению бродят.
избушке обнаружили
крупной суммой
в милицейск
сержанта

пересадка на УЗДОВОЙ

Валерий ПРИВАЛИХИН

Рисунки Евгения Охотникова

1.

Однколейный путь бежал в прорези островерхих заснеженных елей. Сильные мотовозные фары издали выхватили из мрака избушку путейцев и цепко держали в луче, пока мотовоз не подкатил близко. Машинист погасил фары, сбавил скорость, но тормозить медлил, вопросительно смотрел на стоявшего рядом в кабине лейтенанта.

Машинист не хотел останавливаться, и лейтенант понимал причину. Сильный снегопад прекратился еще в вечерних сумерках. Теперь же было далеко за полночь, заметно похолодало, небо очистилось, светила ущербная луна, и ровная снежная гладь мерцала в ее лучах в промежутке между насыпью и избушкой, которая притулилась у ельника в двадцати шагах от рельсового полотна. Следов не было. Значит, если и могли войти в избушку, то лишь до снегопада, в крайнем случае, в его начале. А устраиваться на ночлег засветло не в привычках бродяг. Для машиниста не было сомнений, что избушка пуста. Лейтенант тоже был не против ехать дальше, однако неожиданно для себя сказал:

— Останови.

Лейтенант открыл дверцу, взявшись за поручни, прыгнул вниз. Из прицепленного к мотовозу вагончика-теплушки вышли сержант и трое дружинников.

Лейтенант вынул из кармана полушубка фонарик, засветил и направился к избушке. Он ступал, боясь провалиться и увязнуть по пояс в глубоком снегу. Предосторожность, пожалуй, излишняя: под слоем пушистого свежего снега прочный мартовский наст.

Один из дружинников тоже зажег фонарик и пошел по следу лейтенанта. Тот обернулся, помахал рукой: дескать, не надо, посмотрю сам. Дружинник не обратил внимания на жест и продолжал идти. Лейтенант больше не возражал, ему было безразлично: не лень, пусть хоть все идут.

Избушка была сколочена из старых смоле-

ных шпал. Чем ближе, тем острее запах пропитки.

В двух шагах от избушки лейтенант остановился, осветил на дверь. Влажные хлопья налипли на стену, на дверь; морозец прихватил снег. И стена, и дверь были в сплошном глянцеватом кураже.

— Что там? — крикнули с полотна.

— Никого нет, — сказал нагнавший лейтенанта дружинник.

Лейтенант сделал еще шаг к избушке, дернул на себя заиндеветую ручку.

Из темноты пахнуло свежим табачным дымом, сухой плесенью. Послышалось короткое громкое шуршанье, будто кто-то резким движением смял бумагу. Какой-то не очень тяжелый предмет шлепнулся об пол. Луч фонарика еще блуждал за пределами избушки, и лейтенанту потребовалась выдержка, чтобы, не видя во мраке происходящего, не отпрянуть, не захлопнуть дверь.

Наконец он направил пучок света в пространство перед собой. В углу на низких голых нарах, прижавшись спиной к обитой фанерным листом стене, сидел мужчина в ондатровой шапке, в пальто с каракулевым шалевым воротником. При свете фонарика лица толком не разглядеть, и все же он не был похож на человека без постоянного пристанища.

Неожиданный обитатель избушки шурился, силился рассмотреть лейтенанта. Видимо, он спал одетый или просто лежал на нарах и встрепенулся, сел, услышав голоса. Незнакомец был весь напряжен, однако наметанным взглядом лейтенант определил, что опасности это не таит, внезапных вывертов не предвидится.

Лучиком фонарика лейтенант поводил по избушке. Обшитые фанерой стены пусты. Кроме нар, печка-буржуйка, лавка вдоль стены с окном. Под нарами литровая банка с окурками. Следов недавнего присутствия других людей нет.

— Выходи! — велел лейтенант, опять на-

правляя фонарик в лицо ночному постояльцу избушки.

Незнакомец повиновался, пригнувшись, прошел мимо отступившего на полшага в сторону лейтенанта.

— Проверь-ка, Саша,— попросил лейтенант дружинника,— что-то он вроде выкинул в избушке.

Дружинник исчез в проеме распахнутой настежь двери. Пятно от его фонарика прыгало по полу. Раздался легкий свист.

— Что там?— нетерпеливо спросил лейтенант.

— Богато,— откликнулся дружинник, выбираясь из избушки. В руках вместе с фонариком у него было что-то завернутое в газету.— Посмотри, какой капитал.

Дружинник хотел показать, что под газетой. Движение получилось неловким, содержимое— две компактные пачки— упало в снег. Лейтенант успел заметить— деньги. Когда дружинник поднял пачки, об рукав куртки смахнул с них снег, увидел достоинство: в обеих— двадцатипятирублевки.

— Откуда было знать, что милиция,— заговорил незнакомец.— Думал, лихие люди. Спрятать решил от греха подальше.

— Что еще с собой?— спросил лейтенант.

— Больше ничего нет. Глядите, коль не верите.— Он сам расстегнул пуговицы пальто и принялся вынимать из карманов содержимое. Оно оказалось скудным: два ключа от английского замка на брелке с олимпийским Мишкой, перочинный ножичек с несколькими лезвиями; в кармане пиджака ручка, билет на поезд. Лейтенант поднес к глазам картонный прямоугольничек. Билет, уже использованный, на пригодный поезд. Лейтенант сунул билет и перочинный ножик в боковой карман кителя, где уже лежали деньги, остальное вернул владельцу.

— Где документы?— спросил хмуро.

— Украли,— ответил незнакомец.

— Когда? Где?

— На станции... Вы что, тут допрашивать будете?— Недавний обитатель избушки путейцев был спокоен.

— Что ж, не хотите здесь, поговорим в другом месте.

Незнакомец заговорил опять, когда подошли к мотовозу:

— Я инженер из Перми. Моя фамилия Неделин. Приехал в ваши края покупать машину. Не получилось. Паспорт с двумя сотнями за обложкой и портфель украли из купе, уже на станции. Здесь пересадка. Поезд утром, в го-

стинуцу без документов не примут. Решил не торчать на вокзале, пошел по пути и набрел на эту избушку. Кроме этого, вины никакой.

— Вы заявили в милицию?

— Вы женаты, лейтенант?— вопросом на вопрос ответил незнакомец.

— Какое это имеет значение?

— Прямое. Женитесь, проживете несколько лет с женой, и, может быть, поймете, что не всегда самое разумное бежать в милицию в неприятных ситуациях. Иногда лучше проглотить и постараться выкинуть из головы. Кстати, не потеряйте деньги.

— Не беспокойтесь...

Дружинники и сержант, оставшиеся около теплушки, вслушались в разговор. Присутствие их ничуть не смущало незнакомца. Ходивший к избушке с лейтенантом дружинник вполголоса объяснял друзьям, что произошло.

— Ладно, хватит терять время. В теплушку,— скомандовал лейтенант.

Все забрались в вагон, и лейтенант велел машинисту возвращаться на станцию, при этом он еще раз оглянулся на избушку.

Езды до станции каких-то пять-семь минут. Мотовоз остановился в тупичке неподалеку от здания вокзала. Сержант с задержанным вышли. Дружинники тоже собрались было покинуть вагончик, лейтенант их задержал. «Сейчас поедem, парни». И они остались на месте.

Вдвоем с сержантом они провели назвавшегося Неделиным мужчину в здание вокзала, поднялись на второй этаж, где находилась комната милиции. Никого в этот ночной час не было в ней: дежурные в зале и на перроне. Сержант своим ключом открыл комнату, включил свет. Вокзальное помещение было старинным, строили его в начале века, почти одновременно с прокладкой железной дороги. В просторной комнате на высоком потолке выделялась красивая лепка, попорченная, впрочем, при более поздних ремонтах; два больших окна— стрельчатые.

Сержант указал задержанному на массивную скамью с высокой спинкой, на которой были хорошо видны буквы «МПС»— Министерство путей сообщения.

— Можете раздеться,— сказал лейтенант. Он вынул из кармана пачки денег и перочинный ножик, положил то и другое в сейф, запер его.

— С ним останешься,— сказал сержанту.— Запиши объяснение и протокол составь. Пять тысяч двадцатипятирублевками, складник. Да, вот еще,— он полез в карман,— билет. Начальство пока будить не нужно. Через час вернемся, видно будет.

— На одиннадцатый километр? — спросил сержант.

— Да, — лейтенант кивнул, еще раз взглянул на задержанного и вышел.

Сержант поискал в ящике стола бумагу, взял ручку и минут десять писал, то и дело останавливаясь, задумываясь. Бессонная ночь сказывалась. Наконец он сказал:

— Приступим. Фамилия, имя, отчество?

— Неделин Виталий Петрович.

Задержанный, сидевший все это время безучастно, чуть склонившись вперед, выпрямился, поднял руки до уровня груди, потянулся, словно пытался стряхнуть одолевавшую дремоту.

— Год рождения?

Лицо задержанного вдруг исказилось от боли. Он обеими руками схватился за грудь.

— Погоди... — сказал сквозь зубы с усилием. — Сорок шестой год... Сердце защемило... Думаешь, каково, сначала обчистили, а теперь вот как преступника допрашивают.

— Вас пока не допрашивают, — возразил сержант.

— Да какая разница. Велят отвечать, значит, допрашивают. Жмет сердце... Вызови врача лучше, — опять гримаса боли появилась на лице у задержанного.

Сержант смотрел испытующе. Прикидывается, или в самом деле плохо с сердцем? Похоже, настоящий приступ. Испарина выступила на лбу.

Он взял трубку, набрал номер вокзального медпункта. Трубку не снимали. Дежурный врач вышел куда-то или спал.

— Не отвечают, — сказал сержант.

— Черт возьми, так сдохнуть недолго, — простонал задержанный. — Да сбегай в аптечный киоск. Спроси нитроглицерин. Закрой дверь. Куда денуться.

Сержант встал, еще не зная, на что решиться. Нет, нет, без притворства сердечный приступ. Лоб уже весь мокрый, пот стекает по побагровевшему лицу. Чего доброго, впрямь несчастье случится. Сержант огляделся. Хлопнул себя по бедру. Оружие при нем, сейф заперт.

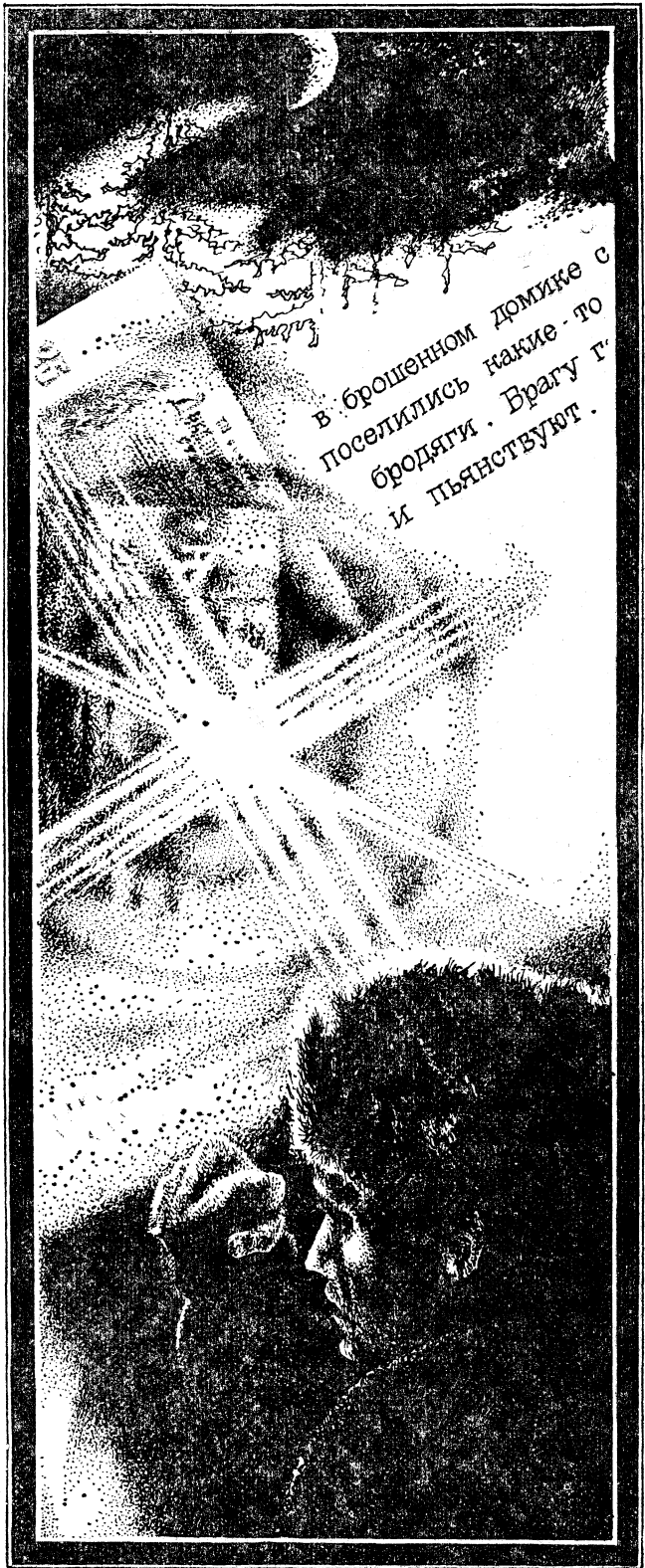
— Сейчас принесу. Нитроглицерин?

— Да. Быстрее. И еще. Все, что есть от сердца, — прерывистым голосом сказал задержанный.

Сержант выскочил за дверь, точным движением вставил ключ в скважину, крутанул два раза и побежал вниз, в аптечный киоск...

2.

— Садись, Алексей Михайлович, — начальник уголовного розыска полковник Пушных ука-

зал на стул.— Дело вот какое. В семь сорок мне звонили со станции Таежная. Из линейного отделения милиции. Они там проводят рейды по выявлению бродяг. Ночью в избушке обнаружили неизвестного с крупной суммой. Привезли на станцию, оставили там в милицейской комнате на попечение сержанта. Неизвестный разыграл сердечный приступ. Пока сержант бежал за лекарством, выбил окно и ушел.

— Без денег? — уточнил Шатохин.

— Да. Еще одна деталь. Хоть сильно рисковал, сразу не бросился наутек, прежде вошел в вокзал, из автоматической камеры забрал вещи. Опергруппа управления на транспорте прибудет в Таежное позднее. Нам ближе. Прошу выехать немедленно. Не исключено, за всем этим что-то серьезное потянется.

Таежная встретила по-настоящему весенней погодой. После затяжного ненастья с холодами и снегопадами настала пора оттепели. Раннеапрельское солнце ослепительно щедро светило. Почерневший снег вдоль железнодорожных путей оседал, с насыпи текли ручьи. Шатохин, подъезжая к станции, из окна глядя на хлынувшее половодье, мысленно поздравил себя, что не поверил прогнозу, захватил с собой сапоги.

Поезд прибыл на третий путь. Первый и второй были заняты пассажирскими составами дальнего следования. Попасть в здание вокзала можно было, пройдя через мост. Шатохин прыгнул на сухую, чистую, недавно подметенную асфальтированную платформу, пошел по ней. Шагая через ступеньку, размахивая портфелем, поднялся на мост. Вид с высоты открывался прекрасный. Густая сеть железнодорожных путей расстилалась, убежала вдаль. Накатанные миллионами колес, ослепительно сверкали рельсы. Метрах в трехстах стояло вытянутое, окрашенное в желтый цвет двухэтажное здание вокзала. Выложенные фигурной кладкой стены, богатые лепкой радовали глаз. Вокзал был красив. Недаром, пока не был реставрирован, а фактически выстроен заново вокзал в Новосибирске, таежинский считался самым красивым на всем рельсовом пути от Урала до Тихоокеанского побережья. Хорошо сохранившийся с начала века, заботливо ухоженный, он и теперь в чем-то превосходил лучшие железнодорожные вокзалы Сибири и Дальнего Востока. Ближе вокруг не было других крупных строений, а те, что в отдаленье, — одноэтажные, и вокзал, словно остров, высился среди рельсовых путей. Они охватывали вокзал с двух сторон, щедро се-

ребрясь и бликуя, будто текучие водные струи.

Пока Шатохин, жмурясь, окидывал взглядом станцию с высоты моста, поезд с первого пути ушел. Еще спустя минуту медленно поплыл другой пассажирский состав. А голос дикторши, звонкий и задорный, объявлял уже, что с соседних станций вышли и вот-вот придут, займут освободившиеся пути другие поезда; называл номера уходящих и прибывающих электричек. Недаром станция узловая. Голос дикторши почти не умолкал. В разгаре дня движение было напряженным. Конечно, ночью круговорот поменьше, пассажиры не толпятся на перроне, электрички на приколе. И все равно движение круглосуточно беспрестанное. Не мудрено, что Неделин сумел скрыться, думал Шатохин, спускаясь с моста.

На перроне было оживленно. Радясь погожему дню, многие пассажиры из зала ожидания перекочевали на скамьи под открытым небом. Ресторанные буфетчицы тоже охотно высыпали на улицу, вынесли из помещения столики, торговали с них напитками и снедью. Шатохин выпил стакан подогретого брусничного морса, походил в толчее. Невольно глазами смерил расстояние от нижнего края окон второго этажа до земли. Прилично, метров пять.

В милицейской комнате, когда Шатохин вошел, сидели двое — грузный, лет сорока пяти, капитан и молодой худенький сержант.

— Вы из крайцентра? Шатохин? — спросил капитан вставая.

— Точно, — сказал Шатохин.

— Хотел вас встретить, да номера вагона не знал. Угадал, что вы сюда сразу заглянете, — сказал капитан, пожимая руку. Представился: — Никонов, начальник линейного отделения милиции.

Шатохин никого заранее не извещал о своем приезде. Видимо, это Пушных позвонил. При всей своей занятости он никогда не забывал переговорить с людьми, с которыми в командировке его сотруднику так или иначе придется контактировать. Было это вовсе не обязательно, но приятно.

— А это Свиридов, — представил начальник линейного отделения сержанта. — Можно сказать, главный виновник всех наших хлопот.

Сержант покраснел.

— Лейтенант сейчас должен подойти, — взглянув на часы, продолжал Никонов. — Нынче от службы оба свободны, я вызвал. Решил, что вы захотите с ними в первую очередь встретиться.

— Лейтенант Глазов? — уточнил Шатохин.

— Да... А вот и Глазов явился.

Шатохин обернулся. В дверях стоял парень среднего роста, примерно одного с сержантом возраста, лет двадцати трех, одетый в демисезонное пальто и спортивную шапочку с надписью «Снежные узоры».

Лейтенант поздоровался, снял перчатки и стоял, не зная, удобно ли первым протянуть руку Шатохину. Капитан кивком велел ему садиться, и он занял стул рядом с сержантом.

— Может, перейдем в мой кабинет, удобнее будет,— предложил капитан.

— Зачем? Не нужно,— отказался Шатохин.

— Тогда, если не нужен вам, пойду. Дела. А вы раздевайтесь,— предложил Шатохину.— И ты, лейтенант, тоже,— повернулся к Глазову.— Что как на вокзале сидеть.

Шатохин улыбнулся при этих словах: они в буквальном смысле были на вокзале.

— Николая ругают,— сказал Глазов, кивнув на сержанта, когда остались втроем.— Мне, конечно, тоже досталось, но меньше. Хотя самую большую глупость спорил я, когда на одиннадцатый километр поехал.

— Зачем понадобилось срочно ехать?

— А вот спросите... И на другой бы день скатали, и позднее, ничего бы не изменилось. Сигнал был: там в брошенном домике стрелочника поселились какие-то бродяги. Брагу варят и пьянствуют. Два дня уж как был сигнал, вот и решил...

— Что решил?

— Честно говоря,— торопливо продолжал Глазов,— я подразумевал, что с ним не все в порядке. Но что с уголовщиной связано, не допускал. Мало, что деньги. И что под нары забросил их, объяснимо. Точно ведь могли бродяги нагрязнеть. А на одиннадцатый километр поехали, задумался: почему у него карманы пустые? Всегда какие-нибудь ненужные бумажки скапливаются. В дороге особенно. Если привычка сразу лишнее выкидывать, тогда почему билет использованный сохранился? Сразу, когда задержали его, я на билет взглянул, там цифры были написаны — четверка и две двойки. Значения не придал. Подумал, цифры — номер поезда. А тут вдруг дошло: через нашу станцию четыреста двадцать второй не ходит. Мелькнуло — это ячейка АКХ. Значит, вещи у него были, а сказал — все украли. Понял, что поторопился на одиннадцатый километр ехать. Машинисту возвращаться велел, а обратно нельзя. Колея одна, встречный состав вот-вот с Таежной будет. Пока на запасном пути стояли, встречный друпускали, пока возвращались... Разбитое окно увидел, еще надеялся, что хоть вещи не успел забрать. Успел...

— Как установили, что он вещи забрал? — спросил Шатохин.

— Автоматические камеры в зале ожидания, пассажиры видели. Приметы сходятся. И время. Как раз в те минуты, когда Николай за лекарствами бегал.

— Криминалист был? Отпечатки пытались снять?

— Был. Горотделовский. Не удалось. В перчатках открывал. Свидетельница внимание обратила, потому что в перчатках шифр неловко набирать.

— В окне он какую створку выбил? — задал Шатохин следующий вопрос.

— Вот. В левом окне крайнюю,— сержант показал какую именно.

— Так.— Шатохин подошел к окну, припал к стеклу. Краешек водосточной трубы, окрашенный серебрянкой, был виден.— Постарайтесь вспомнить, когда привели сюда Неделина, он к окну не подходил?

Вопрос был чисто формальный. Шатохин был уверен, нет, не подходил. Письменные столы в двух шагах от окон, и чисто условно, разумеется, но создавали в милицейской комнате границу, пересекать которую могли только свои сотрудники.

— При мне не проходил. Повесил пальто на вешалку и сел на диван,— ответил лейтенант. Шатохин взглянул на сержанта.

— После этого не вставал со скамьи,— ответил Свиридов.

— Сколько вы отсутствовали?

— Три минуты... Пять ноль семь было, когда выбежал за дверь. В общей сложности пять минут прошло. Думал, он плечом подпирает. А увидел, что сбежал, сразу в дежурку позвонил.

— Чего проще раньше было позвонить. Чтоб нитроглицерин этот тебе принесли,— сказал лейтенант.— Или уж «скорую» вызвать.

— Да. Кассиров можно было по телефону попросить или парикмахеров. Они ночью не заняты,— согласился сержант.— Растерялся.

— Не будем об том,— сказал Шатохин.— Как по-вашему, рассчитывал он, что дверь останется незапертой?

— Да если бы и надеялся даже,— с горячностью сказал сержант Свиридов.— Другого выхода, кроме как в центральный зал, отсюда нет. Аптечный киоск в центральном. Пока брал лекарства, следил, выход просматривается.

— Значит, он сразу через окно улизнуть надеялся, когда отсылал вас?

— Выходит...

— Вот и загадка: как Неделин, не бывая здесь раньше... Не бывал ведь?..

— Нет,— дружно враз ответили Свиридов и Глазов.

— ...не бывая здесь раньше, так хорошо сориентировался. Подпер дверь, понятно. Но вот окно выбил, именно ту створку, вблизи которой водосток проходит. Будто знал про него. А не знал бы,— Шатохин снова приблизился к окну, поглядел на бетонированную площадку внизу,— пожалуй, не рискнул бы в окно бежать.

— Наверно,— согласился лейтенант.

— Выходит, у Неделина было пять минут, пока не принялись его разыскивать,— сказал Шатохин.— На все. Убедиться, что сержант побежал, забаррикадировать дверь, одеться, спуститься вниз, взять портфель и скрыться. Допустим, по трубе спустился в десять секунд, но до этого около двух минут потерял.— Он подошел к массивной скамье с буквами МПС на высокой спинке, толкнул скамью, убежденно прибавил: — Да, две.

— Не меньше,— согласился лейтенант.

— Еще минус минута около ячейки. Подойти к ней, открыть, удалиться, что называется, с достоинством, так, чтобы в глаза не бросилось. Пусть три минуты. Самый минимум: Но еще надо обогнуть вокзал с северной стороны. И по перрону идти. Тоже идти, не привлекая внимания. Сколько на это?

— Две минуты. Больше даже,— сказал Глазов.

— Вот. Время исчерпано, его уже принялись искать, а он тем не менее исчез. Или искали плохо, или больше пяти минут прошло.

— Нет,— возразил Свиридов,— хорошо искали. Будь он вблизи вокзала, не ушел бы. И больше пяти минут не прошло. Просто он мог не оглябать вокзал. С северной стороны в зал ожидания служебный ход есть. По нему попасть в зал — дело нескольких секунд.

— Он открыт был?

— Никогда не закрывается.

— И Неделин прошел через служебный?

— Я так предполагаю,— сказал Свиридов.— Свидетельница не заметила ни откуда пришел, ни куда ушел. Просто видела, как забирал портфель.

— Самое разумное, через служебный ход вернуться на северную сторону,— сказал лейтенант.— Там товарняки, маневровые поезда ходят. Запрыгнул — и все.

— А почему не в пассажирский? Были на станции в это время пассажирские?

— Три. Один на Пермь шел, другие — бийский и андижанский. Но в пассажирский он сесть не мог. Нет, нет,— убежденно сказал лейтенант.— Сотрудники стояли около поездов, про-

водников строго-настрого предупредили, чтоб без билетов никого не брали. По составам прошли.

— Сколько дежурных сотрудников было в это время?

— Четверо,— без запинки ответил Глазов.— Плюс я с дружинниками подъехал.

— Девять человек на три полукилометровых состава,— подытожил Шатохин.

— Мало, конечно. Да где было больше взять, ночь ведь.

— А где билет, на котором номер ячейки записан?

Сержант вынул из стола, с готовностью подал Шатохину.

Билет на пригородный поезд от крайцентра до Таежной. Дата пробита — двадцать седьмое марта. Значит, неизвестный вчера выехал из крайцентра. Куда? Зачем? Пока можно более-менее твердо сказать, что он не из крайцентра. Если действительно документы утратил, самое разумное вернуться. Недалеко отъехал. Билет этот — уже кое-что для следствия. А валяется среди бумаг в ящике стола, того и гляди затеряется.

— И деньги в столе? — спросил Шатохин.

— Нет. В сейфе,— ответил лейтенант. В подтверждение своих слов он открыл сейф, вынул пачки денег.

— А газета? Они в газету были завернуты,— поинтересовался Шатохин.

— Нет ее,— ответил лейтенант.

— Где? — с нажимом спросил Шатохин.

— Кажется,— лейтенант опустил глаза,— там, у избушки, и бросили.

— Конечно. Ей цена три копейки,— подавляя раздражение, сказал Шатохин.— Рядом с пятью тысячами такую мелочь зачем держать. Где избушка?

— Три километра отсюда. По северной ветке,— ответил сержант.

— Пойдемте туда,— сказал Шатохин. Раскрыл свой портфель, достал сапоги, чтобы переобуться.

3.

Солнце во второй половине дня грело, кажется, еще сильнее. Пропитанные креозотом стены-шпалы домика путейцев нагрелись, источали острый запах, забивая запах талого снега.

Домик крохотный, длиной всего в полторы шпалы, но с печкой. Труба выходила над гребнем двухскатной островерхой крыши. Низкая широкая дверь полуприкрыта. Участники рейда, наверно, не закрыли плотно, выведя из домика

— Дружинник Новиков, товарищ капитан,— ответил Глазов.— Он и обнаружил деньги.

— Кем работает дружинник Новиков? — спросил Шатохин.

— Составителем поездов на товарной станции, товарищ капитан.

— А вы кем работаете, лейтенант милиции Глазов? — сурово проговаривая каждое слово, спросил Шатохин. Он указал на револьвер.

Глазов молчал. В тишине было слышно, как он в волнении хрустнул пальцами.

— Понятых сюда,— распорядился Шатохин.— Даю вам на это час. Ясно?

— Так точно.

Номер в одноэтажной кирпичной гостинице Шатохину дали отдельный. Комнатка компактная, уютная, с набором необходимой мебели. На тумбочке — стопка журналов, то ли оставленная прежним жильцом, то ли предусмотренная гостиничным сервисом. Окно выходило на юго-западную сторону, но оно было наглухо задернуто зеленой шторой; штора не пропускала лучи солнца, и рассеянный зеленый свет царил в номере. «Как в хвойном лесу», — подумал Шатохин, с порога окидывая номер.

Было полшестого. Гостиничный буфет открывался в шесть. Искать в незнакомом городке другое место, где можно пообедать, не имело смысла, лучше подождать. Он разделся, снял сапоги, прошел в комнату, сел в кресло, взял с тумбочки журналы — вперемешку «Огоньки», «Здоровье», «Крокодил». Все свежее — мартовские номера. Полистал рассеянно, отложил. Потом. Сейчас гораздо приятнее просто посидеть в кресле с полузакрытыми глазами... Почему Неделин, если его удерживала в Таежной пересадка, не скоротал ночь в поездах? Лучше не придумать: на любой проходящий поезд взял билет, несколько часов проехал, вышел и вернулся. Отдохнул, время прошло и риска никакого... С такими деньгами! Непонятно. Что он мог везти в портфеле? Вдруг да те пачки денег, что были при нем, — только часть, а остальное, значительно большее, было в ячейке автоматической камеры? Или вовсе ничего особенного не было в портфеле. Просто какая-нибудь записка, по которой легко найти владельца и, оставив которую, нет смысла сбегать... Голову можно сломать. Пока любитель романтических ночевочек не будет известен, нечего пытаться «увидеть» содержимое портфеля. И сбежал по-хитрому, есть над чем подумать. Приступ, скамейка, разбитое окно, труба. Слишком сложно. Почему не попытался напасть на сержанта? Или не был

уверен, что справится? Не исключено. Что из этого следует? Почему из всего обязательно должно что-то следовать. Нужно перекусить и идти на станцию.

4.

Поезд, в котором, согласно билету, Неделин ехал из крайцентра, прибыл двадцать седьмого марта в Таежную в 19.05 по местному времени точно по расписанию: Снегопад прекратился не позднее половины десятого вечера. Сержант Свиридов хорошо это запомнил, он дежурил. На первом пути стоял всемирно знаменитый трансконтинентальный пассажирский экспресс «Россия», следующий на запад. Когда экспресс подошел, снег еще сыпал густыми хлопьями, так что с пяти шагов не видать выкрашенных в бордовый цвет вагонов. А отправлялась «Россия» при полной видимости. Итак, от момента приезда Неделина на станцию до конца снегопада минуло чуть больше двух часов. От вокзала до избушки путейцев неторопким шагом полчаса ходьбы. Он вошел в избушку, снег еще падал. Сколько требуется, чтобы снег хорошенько заровнял следы? Тоже полчаса, наверное. То есть Неделин, прибыв на станцию Таежная, почти не раздумывая, куда ему податься, направился в домик путейцев.

Шатохин попробовал установить, почему Неделин не покатался, убивая время, вблизи Таежной на поездах. Едва ли Неделин не подумал над таким вариантом, но чем-то он не устроил. Чем?

Шатохин попросил пригласить работника, хорошо знающего расписание движения поездов. В кабинет вошла круглолицая девушка лет двадцати, кареглазая и веснушчатая, с густыми, заплетенными в косу золотистыми волосами. Шатохин, как ни старался, не сумел сдержать улыбки. Девушка не смутилась, сказала:

— Спрашивайте, что нужно.

По интонациям, по звонкому задорному голосу Шатохин узнал дикторшу, объявлявшую прибытие-отправление электричек и поездов.

— Представьте себе,— принялся объяснять задачу Шатохин,— вы приехали вечером из краевого центра на эту станцию. Вам нужно сделать пересадку, а поезд ваш только утром, скажем, часов в восемь, девять, может, чуть позднее. Ночевать негде, но у вас много денег, вам их не жалко, вы готовы, только чтобы отдохнуть, купить билет на первый проходящий поезд, поспать в нем несколько часов, сойти и таким же способом вернуться обратно.

— Обязательно вечером из крайцентра приехать? — спросила девушка.

— Ну... — Шатохин не знал, не готов был, что ответить. — А что вас смущает?

— Да так. Если не надеяться, что поезд вовремя прибудет, — тогда конечно. А иначе, к чему ночевать. Утренний из крайцентра в полвосьмого приходит. Летом еще можно не успеть, у касс давка, люди в отпуска едут, а сейчас полчаса с избытком хватит, чтобы билет закомпостировать или новый купить.

— Что ж, — Шатохин удовлетворенно кивнул, — давайте считать, что вернуться нужно непременно к половине восьмого. Даже за пятьдесят минут до полвосьмого.

— Давайте, — девушка открыла справочник-расписание, небольшого формата, пухлый. — Только вы скажите еще, четное или нечетное было число.

— В ночь на двадцать восьмое марта. Да, еще важно, чтобы станция была более-менее людной, — прибавил Шатохин.

— Это чтобы в глаза не бросаться, да? — уточнила девушка. Она либо догадалась, в каком учреждении служит Шатохин, либо начальник вокзала ей сказал. Сам не назывался.

— Именно, чтобы не бросаться в глаза, — вполне серьезным тоном подтвердил Шатохин.

Девушка считала, наверно, около часу, беззвучно шевеля при этом губами. Перелистывала справочник туда-сюда, колонками выписывала из него цифры на бумажку. Шатохин не мешал, отошел к окну и наблюдал за весенней толчеей на перроне.

— Не выходит, — сказала наконец девушка. — Так, как вы хотели бы, не выходит.

В голосе ее слышалось удивление. Чувствовалась, результат для нее самой оказался неожиданным. Шатохин хотел, ждал именно этого итога, и все равно в первый момент не поверил. Движение поездов почти непрерывное, особенно в западном и восточном направлениях. И чтобы не было возможности быстро обернуться туда-обратно в пределах двухсот-трехсот километров? Невероятно.

Девушка и не просила верить ей на слово, принялась подробно объяснять. Да, имелась возможность пересест из поезда в поезд. Но это были как раз такие станции с минутной стоянкой, на которых жизнь замирает с наступлением темноты. Кроме железнодорожных работников, двух-трех пассажиров и дежурного милиционера, — никого. И сойти на такой станции, где все друг друга знают, лишь за тем, чтобы сразу взять билет на обратный поезд, — подозрительно. И риск, что тобой заинтересу-

ются, попросят предъявить документы, пожалуй, даже выше, нежели на Таежной.

Что же тогда выходит? Конечно, прежде чем забиться в избушку, Неделин должен был убедиться в приемлемости ночного кочевья в поездах. Должен. Не такое приятное и безопасное местечко избушка, чтобы, не размышляя, отправиться туда на ночевку. С расписанием, откуда знал, загадки нет. У каждого проводника в вагоне имеется справочник, возьми да шутируй.

Хорошо, хорошо знал Неделин расписание. К какому поезду он стремился? Если приехал вечером, то — девушка подсказала — с утренним не успевал на пересадку. Не успевал на поезд, который отправляется до семи тридцати! Выкурили его из избушки в половине пятого, плюс полчаса на ходьбу к вокзалу. Пять.

— Какие поезда проходили сегодня через Таежную от пяти до полвосьмого утра, можете назвать? — спросил девушку Шатохин.

— По-местному, или по Москве?

— По-нашему.

— Если по порядку, сначала читинский на восток. Дальше — пермский в сторону Урала. Бийский... И на Андижан. Они почти одновременно приходят и уходят. Потом — Аннинск — Красный Яр. Это пригородный считается. На Москву и в Усть-Илимск еще. Вот и все.

— А какие из этих редко ходят? Пропустишь, и долго ждать следующего?

— Усть-илимский и андижанский, конечно. Через день ходят. Летом они ежедневные.

— Усть-илимский во сколько?

— После семи. В семь двенадцать.

— Спасибо. Молодец вы. Хорошо свою работу знаете. Учитесь где-нибудь?

— В техникуме... Заочно...

От похвалы девушка неожиданно вспыхнула. Даже обильные веснушки растворились на минуту в алой краске. Она порывисто поднялась со стула.

— Если ничего больше не нужно, пойду. Меня там подменяют.

— Да, пожалуйста.

Оставшись в кабинете один, Шатохин некоторое время смотрел на листок с колонками цифр. Что он узнал? Что Неделин, возможно, ждал в избушке прихода андижанского или усть-илимского поезда. Скорее, андижанского. Усть-Илимск — на восток. Туда поезда идут непрерывно, добрался бы до крупной станции, где легче затеряться. До Иркутска, к примеру. Не стал бы в Таежной торчать. В южном направлении уехать труднее в это время года. В ночь — ни одного поезда. Но даже если твер-

до знать, что андижанский поезд был нужен Неделину, что из этого? Отсюда до Андижана три тысячи километров. Попробуй определи, где нужная Неделину станция? Важно еще знать, куда и на чем подался Неделин, обеда в округ пальца сержанта.

Нет, все-таки узнать станцию, до которой доехал бы Неделин, складывайся у него все благополучно,— это очень много. Какой-никакой зыбкий, а мостик от крайцентра до станции Икс. Но вот как определить этот Икс?

Шатохин подошел к висевшей на стене карте железных дорог страны. Отыскал отметку «Таежная», взглядом проследил путь от нее на юг. Где намеревался завершить свое путешествие Неделин? В Семипалатинске? В Алма-Ате? А может, в каких-нибудь Лепсах? Ладно, сколько угодно можно глядеть в карту. Без пользы. Нужно встретиться с дружинниками, участниками ночного рейда. Не очень он рассчитывал на эту встречу, но все равно нельзя без нее. Шатохин положил в карман пиджака листок с колонками цифр, забрал с вешалки пальто, вышел из кабинета.

5.

Он вернулся в номер около полуночи. Переоделся в спортивный костюм, сел в кресло. Журналы аккуратной стопкой по-прежнему лежали на тумбочке. Есть что полистать-почитать перед сном.

На улице теплынь, а топить продолжали по-зимнему. Батарей — не прикоснешься, в номере душно. Хорошо бы форточку на ночь открыть. Шатохин отодвинул плотную штору, и громада вокзального здания открылась взору. Из окна гостиничного номера была видна северная сторона. Вокзал находился всего метрах в трехстах. Он был освещен снаружи и изнутри. Светилось каждое высокое окно в центральном — кассовом — зале и в зале ожидания в левом крыле. Мощные прожектора с высоты обливали своими лучами пристанционные пути и захватывали вокзал, его выкрашенные в желтый цвет стены узорчатой кладки, зеленую, крытую железом крышу. Впереди, на свободном пространстве за окнами гостиницы царил мрак, и он подчеркивал праздничную яркость ночного вокзала.

Шатохина привлек больше не сам по себе вид здания. Внимание приковали окрашенные серебрянкой трубы. Словно тугие ливневые струи, соскальзывали они с крыши и текли по стене вниз, почти достигали земли. Труб было десятка полтора. Одна из них проходила в про-

стенке между арчатыми окнами второго этажа, где находилась милицейская комната. Причем проходила труба не ровно в центре простенка, а была заметно подвинута к одному из окон. К тому, через которое ушел Неделин.

Шатохину днем не давала покоя мысль, что сбежавший прекрасно знал о трубе за окном милицейской комнаты, но до сих пор он не мог найти толковое объяснение, откуда знал. Даже если предположить, что через Таежную Неделин проезжал не раз и хорошо запомнил вокзал, то все равно не настолько же, чтобы в памяти врезались такие подробности, как водосточная труба близко от окна. Специально такое запомнить Неделин не мог. Такое могло отложиться в сознании произвольно. Но для этого нужно долго, очень долго смотреть на вокзал. Просто остановиться посреди улицы и часами глазеть — это не реально, невозможно. Зато когда находишься один в номере и заняться нечем, отчего бы не встать у окна, не разглядывать? Точно так, как сейчас он, Шатохин... Не следует ли из этого, что Неделин в свое время останавливался в гостинице?

Размышляя так и продолжая вглядываться в вокзал, Шатохин заметил, как от двери служебного хода кто-то отделился и быстро направился вдоль стены здания к багажной кладовой. Маневровый тепловоз с несколькими вагонами, груженными лесом, заслонил и фигуру идущего, и дверь служебного хода.

Шатохин отошел в глубину комнаты, сел. Ну, конечно! Должен был ночевать в гостинице Неделин. Смотрел из окна и подмечал произвольно, как входят и выходят в служебную дверь с надписью «Милиция» люди, видел и окна, и трубы. Не думал, не гадал, конечно, что пригодится. А приспичило, сразу вспомнил и воспользовался.

И как в голову не пришло сразу, что Неделин мог остановиться в гостинице. Ведь задержанный сам сказал лейтенанту Глазову, что, будь документы, отправился бы на ночлег в гостиницу. Значит, точно потерял паспорт или украли. Так. Если сразу не соврал, то, вероятно, и дальше говорил правду. Жаль, не спросил у Глазова, сразу задержанный назвался Неделиным или уже на станции... Большая разница. Пока ехали, мог обдумать, что говорить, а сразу... Уточнить у лейтенанта нужно. Шатохин потянулся к трубке, но тут же передумал звонить: обойдется без уточнений.

Он накинул пиджак, обулся и вышел из номера.

В узком длинном коридоре было пусто и тихо, освещение слабое. Только около входа, на

полированной стойке, за которой находилась дежурная, свет от настольной лампы был предумышленно направлен на картонную табличку с надписью «Мест нет».

Дежурная, полная женщина с сединой в завитых волосах, сидела за столиком и что-то вязала на крупных пластмассовых спицах. Она подняла глаза, вопросительно посмотрела на Шатохина.

— Мне бы книгу регистрации приезжающих посмотреть, — попросил Шатохин.

— Вы с собой хотите взять? — женщина заговорила не сразу, прежде собрала и отложила вязание.

— Если можно, в номере посмотрю.

— Нет. Здесь смотрите. А в номер брать нельзя.

Шатохин не стал спорить: нельзя так нельзя. Он зашел за стойку, присел к лампе и раскрыл пухлую регистрационную книгу.

Записи начинались с середины октября. Шатохин устроился поудобнее и углубился в записи. Администратор снова взялась за вязание.

— Можете к себе забрать, если уж нужно, — разрешила она.

— Ничего, ничего, здесь даже лучше, не застнешь, — не прерывая своего дела, откликнулся Шатохин.

Прошлогодние записи подходили к концу, он просматривал список за двадцать пятое декабря. И тут в середине очередной странички взгляд наткнулся на фамилию Емелин.

Шатохин недолго бы задержался на этой фамилии. Внимание приковало имя-отчество Емелина — Виталий Петрович. Полное совпадение с именем-отчеством человека, назвавшегося Неделиным. И год рождения — 1946, и профессия — инженер (в гостиничной книге значилось даже «ст. инженер») совпадали. Место жительства Емелина, правда, не Пермь, а Челябинск. Домашний адрес — проспект Metallургов, 4, кв. 30, место работы ЧТЗ — Челябинский тракторный завод — надо понимать.

Случайность? Почему бы нет. Очень даже возможно. Но нельзя исключить, что тот самый беглец Неделин. Если он, то почти полную правду сообщил о себе. Год рождения, имя-отчество, профессию. Самую малость вольность позволил — вместо одного крупного уральского города назвал другой. А с фамилией? Что это такое ему взбрело в голову? Уж не пословицу ли вспомнил: «Мели Емеля, твоя неделя?» Емелин — Неделин. Если так, с юмором у него в порядке. И нервы крепкие. Если даже решил пошутить с фамилией, не так и глупо. Начнут искать в Перми Неделина, и, конечно, такого не

обнаружат. Все. Поиск по фамилии в тупике. Кто ж пустится созвучные фамилии перебирать, проверять.

Рано делать какие-то выводы. Может, самый настоящий, неподдельный старший инженер Емелин из Челябинска ночевал в гостинице двадцать пятого декабря. Предполагать все можно, утверждать — пока ничего.

Так, а еще позднее не осчастливил своим приездом гостиницу в Таежной инженер Емелин?

Шатохин опять принялся листать регистрационную книгу. Дело дальше шло быстрее, он обращал внимание лишь на фамилии и год рождения.

Да! Еще бывал в здешних местах Виталий Петрович Емелин одиннадцатого февраля. Занимал десятый номер. По соседству с шахотинским. В декабрьский приезд выбыл на другой день, и в феврале не загостился. Часы выезда и въезда не обозначены, цель приезда тоже не указана.

— У вас где-нибудь отметка делается, когда был занят, когда освободился номер. По часам? — спросил Шатохин у дежурной.

— В карте гостя, — женщина опять ответила не сразу, долго расставалась с вязанием. — На свою карту взгляните, и у вас пометка есть. Это для уборщиц. А так незачем. Расчетный час — полдень.

— Карту гости с собой забирают?

— Сдается. Это же пропуск в гостиницу. Квитанция об оплате выдается, карта отбрасывается.

— А где хранятся они, можно взглянуть?

— Вон лежат, — дежурная обернулась к застекленному шкафу. — Квартал храним, после выкидываем. Нужно?

— Да.

— Вы сами запутаетесь. Лучше назовите, кто нужен, я поищу, — предложила дежурная.

— Емелин Виталий Петрович, из Челябинска инженер. Не припомните такого?

— Нет. Он что, преступник? — не удержалась от вопроса женщина.

— Интересуюсь, — уклончиво ответил Шатохин, снова вникая в регистрационную книгу.

Пока изучал список приезжих вплоть до странички, на которой была вписана его собственная фамилия, и убедился, что Емелина в списке больше нет, дежурная среди тысяч отпечатанных на серой бумаге карточек отыскала нужные. Хотя и говорила, что они выбрасываются спустя квартал, однако выписанная двадцать пятого декабря тоже нашлась. Кроме фамилии, инициалов, номера комнаты и сроков

проживания ничего другого на бланке не указывалось. Непонятно, для чего держать их лишний день, не то что три месяца. Шахотин мысленно поблагодарил руководство гостиницы за это бюрократическое правило.

И на декабрьской, и на февральской картах гостя, выдававшихся в свое время Емелину, значились одни и те же часы вселения и выбытия — двадцать и пять. Любопытно. Особенно если учесть, что последний вечерний поезд из крайцентра прибывает незадолго до восьми. Оба раза Емелин пожаловал в Таежную в нечетные числа. Сбежавший тоже объявился в нечетный день месяца. Совпадение? Нет уж, если Неделин и Емелин — одно лицо, скорее, система. Путь, в котором предусмотрена пересадка с поезда на поезд в Таежной и отдых в гостинице до пяти утра. В такую рань подниматься оправдано на андижанский поезд, как редко курсирующий.

— Листки прибытия, которые приезжие заполняют от руки, у кого хранятся? — спросил Шатохин.

— В администраторской. Но только за последний месяц есть. Недавно батарея лопнула, все бумаги попортились, выкинули их.

— Жаль... Пойду.

— Книга вам с собой не нужна?

— Нет. Спасибо.

— И то верно. Спать давно пора. Пятый час пошел.

Женщина вздохнула, с неохотой опять взялась за пластмассовые спицы. Ее клонило в сон, а прилечь нельзя. Скоро будить людей к поездам.

6.

Шатохин лег в постель перед рассветом с намерением проснуться никак не раньше одиннадцати утра, однако выспаться ему не дали. В начале девятого раздался энергичный стук в дверь. Это прибыли оперативники из Управления внутренних дел на транспорте — капитан Улищенко и лейтенант Гастев. Они только что с поезда, настроены на работу и, конечно, в первую очередь их интересует, что успел за вчерашний день наработать Шатохин.

Капитан и лейтенант, войдя, сняли шинели и кители, расположились в номере запросто. Волей-неволей Шатохину пришлось подниматься.

Умывшись, одевшись, он ввел в курс событий коллег из УВДТ.

— Прилично сделано, — дал оценку капитан Улищенко.

— И не сделанного остается прилично,— сказал Шатохин.— Нужно связаться со свидетельницей, которая видела сбежавшего, когда он брал вещи из камеры хранения, связаться с Бийском, Пермью, Андижаном. Чтоб допросили там поездные бригады. Я бы сосредоточил особое внимание на андижанской бригаде. И на бийской. Главное — попытаться составить портрет этого «пятитысячника»...

Шатохин перечислил еще то, чем, по его мнению, необходимо заниматься.

— Вы сами как будто не собираетесь здесь задерживаться? — спросил Улищенко.

— Свяжусь с начальством, как решит,— ответил Шатохин.

Спустя два часа он разговаривал с полковником Пушных. Доложил первые итоги своей работы, передал номер обнаруженного в избушке нагана, высказал соображения относительно инженера Емелина.

— Втроем дальше едва ли есть смысл оставаться в Таежной. Твое, Алексей Михайлович, считаю, сделано,— сказал начальник краевого уголовного розыска.— Как сам думаешь?

— К вечеру могу выехать,— ответил Шатохин.

— Я поговорю с руководством УВДТ, согласую. Материалы по этому делу нужно, по-моему, забирать к нам. Перезвони через час.— Полковник положил трубку.

Вернуться в крайцентр Шатохин сумел только к концу следующего дня.

Начальник отдела уже имел к этому времени ответ из Челябинска на запрос. Сведения, которые Шатохин нашел в регистрационной книге в гостинице, подтверждались. Емелин Виталий Петрович, 1946 года рождения, русский, ранее не судимый, женатый, проживает в Челябинске по проспекту Metallургов, дом 4, квартира 30, работает старшим инженером в одном из отделов тракторного завода. По работе характеризуется положительно, задержаний, приводов в милицию не имеет. Далее сообщалось наиболее важное: полтора года назад, в сентябре, гражданин Емелин В. Н. обращался в райотдел по месту жительства по поводу утери паспорта. Как указал в своем заявлении, документ утрачен при поездке в отпуск в город Анапу. Сопутствующих пропаже документа обстоятельств он назвать не может. Взамен утраченного гражданину Емелину В. Н. был выдан новый паспорт (назывались серия, номер, дата выдачи прежнего и нового документов). Указывалось, что с начала текущего года Емелин

только однажды, с двадцать седьмого по тридцать первое января, находился в служебной командировке в Москве. Остальное время и по настоящий день в Челябинске безвыездно.

— Все-таки потерял,— сказал Шатохин.

— Да, но лишился Емелин паспорта не при таких уж неясных обстоятельствах. Либо значения не придавал, либо скрыть предпочел, но был у него контакт с двойником. Откуда, иначе, двойник знал такую деталь, что он старший, а не просто инженер. Не через справочное же бюро узнавал.

— Похоже,— согласился Шатохин.— Где-то они должны были встречаться.

— Вот и следует все это у инженера выяснить. И второе. Помнишь, еще работая в райотделе, ты занимался делом о карабинах? Некий Лагунов пытался вывезти несколько ящиков с карабинами, спрятанными в тайге под Нежмой в гражданскую войну.

— Конечно, помню, товарищ полковник.

— Там, кроме карабинов, было еще шесть револьверов системы «наган». Лагунов успел их продать. Пять в ходе следствия удалось изъять у разных лиц, а шестой... Похоже, тот, который ты отыскал в топке печи, и есть шестой. Смотри,— полковник написал номер нагана, обнаруженного в избушке путейцев,— «22034».

— Номера изъятых,— продолжал Пушных,— двадцать две тысячи тридцать один, два, три, пять, шесть. Что скажешь?

— Видимо, он и есть.

— Придется тебе слетать и в Челябинск, и к Лагунову. Колония номер три у нас в крае. Последовательность поездок определи сам. Но я бы посоветовал прежде побывать на Урале. Словом, действуй, Алексей Михайлович.

Старший инженер Емелин оказался противоположностью известному Шатохину по ориентировке и описаниям очевидцев двойника. Ниже среднего роста, щуплый, с голубыми глазами и светлыми, заметно редющими волосами; одетый в плащ светло-зеленого цвета, он пришел, как условились, в гостиницу к Шатохину, поздоровался, назвал.

— Вы в курсе, почему вами интересуются?

— Мне не говорили. Догадался. Кто-то воспользовался моим паспортом. Верно?

— Верно. Под вашим именем живет другой человек. Догадываетесь, наверное, не праведником живет.

— Что-нибудь серьезное натворил?

— Не будем об этом. Вы мне очень можете, если вспомните обстоятельства потери

паспорта. Попробуйте. Плащ можно снять, разговор не минутный.

— Попробую,— сказал Емелин, снимая плащ,— только будет ли польза. Если читали мое заявление, ну, объяснение, куда паспорт делся, я там все сказал.

— Не спешите. Я прилетел сюда специально для разговора с вами за полторы тысячи километров. Давайте вспоминать обстоятельно, подробно.

— Я в санаторий ехал, в Москве пересадку сделал,— начал Емелин.— Начинаю с этого момента, потому что тогда последний раз, точно помню, паспорт видел. Жена телеграмму прислала на вокзальный почтамт до востребования, доставал паспорт из бумажника. Содержание телеграммы вам не нужно?

— Продолжайте.

— Вроде положил паспорт опять в бумажник. Говорю: вроде, потому что с тех пор его не видел. То есть не уверен, что видел. Посадка уже шла, с почты — прямо в вагон. Обычно в купейном вагоне как? Если у тебя нижнее сиденье, найдется кому его уступить — старушка, молодая мамаша. А тут компания удачная. Все мужчины, одного, примерно, возраста, и едут просто отдохнуть. В карты поиграли, анекдоты, житейские истории были. Люди интересные, с разных концов страны. Да, забыл упомянуть. Обычно бумажник в пиджаке ношу, а перед посадкой переложил в портфель. Вечером ужинать отправились в вагон-ресторан, доставал десятку. Тогда вроде мелькнуло ребрышко паспорта. А может, показалось. Пытался припомнить позднее, не мог. То мелькнуло, то показалось, выходило.

— Сейчас бы к чему склонились?

— Сейчас тем более не отвечу.

— Все видели, как деньги доставали?

— Наверно. Вернулись перед сном. Проводник закрывал и открыл купе. Я в бумажник заглянул, в одно только отделение, где деньги. На месте. Поставил портфель под лавку, лег спать. А утром не проверял больше. До портфеля добраться, меня нужно поднять со скамьи. В санаторий обнаружилась пропажа.

— Не почувствовали, бумажник по толщине не уменьшился?

— Там всего хватало. И курортная карта, и заявка на предложение недооформленная, и лотерейки — все, вплоть до квитанции на белье из прачечной.

— И все осталось в сохранности?

— Да. На попутчиков я не подумал. Во-первых, на проходимцев не похожи, потом — кто бы от шестисот рублей отказался, раз уж залез.

Решил, на почте оставил. Хорошо, заводской пропуск в кармане, по нему приняли в санаторий.

— Написали на почту?

— Обязательно. Ответ отрицательный пришел.

— Не отлучались из купе, так, чтобы кто-то один оставался?

— Выходили иногда покурить. Но дверь не закрывали. Кстати, можно закурить?

— Да, только пересядьте к окну.

Шатохин приоткрыл балконную дверь. Апрельский воздух, разноголосый шум миллионного индустриального города хлынул в комнату.

— А проводник?

— Нет, нет,— Емелин выдохнул дым.— Студенты, стройотряд.

— Опишите ваших попутчиков,— попросил Шатохин.

— Пожалуйста. Илтус из Прибалтики. Это имя, фамилии не помню. Сухощавый, среднего роста, по-русски говорит с акцентом. Еще один,— не то с Волги, не то с Камы,— забыл. Невысокий, толстый, с лысиной. Третий с вас ростом, но помощнее. Волосы немного вьются, выражение лица такое скучающее, движения ленивые. А возраст — всем за сорок или около.

— Никого из них не заподозрили?

— Ни сразу, ни потом.

— А если бы твердо знали, что паспорт пропал в купе, на кого бы подумали?

— На третьего. Аркадий, кажется.

— Почему именно на него? Кстати, кто он и откуда?

— Строитель. А где постоянно живет, не уловил. Много мест называл. И Дальний Восток, и Сибирь, и Среднюю Азию.

— Что-нибудь интересное рассказывал? Города, станции какие называл?

— Много говорил. Мне одно запомнилось. Этот, с лысиной,— из Казани он, речник, вспомнил,— говорил о Жигулях. Полдня тратишь, когда их огибаешь, а по суше перешеек на час ходьбы. Тогда строитель про какую-то станцию рассказал. Железнодорожную. На поезде тоже объезжать горы полсуток, а напрямик по автотрассе часа полтора езды.

— Пожалуйста, поточнее. Это очень важно. Какая станция?

— Поточнее не знаю,— смутился Емелин.

— Ладно.— Шатохин поднялся, прошелся по номеру.— Не могли бы вы его описать? Цвет глаз, нос, губы...

— Попробую. Глаза карие, нос прямой... А вообще, если вам нужен его портрет, могу нарисовать.

— Серьезно? — Шатохин верил и не верил. В случае, если он на верном пути, удача слишком большая.

— Какие шутки. Художественную школу закончил. В профессионалы мечтал выбиться, — не удалось. До сих пор для себя рисую. Так что могу кое-что. Вам как нарисовать?

— Чтобы выглядел рисунок, как фотография на документ. Только крупнее, пожалуйста.

— Напишу пером и тушью на ватмане.

— Хорошо. Еще попрошу, если не забыли, так же других попутчиков нарисовать. И проводника. На всякий случай.

— О, это времени потребует. Раньше, чем завтра к вечеру, не смогу.

— Я подожду. Не спешите.

Разговор был закончен. Шатохин проводил инженера Емелина до двери, на прощанье пожал руку:

— До завтра. Звоните, если еще что-то вспомните.

7.

Лагунов изменился. Ссутулился, из-за чего, казалось, стал меньше ростом; лицо с тонкими чертами заострилось, приобрело землистый оттенок. Двадцать семь лет, а выглядит куда старше.

Шатохина он узнал тотчас. Любопытство и одновременно настороженность вспыхнули в голубых глазах.

— Садитесь, Сергей Ильич, — предложил Шатохин. Вдвоем они находились в кабинете замначальника колонии.

— Как мать? — спросил Шатохин.

— Спасибо... Пишет.

— О вас положительные отзывы. Давно встали на путь исправления?

Лагунов выжидательно молчал. В глазах был немой вопрос: «Зачем пожаловал?»

— Есть мнение на поселение перевести.

— Приехали порадовать об улучшении моего бытия? — с усмешкой спросил Лагунов, глядя в окно.

— По делу приехал, Сергей Ильич. Отчасти для вас должно быть безразлично. Хотите помочь? Мне кажется, в ваших интересах.

— Можно поконкретнее? В чем помочь? Все в свое время выложил.

— Один из проданных вами наганов так и не был найден.

— Я при чем. Мне за мое воздано. Мало, считаете?

— Не считаю. Давайте ближе к делу. Так хотите помочь?

— Говорите, — после некоторого молчания тихо сказал Лагунов.

Шатохин вынул из внутреннего кармана пиджака переснятые портретные рисунки челябинского инженера. Пять снимков — соседи по купе и двое проводников. Подал их собеседнику.

Лагунов медленно, кладя одну под другую, несколько раз просмотрел каждую фотографию.

— Вот он. — Положив сверху снимок-рисунок соседа Емелина по купе, назвавшегося строителем Аркадием, возвратил Шатохину. — Я же его приметы называл. И вам, и следователю. Стрелял, да? — В голосе Лагунова угадывалось беспокойство.

— Вообще-то... — Шатохин не торопился убирать фотографии. — Но откровенность на откровенность, Сергей Ильич. Нет. Просто имел при себе.

— Имел — значит, наган теперь у вас?

— Ну, этак мы поменяемся ролями, — Шатохин улыбнулся. — Пока не будем. Лучше еще раз вернемся к обстоятельствам продажи. Не забылось?

— Здесь смена событий не такая быстрая. Только прошлым и будущим живешь. Настоящего нет.

— Тогда расскажите по порядку.

— Что особо рассказывать. В Барнауле у железнодорожного вокзала с этим, — Лагунов кивнул на верхний в стопке снимок-рисунок, — встретились. Предложил. За триста рублей. Наган он хотел купить, деньги у него были. Только сначала он мне предложил мне деньги. Рассчитаемся, говорит, веселой травкой.

— Чем? — уточнил Шатохин.

— Анашу предложил в обмен на наган. Но я отказался. Он торговаться не стал, выложил три сотни — и разошелся.

Вот оно что! Вот, кажется, ключ к разгадке, чем занимается обнаруженный в избушке путейцев мужчина. Кажется, и содержимое портфеля, с риском взятого из камеры хранения, не загадка. Трудно переоценить сообщенное Лагуновым.

— Почему не упомянули в свое время эту деталь следствию? Ведь не упомянули? — спросил Шатохин.

— Боялся.

— Чего?

— Еще одну статью себе пристегнуть. Найдут его, и, чего доброго, в сообщники меня... Вообще после этой встречи сильно испугался. Оружие, наркотики. Понял: если немедленно не бросить все, тюрьмы не миновать. Хотел... — Лагунов облокотился на стол, подпер голову руками.

— Постарайтесь вспомнить подробно весь раз-

говор, и почему вы подошли именно к нему, — помолчав, попросил Шатохин.

— Как почему подошел? Почему, к примеру, цыганка к каждому не подкатывает? Чувствуешь же, с кем о чем можно или нельзя речь завести. А разговор короткий. Я ему: «Есть револьвер». Он: «Сколько?» — «Триста». Не знаю, что он там подумал, прикинул: «Травку веселую взамен дать могу. Покуришь, огни Иссык-Куля увидишь. Любой ручеек шире местной реки — это он про Обь — покажется. Сам кайф ловить не захочешь, выручишь за травку куда больше, чем просишь сейчас». Говорил, а сам улыбался. О себе не говорю, но этот гад... Я про веселую травку знал. Знакомый один добывал, курил. Быстро испекся... — Осужденный посмотрел на Шатохина. — Вот и весь разговор. Отказался наотрез. Он мне три кус... триста рублей и — разошлись... Вот так. А на путь исправления, как вы говорили, я не становился. Просто, раз уж попал сюда, делаю, что велют, и дни зачеркиваю в календарике.

— Я подумаю, Сергей Ильич, постараюсь сделать, что в моих силах, для вас, — сказал Шатохин.

8.

— Отар. Это станция, на которой выходят те, кто не хочет лишние полсуток трястись в поезде, огибать горы. Через два часа автобусом уже попадают во Фрунзе, — Шатохин, докладывая начальнику уголовного розыска, держал в руках карту Киргизии. — Если свести воедино все показания, разыскиваемый частый гость в этих краях. Возможно, родные его края. Фрунзе, Токмак, Прииссыккулье...

Пушных слушал и глядел на лежавший перед ним рисунок-фотографию. Совсем недавно кабинет покинули вызванные со станции Таежной лейтенант Глазов, сержант Свиридов, дружинник Новиков. Все трое по снимку опознали обнаруженного в избушке путейцев мужчину.

— Опасный человек. — Пушных закрыл фотографию ладонью. — Изворотливый и опасный. Оперативники из УВДТ установили, как ему удалось исчезнуть из Таежной, разыскали проводника, в вагоне которого он уехал. Бийским поездом. Назвался сотрудником. Сказал проводнику, что на станции произошло крупное ограбление магазина, и воры в вагоне. В интересах дела велел не сообщать о себе ни бригадире, ни другим проводникам, ни даже милициским работникам. Документов, разумеется, не предъявил. Проводник с уверенностью мог сказать только, что два часа спустя после стоянки

в Таежной, еще находился в вагоне. Дальше следы теряются...

— А деньги? Удалось установить географию хождения?

— Пачки сборные. Желательно бы знать, но фотография, — Пушных отодвинул снимок в сторону, — важнее. Прошу подготовить текст запроса в Киргизию, в республиканское МВД.

— Есть подготовить, — Шатохин встал, намереваясь идти.

— Не все, — полковник сделал знак не спешить. — Ты упомянул Токмак. В начале прошлого года проходил у нас по уголовному делу некий Хасанов, механик автобазы из Токмака. Торговал на рынке фруктами. Фрукты — для отвода глаз. Скупил у медсестры городской больницы несколько ампул наркотического лекарства. С этим попался. Купил, конечно, много больше, но тогда доказать не удалось, выкрутился за недостаточностью улики, дело пришлось прекратить. Сейчас запросим информационный центр.

Пушных снял трубку телефона внутренней связи, нажал три кнопки:

— Ольга Ивановна, будьте добры, напомните, майор Остапов занимался в прошлом году делом Хасанова... Да, да, ампулы. Как бы его поднять?

Пушных сделал коротенькую запись на листке, вызвал секретаршу.

— Поднимите, пожалуйста, из архива...

— Вот он и есть Хасанов, — кивнул на фотоснимок, когда секретарша принесла увесистую папку.

С фотографии смотрел мужчина лет пятидесяти. Черты лица грубые, некрасивые, под глазами полукружья, волосы подстрижены старомодно — полубокс.

— Для себя ампулы доставал? — спросил Шатохин.

— Нет. Не пользуется. Установлено. Совершенно здоров, в жизни не унывает, пытается завоевать успех у женщин.

— Удастся?

— В деле должно быть отражено. Разумеется, не из праздного любопытства к его амурным похождениям. Итак, прошу подготовить запрос, изучить дело и заняться местными связями Хасанова. О Хасанове тоже в запросе справься.

9.

Ответ из Киргизии был получен спустя неделю.

Сообщалось, что присланный рисованный портрет был показан, в частности, и следователю горотдела милиции города Токмака Акбарову Ч. А.,

который утверждает, что на снимке изображен Зазубрин Эдуард Артемьевич, 1947 г. р., русский, уроженец г. Рыбачье, Иссык-Кульской области Киргизской ССР. Постоянно проживает в г. Токмаке (называлась улица и номер дома). В конце семидесятых годов против Зазубрина Э. А. и Урсулова Д. У. было возбуждено уголовное дело по обвинению в незаконном посеве южной чуйской конопли. Принимая во внимание положительные характеристики, учитывая, что противоправные действия были совершены впервые, а площадь посева незначительна, народный суд избрал меру наказания два года (условно) каждому. До последнего времени гр. Зазубрин Э. А. работал разъездным фотографом в местном комбинате бытовых услуг, 31 марта с работы уволился, в Токмаке его нет. Прописка сохраняется по прежнему месту жительства.

Сведения о Хасанове Михаиле Семеновиче повторяли известное. Неожиданным было то, что Хасанов является сводным братом Зазубрина и проходил свидетелем по делу о посеве конопли.

— Эдуард Артемьевич,— повторил зазубринское имя-отчество Шатохин.— Инженер Емелин не мог вспомнить имя на «А», каким попутчик назвался. Артемий подходящее. Артемьевич — Артемий. В его стиле такие перевертыши.

— Занятный человек Хасанов,— сказал Астапов, находившийся у полковника вместе с Шатохиным.— Там он свидетель, здесь почти по нечаянности около медсестры оказался. Нет чтобы рядом с портнихой-поварихой.

— Я в прошлый раз говорил: важны знакомства Хасанова в наших краях. Думаю, они совпадают с братовыми,— сказал полковник.

— В архивных материалах упоминается,— сообщил Астапов,— что он, торговец фруктами, трижды заходил в часовую мастерскую неподалеку от рыночной площади. Отдавал свои часы в ремонт. Пока чинили, стоял рядом с мастером. Других упоминаний на этот счет в архивном деле нет, наличие отношений не выявлено. Можно бы рассматривать часовщика Корневского как фигуру, случайно забредшую в кадр. Мешает маленькое «но». Жена Корневского заведует складом номер шесть на химфармзаводе.

— Что за склад?

— Основная часть веществ, идущих на изготовление наркотикосодержащих лекарств, хранится там.

— Серьезно. Однако еще мало что доказывает.

— Корневская стоит на предприятии в очереди на «Запорожец». Когда записывались, говорила, что машина дороже им с мужем не по карману. А в начале года попросила перефор-

мить запись на «Ниву». Между прочим в разговоре обмолвилась о «Консуле», неплохо бы приобрести. Дорогой мебельный гарнитур. Ни наследства не получили, ни зарплата не прибавилась.

— Утечка наркотиков есть на заводе?

— По имеющимся данным — нет. Месяц назад пропала со склада упаковка основного ингредиента для таблеток от кашля, потом выяснилось: просто не туда транспортировали. Устранять проверку сейчас, по-моему, нецелесообразно.

— Да, совсем ни к чему. Какие будут предложения?

— Постараемся с помощью фотографии установить, встречался ли Зазубрин с Корневским.

— Не возражаю,— Пушных кивнул.— С фотографией Алексей Михайлович займется. Братец, полагаю, главная фигура. Да и на Зазубрина выйти и через братца можно. Он, пока новых документов не добудет, затаится. Хасанова киргизские товарищи не оставят без внимания, но и наш человек не помешает. Командируем в Токмак Астапова. Нет возражений, Михаил Николаевич?

— Нет,— ответил Астапов.

— А ты,— обратился к Шатохину,— поработаешь на месте. Без помощников дальше трудно, подумай, кого подключить.

— Товарищ полковник,— сказал Шатохин,— Зазубрин ездил последнее время каждые полтора месяца регулярно. Если он связник, коммивояжер наверняка условился о новой встрече. Хасанов без связи не сможет. Где-то в середине мая нужно ждать визита из Средней Азии. Если не раньше. Пять тысяч, можно предполагать, сумма, на которую недополучено товара. А уж кто приедет...

— Вот обо всем этом выскажешь мнение генералу. Он вызывает на шесть вечера. Нас двоих, Алексей Михайлович. Прошу подготовиться.

10.

Наблюдать за механиком автохозяйства Хасановым было не особенно хлопотно. Утром точно в восемь он появлялся на работе. В кабинете не засиживался. Его худая нескладная фигура то и дело мелькала на территории. Прогулочным шагом по несколько раз в день он обходил автопарк, следил за ремонтниками, иногда надолго застревал у неисправных машин, изредка ремонтники обращались к нему.

Ровно в пять Хасанов покидал автобазу и спустя десять минут оказывался на тихой одноэтажной улочке, засаженной пирамидальными тополями, где стоял его дом, ничем среди прочих

не примечательный. И там Хасанов не оставался под крышей. Вместе с женой, тучной флегматичной женщиной, появлялся в садике. Вдвоем они медлительно копались до темноты, время от времени усаживаясь на лавочке под яблоней отдохнуть.

Хасанов словно чувствовал интерес к своей персоне и поведением старался доказать полную необоснованность этого интереса. Дни шли, а жизненный режим Хасанова не менялся. Он, словно челнок, не отклоняясь, ходил от дома до автохозяйства, от автохозяйства до дома. Могло показаться, будто, кроме работы и садика в пять-шесть соток, для него ничего другого не существует. Даже двери гаража, где у него стояла «Победа», он не удосуживался открывать.

Почти две недели минуло, прежде чем Хасанов изменил своему правилу. В пятницу отправился не домой, а на автовокзал, купил билет на рейсовый автобус до Рыбачьего. С первыми лучами солнца был уже в пути. Рыбачье, однако, не было конечным пунктом путешествия. Выйдя на местном вокзале, Хасанов встал в очередь за новым билетом, на этот раз до Пржевальска.

Начало было несколько таинственным: автобус, в котором ехал Хасанов от Токмака, напрямую шел в Пржевальск, и в пересадке не было нужды. Возможно, случайно встретил знакомых попутчиков.

Странности на этом не кончились. До Пржевальска Хасанов не доехал, покинул автобус на полпути в большом горном селе. Оглядевшись, направился от остановки по длинной, взбегающей в гору улице. Дойдя до обшитога вагонкой, выкрашенного в зеленый цвет дома, постучался в калитку. Женщина-киргизка, тепло одетая несмотря на жаркую погоду, открыла калитку, впустила.

Оставалось терпеливо ждать. Долго скучать не пришлось. Верхом на монгольской низкорослой лошадке проехал мимо магазина, расслабленно покачиваясь в седле, парень-киргиз лет двадцати. Всадники в этих местах не были редкостью, пастухи с чабанских стоянок, жители отдаленных мелких населенных пунктов, отрезанных горами, приезжали за продуктами. На него обратили бы внимание не больше, чем на остальных, но он спешил, остановил лошадку у той же калитки, в которую вошел Хасанов. Та же женщина встретила и провела в дом нового гостя.

Поневоле настраивались на долгое ожидание. Однако спустя всего четверть часа парень вышел на улицу, взял под уздцы лошадь и направился к магазину. Судя по тому, что ни с кем из

толпившихся у входа не поздоровался, был он здесь чужим.

Привязал лошадь за вбитую в угол магазина скобу и прошел внутрь. Через минуту вышел с блоком сигарет и двумя буханками хлеба в руках. Постоял на крыльце, закуривая, потом сел на лошадку и поехал прочь.

Не успел парень далеко отъехать, как показался Хасанов. Он шел к остановке. Всего полчаса как прибыл и уже уезжает. Что привело сюда Хасанова и почему так мало пробыл? Кто этот молодой всадник? Случайное ли совпадение, что он входил в зеленый дом, когда там находился Хасанов, или это заранее оговоренная встреча?

Хасанов, выйдя на шоссе, не стал ждать рейсового автобуса, проголосовал. Первая же легковая машина остановилась, подобрала его. К раннему вечеру он уже был дома. До сумерек сидел в саду, принимая из рук жены пиалы, пил вволю чай. Но когда стемнело, выкатил из гаража на улицу «Победу». Пока переключал свет, убеждался в исправности фар и подфарников, жена сходила в дом, вынесла и поставила в машину на переднее сиденье портфель.

Полтора часа спустя машина уже катила по ярко освещенным оживленным улицам республиканской столицы.

Хасанов остановил «Победу», не доезжая нескольких сот метров до центрального входа в гостиницу «Ала-Тоо». Очень скоро с пешеходной дорожки из толпы гуляющих к машине шагнул смуглый горбоносый мужчина лет тридцати — в джинсах, обтягивающих длинные худые ноги, в белом свитере, со спортивной сумкой на плече. Задняя дверца раскрылась, незнакомец нырнул в машину. Она не отъехала.

Через десять-пятнадцать минут горбоносый мужчина выбрался из машины, нырнул в толпу, направился в сторону вокзала. Да, лишнего времени на встречи Хасанов не тратил, знакомые его тоже были деловиты, приучены к точности. Нужно было выяснить, куда держит путь горбоносый.

Выяснение отняло не минуты, и даже не час. Путь знакомца Хасанова протянулся до самого аж Маргилана...

Астапов жил в Токмаке, вместе с новыми своими друзьями накапливал сведения о Хасанове, а тем временем у Шатохина в крайцентре новостей не было. Сколько ни изучал прежние сибирские связи Хасанова, достойных внимания обнаружить не удалось. Существовала пока одна-единственная зыбкая ниточка давней встре-

чи между часовщиком Корневским и Хасановым. И она никуда не вела.

Шатохин знал о каждом шаге подозреваемых. Но каких-то дополнительных сведений, которые бы характеризовали их с теневой стороны, эта информация не давала. Корневские не имели подозрительных контактов ни дома, ни на работе. Корневскую иногда можно было видеть на работе в обществе молодых мужчин. Но ей всего двадцать пять, она привлекательна, общительна. Не то, нет.

В канун майских праздников Корневские купили «Ниву». Часовщик уже имел права на вождение, и супруги регулярно по вечерам выезжали за город на непросохшее весеннее поле, где молодая женщина садилась за руль и часами упорно постигала шоферскую науку. Чего-чего, а угнетенности в поведении не наблюдалось, особенно с приобретением машины.

Шатохин волей-неволей думал: или он допустил ошибку, избрал неверный путь, или имел дело с искусными маскировщиками.

Он не торопился с выводами, но все больше склонялся к первому. Действительно, могли ведь у Хасанова сломаться часы. И куда еще подаваться с ними, если рядом с рынком часовая будка. Потом, если даже Хасанов предложил бы сделку, почему обязательно должны согласиться? Не глупые, учитывают степень риска, особенно Корневская. Она закончила медтехникум, имеет предупреждение о строжайшей ответственности. Наконец, она мать трехлетнего ребенка. А деньги? Мало ли откуда. Заняли, может, решили выкрутиться как-нибудь, лишь бы добрую машину иметь.

Шатохин раз совершенно случайно видел всю семью Корневских. Он и она шли по проспекту с сыном, держа его за руки, наперебой что-то объясняя мальчугану. Так хорошо, по-семейному, смотрелись трое. Шатохин посмотрел вслед и мысленно пожелал мальчугану, чтобы родители его оказались непричастными к делу, которым он занимался вот уже полтора месяца.

Однако уже на другой день он мог сказать, что пожелание его, скорее всего, не сбудется. Корневская в ювелирном магазине приобрела массивную золотую цепочку. При долге в пять с половиной тысяч рублей,— ее долг, который она объявила на заводе после покупки «Нивы», новая покупка оставляла слишком мало сомнений...

А еще через день поступило сообщение из Киргизии. Хасанов прокатился после работы в республиканскую столицу и взял авиабилет на ближайший выходной. Рейс в Сибирь. В воскресенье Хасанов будет в крайцентре.

Хасанов Михаил Александрович — механик автобазы г. Токмака
 на рынке фруктов купил у медсестры городской больницы
 несколько ампул наркотического вещества. За
 Является сводным братом Зауубрина Эдуарда
 посылает свидетелем по делу о неза
 посылает чужой копилки.

Хасанова задержали на квартире у главного технолога фармацевтического предприятия Перегудова. Извещенные о привычке Хасанова не тратить время попусту, приступить к делу сразу, вошли в квартиру вскоре после того, как хлопнулась дверь за токмакским гостем.

В гостиной комнате с хрустальной люстрой, непомерно большой для такого скромного помещения, было пятеро: Перегудов, его жена — провизор ХФЗ, Корневские и Хасанов. Женщины сидели в креслах и курили. Мужчины топтались перед столом, а часовщик Корневский пересчитывал пачки денег, складывал в ровные стопки. Несколько пакетов с белым порошком в полиэтиленовой упаковке лежали тут же.

При внезапном появлении милиции лицо хозяина квартиры стало блее порошка. Перегудова судорожно принялась гасить сигарету о подлокотник кресла, с ужасом глядя на людей в милицейской форме. Корневская закричала. Визгливо, пронзительно. Один Хасанов не потерял присутствия духа. Схватил упаковки с порошком и метнулся к открытой форточке. Подоспевший милиционер перехватил руку, зашелкнул наручники.

Шатохин, глядя на главного технолога, вспомнил найденную около избушки путейцев газету с цифрой «8» — пометка почтальона. Если бы Перегудов попал в поле зрения, возможно, обратил бы внимание, что проживает главный технолог в квартире номер восемь. Перегудов до последнего момента был вне подозрений...

Первый допрос Хасанова вел сам Пушных.

— Вам знаком этот человек? — задал полковник вопрос, кладя перед Хасановым снимок Зазубрина.

— Да, — кивнул Хасанов. — Это мой брат Эдуард.

— Когда с ним виделись в последний раз?

— Не помню. В середине марта.

— В последний день марта он уволился с работы, в городе не видно. Где сейчас?

— Со мной не советовался, где быть.

— Сомневаюсь. Думаю, по вашим командам Зазубрин регулярно навещал Сибирь. Двадцать седьмого марта он был задержан около станции Таежной, но бежал. Не секрет для вас?

— С середины марта не видел. А говорить можно, что взбредет в голову...

— Здесь говорят о делах конкретных. Не будете отрицать, что полтора года назад с вами в этом здании не вели речи на отвлеченные темы? Хасанов молчал.

Следователь Аманжолов из Киргизии, при-

летевший в крайцентр за день до ожидаемого появления Хасанова, сидел тут же.

— О вас много известно, — сказал Аманжолов. Он раскрыл папку. — Двадцать третьего апреля в горном селении близ Иссык-Куля вы встречались с неким Боконбаевым. В тот же день вечером во Фрунзе с греком Григорисом из Маргилана. Потом ночевали в доме зубного техника Салиева...

— Так где сейчас Зазубрин? — повторил вопрос начальник уголовного розыска.

— Я ему не сторож, — зло огрызнулся Хасанов.

Работники фармпредприятия, часовщик спешили на допросах хотя бы правдивостью облегчить свою участь. Да, сам Хасанов приезжал за товаром, но чаще Зазубрин. Больше дня не задерживались в городе. В последний приезд Зазубрина порошка не хватило. Около ста пятидесяти граммов. Зазубрин велел быть порасторопнее, к следующему приезду восполнить недостающее.

Следователь уловил это, прозвучавшее в ответе главного технолога, слово «велел» и сказал:

— Какой-то Зазубрин, имеющий семилетнее образование, приказывает вам, главному технологу крупного предприятия! Вы хоть задумывались над своей ролью, Перегудов? Вы же врач-фармацевт. Врач. Целые партии лекарства шли с недовложениями основного целебного вещества. Большим усугубляли состояние, здоровых делали больными.

Перегудову нечего было отвечать. Он только ниже клонил голову.

Хасанов хоть и неохотно, скупно, однако давал показания о деловых связях с Корневским и Перегудовым. Отрицать все огульно было бессмысленно. Попался все-таки с поличным.

Но при вопросе о местонахождении Зазубрина либо отмалчивался, либо упрямо, с затаенной ненавистью твердил: «Не знаю».

Так длилось и неделю, и десять дней. Было ясно, не скажет. Сведения нужно искать, скорее всего, на родине братьев-сообщников.

— В семьдесят девятом году вы пытались спрятать брата от ответственности за посев конопли, — сказал на очередном допросе следователь. — Отправили на берега Сырдарьи копать солодковый корень. Еле его тогда отыскали. Уж не то ли же самое проделали на этот раз? А? На всякий случай. Вдруг милиция всполошится.

— Никуда не отправлял. И хватит о нем. Про мое спрашивайте,— ответил Хасанов. Но по его взгляду, по интонации следователь понял: попал в самую точку. Повторился Хасанов, спровадил брата в дикую бригаду, где документов не требуют, а нужны лишь рабочие руки. Спровадил отсидеться, до поры, покопать лакиру.

11.

Вертолет больше полутора часов летел от областного центра над казахской степью. Припав к иллюминатору, Шатохин смотрел вниз. Местами степная трава была уже опалена жаркими лучами, немного пожухла, местами не успела выгореть — зеленела. Изредка глазки озер — побольше и поменьше — возникали среди этого цветового однообразия. Вода в них была густосиняя. Возможно, это казалось, потому что другие тона не были так сочны и не приглушали насыщенной синевы воды. Или это отражалось чистое, без единого облачка небо. От больших озер тянулись прямые короткие ленты рек. Но вот впереди блеснула непомерно широкая для этих мест река.

— Сырдарья,— услышал Шатохин сквозь шум мотора голос соседа, следователя Аманжолова. Он тронул Шатохина за плечо.

Шатохин кивнул, дескать, понял. Ему хотелось скорее ступить на землю. В салоне вертолета духота. Он смахнул пот со лба, поглядел на своих спутников. Трое молодых милиционеров изнывали от жары.

Бортмеханик с мокрым от пота лицом вышел из кабины, обратил внимание следователя и Шатохина на палатки внизу у реки. Где-то в полукилometре от палаток — люди. Знаками бортмеханик спрашивал: где приземлиться? Шатохин на пальцах показал: между, посередине.

Бортмеханик кивнул, исчез. Вертолет пошел на снижение.

В иллюминаторы видно было, как люди подняли головы, следят за вертолетом.

Шатохин спрыгнул на землю первым. Чуть отошел от винтокрылой машины и встал в вихре, идущем от вращающихся лопастей, наслаждался прохладой.

От вертолета был виден краешек реки. «Сейчас возьмут Зазубрина — и обязательно выкупаюсь в Сырдарье,— подумал.— Будет чем похвалиться в управлении. В Сибири только через месяц погода позволит купаться».

Лопасты замедлили бег, провисли. Слабое их вращательное движение не создавало больше вихря.

Шатохин неторопливо направился к стоявшим в ожидании сборщикам корней. Артель была человек в двадцать. Аманжолов догнал, пристроился рядом. Милиционеры на шаг отставали.

Чем ближе, тем различимее лица. Люди встревоженно переглядывались, словно пытались найти объяснение друг у друга, чем обязаны такому визиту.

Скользя взглядом по лицам, Шатохин выискивал Зазубрина. В выгоревших мятых штанах, по пояс раздетый, как и другие артельщики, он стоял с лопаткой в руке. Сильно загорел, отпустил бородку. По напряженной выжидательной позе, по лицу заметно, еще надеется: обойдется, не за ним.

Шатохин остановился в пяти шагах. Глядя Зазубрину в глаза, сказал:

— Эдуард Артемьевич, подойдите. За вами приехали.

ПОЕДИНОК В МИРНОМ НЕБЕ

Александр АБРАМОВ

Гвардии капитан Валентин Куляпин неторопливо шагнул вдоль взлетно-посадочной полосы к стоянке своего сверхзвукового ракетносца.

Спустя час поступила команда быть готовым к выполнению задания. Куляпин надел гермошлем, пружинисто взбежал по стремянке и опустился в кресло кабины. Привычными движениями поправил плечевые лямки парашюта. Закрыв фонарь, еще раз убедился в нормальной работе приборов. Взгляд скользнул по стрелкам часов: 14.30. И в этот момент в шлемофоне прозвучал голос руководителя полетов:

— 37-й! Вам взлет! После набора высоты форсаж: не выключать!

Задрожал воздух, загудели турбины. Ракетносец ожил, наполняясь невидимой силой, и плавно тронулся с места. После рулежки — короткий пробег. Серый бетон бегущей лентой стелется под крылом. И сразу — стремительный рывок вверх. Летчика плотно прижимает к сиденью, в руках и ногах ощущается тяжесть. Земля уходит назад и вниз.

Валентин осмотрелся: за прозрачным фонарем кабины в солнечных лучах — чистый голубой простор. Лишь на горизонте кое-где виднеются стайки белых перистых облаков. Машина легко поддается каждому движению летчика.

В шлемофоне слышен голос с командного пункта:

— 37-й! Курс...

Раскрыв планшет с картой, Куляпин насторожился: «Ведь там государственная граница. Значит, кто-то осмелился...»

Перехватчики, взлетевшие намного раньше 37-го, получили команду возвращаться на аэродром: кончалось горючее.

Сквозь писк и треск в эфире Валентин услышал:

— 37-й! Внимание! Неопознанная цель... Курс...

Теперь Валентин не сомневался: кто-то вторгся в наше воздушное пространство. Он тотчас взял указанный курс и приступил к автономному поиску. Прикинул возможные варианты. Если неопознанная цель случайно потеряла ориентировку и сбилась с курса, то придется «пригласить в гости». А может, нарушение умышленное? Валентин сосредоточенно следил за воздушной обстановкой и за приборами. Он был спокоен: знал, что в случае необходимости земля поможет. И еще знал, что у локаторщиков на экране обнаруженная цель не превышает размера булавочной головки, что за ней следят специалисты отличной выучки и что даже в условиях радиопомех они с максимальной точностью определяют ее перемещение.

В заданном рубеже крылатая стрела достигла высоты девять тысяч метров. Наконец Валентин заметил неизвестный самолет. Он шел значительно ниже ракетносца.

— Я — 37-й, — доложил летчик. — Иду на перехват!

— 37-й! — отозвалась земля. — Без команды огня не открывать!

Скорость истребителя была намного выше, чем у самолета-нарушителя. Чтобы не проскочить мимо него и не подставить себя под возможный удар, Куляпин вынужден был сбросить обороты двигателей и дополнительно выпустить тормозные щитки.

— 37-й! Определите государственную принадлежность цели!

Не прошло и минуты, как летчик передал:

— Четырехмоторный военный самолет... Без опознавательных знаков и без иллюминаторов... Смахивает на разведчика.

Некоторое время земля молчала, затем скомандовала:

— 37-й! Постарайтесь принудить незваного гостя к посадке. Ведите на наш аэродром.

Куляпин догнал нарушителя и пошел на облет.

Выбрав момент, когда на него посмотрели чужие пилоты, он неоднократно подал условные сигналы идти на посадку. Но те не подчинились.

Внезапно нарушитель сменил курс и маневрировал так близко от истребителя, что Куляпин едва успел уйти вверх. Пират был, видимо, опытным пилотом: он рассчитывал, что испугает советского летчика, и при резком развороте сверхзвуковой ракетносец сорвется в штопор. Однако Валентин отлично владел высшим пилотажем и не позволил себя спровоцировать.

— Я — 37-й! Цель приказы не выполняет, идет к госгранице.

Земля ответила не сразу. А нарушитель тем временем приближался к горной гряде, в середине которой Куляпин не раз в полетах видел извилистую речку. По ней проходила государственная граница.

Наконец прозвучал приказ командира:

— 37-й! Внимание! Цель уничтожить!

Несколько минут назад, когда между перехватчиком и целью было необходимое расстояние для ракетной атаки, эту команду летчик мог выполнить без труда. Теперь же он идет на минимальной скорости и ему наверняка не хватит времени для боевого маневра. Значит, разведчик успеет улизнуть за рубеж.

Снова включилась земля:

— Внимание! 37-й, ваше решение?!

«Что ответить?» — думал Куляпин. С тех пор, как на его плечи легли офицерские погоны, он провел немало учебных воздушных

боев, требовавших напряжения сил и мастерства. Но тогда он дрался с условным противником. Сейчас же обстановка поставила перед ним нелегкий выбор. На размышления оставались считанные секунды. Он обязан выполнить приказ! Но как? Ему приходилось много читать и слышать от командиров и наставников-инструкторов о наших авиаторах, совершивших тараны в годы Великой Отечественной войны. «Но тогда наши срезали фашистов винтами, а у меня нет винта...»

Однако лет восемь назад, когда он был на третьем курсе училища, курсанты узнали о таране капитана Г. Н. Елисеева, который уничтожил противника на сверхзвуковом истребителе. Тогда Г. Н. Елисееву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. И хотя пилот погиб, будущие летчики спрашивали друг друга: «А ты бы мог?».

Теперь он ответил на этот вопрос: «Да! Это, пожалуй, единственный выход...»

И без колебания передал в эфир:

— Я — 37-й! Иду на таран!

Куляпин мгновенно напрягся, сжал ладонью ручку управления самолетом. Он попытался поднырнуть под вражеского разведчика и снизу ударить по нему фюзеляжем. Но тут же понял, что неминуемо раздавит свою кабину.

Валентин решил зайти чуть ниже и сбоку. «Спокойно! Не торопись!» — скомандовал он себе. Вот уже видны не только створки люков, но и заклепки иностранного самолета. Куляпин слегка взял ручку управления на себя... Примерился... Еще немного. Еще! Перед глазами вырос чужой стабилизатор, и в этот миг ракетомосец рубанул по хвостовому оперению нарушителя. В фонаре лопнуло остекление, самолет затрясло, он перестал слушаться рулей.

Убедившись, что машину не удержать, Валентин взялся за поручень катапульты. И тотчас его сильным рывком выбросило из кабины...

Поездик длился всего 14 минут. Но какими долгими и бесконечными они показались Куляпину. Последний раз голос летчика

услышали на земле, когда он передал, что идет на таран. В авиационном полку его потеряли. Что произошло с ним дальше, он рассказал сам: «...Удар! Это фюзеляж моей машины таранит стабилизатор... Пришлось катапультироваться. Раскрывается парашют — и первое, что делаю, — осматриваю небо. А нарушителя не видно! Помню, вошел в сердце холодок, — неужто не сбил? Ведь все точно рассчитал! Опускаю взгляд вниз, вижу — он кувыркается подо мной, идет к земле.

Когда приземлился, подбежали ко мне два парня с проезжающего грузовика. Они все видели, смотрят на меня почти как на бога. А я топчусь в одном ботинке — второй сорвало при приземлении. Смеюсь над собой, парни — тоже».

...Валентин Куляпин родился в городе Краснокамске Пермской области. Детство и юность прошли в Перми. Учился в средней школе № 132, где в 1971 году получил аттестат зрелости. Отец его — Александр Константинович — участник войны, сейчас печатник высокой квалификации, десятки лет работает на Пермской полиграфической фабрике «Гознак», начальник цеха. Мать работала там же.

Еще задолго до призыва в армию Валентин решил поступить в Ставропольское высшее военное

училище летчиков и штурманов имени маршала авиации В. А. Судца. Однако на пути к своей мечте парень преодолел не одно препятствие. Во время медицинского осмотра в военкомате комиссия обнаружила в его здоровье изъян. А это значило, что военная специальность летчика ему противопоказана. Удрученный неудачей, Валентин решил проконсультироваться со специалистами. После исследований врачи дали заключение: необходимо хирургическое вмешательство. И Валентин лег в больницу. Операция прошла удачно.

Но тут возникла новая преграда. Выяснилось, что по существующим правилам приема в летное училище абитуриенту до 1 сентября должно исполниться семнадцать лет. А Валентин Куляпин родился 9 сентября 1954 года. Обидно: из-за недостающих девяти дней ему отказали в приеме. Сказали: «Подожди годик». Но для Валентина это была вечность. Тогда ему на помощь пришел отец. Он, как ветеран войны, обратился к начальнику училища с просьбой сделать для сына исключение. Младшего Куляпина допустили к вступительным экзаменам, которые он успешно сдал.

...Гвардии капитан В. А. Куляпин, выполнив 18 июля 1981 года боевое задание, убедительно доказал, что и на сверхзвуковом ракетомосце можно уничтожить противника при помощи тарана и, что очень важно, при этом остаться живым. Случай в истории современной авиации беспрецедентный. За этот подвиг бесстрашный летчик награжден орденом Красного Знамени.

После окончания Военно-политической академии имени В. И. Ленина Валентин Александрович Куляпин назначен заместителем командира авиационного полка по политической части в один из военных округов. В 1982 году он был делегатом XIX съезда ВЛКСМ.

Сейчас военный летчик первого класса гвардии подполковник В. А. Куляпин успешно охраняет мирное небо Отчизны и передает свой богатый опыт молодым авиаторам.

Свердловск: «Аэлита»-87

Виталий БУГРОВ

Как уже сообщалось в предыдущем номере журнала, 24 апреля обрела своего владельца седьмая наша «Аэлита». К лауреатам прошлых лет — Александру Казанцеву, Аркадию и Борису Стругацким, Зиновию Юрьеву, Владиславу Крапивину, Сергею Снегову и Сергею Павлову — присоединилась теперь Ольга Ларионова. Приз, носящий прекрасное женское имя, вручен представительнице прекрасной половины человечества...

А теперь о своеобразном «рекорде»: на вручении «Аэлиты» присутствовали нынче посланцы 58 клубов любителей фантастики из 48 городов, в общей сложности — 152 гостя. В 1983 году, на который пришелся предыдущий пик в развитии нашего клубного движения, в Свердловске гостили «лишь» 35 КЛФ из 34 городов...

Самокритично признаемся, что редакция не избежала проколов и накладок. Так, вопреки традиции не удалось обеспечить гостей апрельским номером журнала (что, однако ж, и впрямь было мудрено при полном отсутствии розницы). Не удалось соблюсти «единство места»: вручали-то «Аэлиту», как обычно, в ДК автомобилистов, а вот в следующие дни уже почти что родной для нас зал был занят. Даже приличную погоду «удержать» не сумели — теплая весенняя сушь на глазах гостей вдруг сменилась столь отчаянно-обильным снегопадом, что невольно шутилось: где как, а в небесной канцелярии отношение к клубам любителей фантастики по-прежнему остается, мягко говоря, прохладным...

На «Аэлите»-87 встретились представители едва ли не всех регионов необъятной страны — от Владивостока, Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре до Тирасполя и Одессы, от Мурманска до всех трех казказских столиц. Встретились — ровнехонько за 5000 дней до начала третьего тысячелетия (как выяснилось, именно таков оказался промежуток между нынешним 24 апреля и 1 января 2001 года). В жизни многих это была первая поездка в апрельский Свердловск с его праздником фантастики, на нем обнаружилась даже молодая чета из Грузии, включившая участие в «Аэлите»-87 в свое свадебное путешествие.

Что же смогла предложить редакция «Уральского следопыта» представителям этих не слишком притязательных в смысле удобств и привилегий, но зато удивительно жизнестойких, как показало время, самостоятельных общественных образований?

По общему мнению, удачным был торжественный вечер в ДК автомобилистов.

Традиционная уже выставка фантастической живописи молодых свердловских художников, книжный киоск, среди иных книг продавший, как никак, 300 экземпляров сборника «Поиск-86» и 150 — красочного свердловского переиздания повести Я. Ларри «Необыкновенные приключения Карика и Вали»; очередная НФ викторина, новинка этого года — выставка-конкурс газетных страниц КЛФ... Все это уже создавало особенную атмосферу общности интересов.

Аплодисментами встретили собравшиеся кинохронику восьмидесяти первого года — сюжет из киножурнала «Советский Урал», посвященный первой нашей «Аэлите». Посвещались, глядя на шаржированные портреты предыдущих лауреатов. Явно по душе пришлось предложение

назвать кандидатов на премию 1988 года — мы записали никак не менее двух десятков произведений последних лет. Внимательно слушали выступления писателей — В. Крапивина, В. Бабенко, С. Другалю, наконец, самой «Аэлиты»-87 — остроумной, как всегда, Ольги Ларионовой...

С энтузиазмом была воспринята собравшимися и новая инициатива журнала — учреждение, совместно с объединением «Уралгеология», приза имени И. А. Ефремова.

Писатель и ученый, первопроходец-геолог, немало поработавший и на Урале, Иван Антонович Ефремов своими книгами выводил советскую фантастику на новые орбиты. Именно ефремовская «Туманность Андромеды» стала тридцать лет назад той вехой, что обозначила рождение новой советской фантастики. Фантастики, которая устремлена не на пять — десять лет вперед, а в безграничные дали будущего, которая видит в этом будущем отнюдь не слащаво-розовые частные стычки лучшего с худшим, а самые серьезные конфликты и проблемы, которая приучает своего читателя ежечасно помнить, думать и заботиться об этом будущем в нашей повседневности.

Совершенно естественным было специальному призу за вклад в развитие советской фантастики дать имя И. А. Ефремова...

Георгий Иосифович Гуревич, первый лауреат нового приза, именно в этот день — 24 апреля — отмечал свое 70-летие. Ровесник Октября, он пришел в фантастику сразу после войны: первая его повесть («Человек-ракета») была напечатана еще в 1946 году. Много повестей и романов, сборников рассказов выпустил он за эти четыре десятилетия, активно работает и сейчас: только в 1985 году вышли одна за другой три новые его книги — роман «В зените», сборники повестей и рассказов «Только обгон» и «Учебники для волшебников». Особо нужно бы упомянуть о его литературоведческих книгах: первая из них, «Карта Страны Фантазии» (1967), во многом способствовала утверждению права фантаста на выдумку, рассеивала туман вокруг диаметрально, казалось бы, полярных требований к фантастике, общедоступно объясняла эти требования многожанровостью фантастики, настаивала на необходимости и у писателей-фантастов каждое конкретное произведение судить по законам, по которым оно написано.

На официальное, организованное общение был у клубов лишь один день — суббота. Да и та — в усеченном виде, поскольку с утра состоялось выездное заседание Российского совета по фантастике и приключениям, прошедшее — вполне в духе новых веяний — при открытых дверях, с участием всех желающих. Вел заседание С. Гансовский, посвящено оно было нашему журналу. Фантастику «Уральского следопыта» обстоятельно проанализировал московский критик В. Гопман, о «приключенцах» говорил В. Черняк, о ежегодном семинаре молодых авторов в Малеевке (последние два года — в Дубултах) — Н. Беркова. Выступали и читатели.

Разговор, естественно, не ограничился обсуждением журнала. Шла речь о модном сегодня политическом риторике и о бедственном, без преувеличений, состоянии

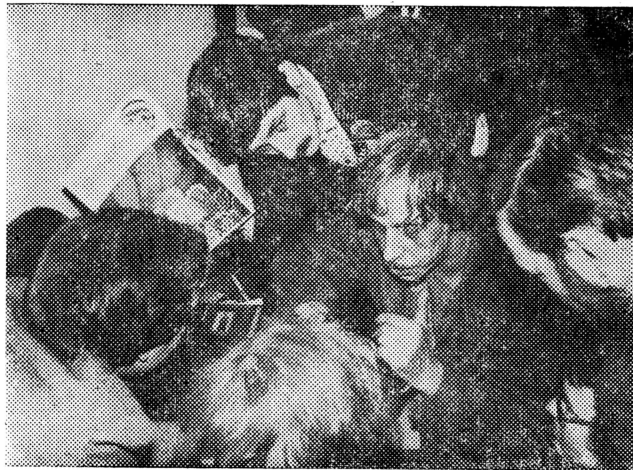
книгоиздания фантастики в нашей стране, о других заботах и нуждах этого вида литературы.

На семинаре работали две секции. У фантастиковедов были зачитаны любопытные и обстоятельные сообщения, которые могли бы войти в любой сборник научных работ: «О методике исследования фантастики» А. Киреева (Киев), «Что значит имя?» Р. Арбитмана (Саратов), «Опыт библиографии ленинградской фантастики» Ю. Флейшмана (Ленинград), «О библиографическом указателе «Мир глазами фантастов» В. Казакова (Саратов) и другие. Теория фантастики, ее частные и общие вопросы, библиография и критика НФ (особенно текущая) крайне не разработаны, запущены у нас; здесь — простор для пытливых исследователей, тем более молодых, увлеченных и энергичных, чей взгляд на фантастику свеж, современен и покамест не скован сложившимися традициями, установившимися мнениями и авторитетами. Разумеется, тут же встает вопрос о сохранении и публикации подобных сообщений: жаль, если, отзвучав в Доме работников культуры, они останутся неизвестны вне его стен. Может быть, кому-то из сильных КЛФ, живущих уже в условиях хозрасчета, задуматься над этим вопросом? Предвидим кивок в сторону журнала: почему бы нам самим, высказав к тому же идею заочного КЛФ и НФ тетради, и не заняться публикацией наиболее любопытных докладов? Тут не поспоришь, сверхзаманчиво! Да вот только тетрадь — наша будущая, к сожалению, слишком тонка, нам бы ухитриться как-то совладать в ней с материалами вот этого самого заочного КЛФ, — а в иных из докладов, о коих речь, по двадцати и более машинописных страниц...

Во второй секции шел обмен опытом работы КЛФ. И здесь, разумеется, были сообщения, достойные публикации в гипотетическом сборнике. Но в целом — о столь наболевшем, жизненно важном для всех собравшихся, для каждого представляемого ими клуба шел здесь разговор, что, конечно же, никак не возможно было обойти без вспыхивавших то и дело бурных дискуссий. Это был (конечно же) в самом чистом виде — рабочий семинар, которых так не хватает, увы, нашим клубам.

Клубы остро нуждаются в методических советах и разработках, к нам то и дело приходят письма со слезными мольбами о чем-либо подобном — и мы абсолютно бессильны помочь, поскольку никакой такой методики для рассылки у нас попросту нет, она если и существует — то, очевидно, в каждом клубе своя и в единственном экземпляре. Тиражируются-то, распечатываются в клубах только планы работы, эмблемы да билеты, которые, конечно, любопытны, но заменить методику вряд ли способны.

А то, что иной раз выпускают общество книголюбителей и центральные библиотеки, во-первых, целенаправленно к нам в редакцию не попадает, а во-вторых, при ознакомлении (которое все равно когда-нибудь да случается) вызывает у нас, да и не только у нас, чересчур негативные эмоции, чтобы еще и распространять эти образчики некомпетентно-бюрократического творчества. Поверьте, выбрано не самое сильное выражение: время лечит и обиды, и раздражение, и досаду. А без них — можно ли читать такие, скажем, це-у из стольного града Москвы: деятельность КЛФ должна быть обращена внутрь клуба, а ни в коем случае не вовне!.. библиографией фантастики можно заниматься лишь под руководством специалиста-библиографа!.. обсуждению в КЛФ подлежат лишь отрецензированные центральной прессой книги центральных же издательств!.. самостоятельное творчество членов КЛФ должно сводиться к выпуску стенгазеты!.. обсуждать собственные литературные опыты в КЛФ можно лишь в присутствии профессионалов: критиков, писателей, на худой конец — журналистов! Мы здесь вольно процитировали инструктивные материалы из журналов

Север Гансовский в окружении южан

«Клуб и художественная самодеятельность» и «Библиотекарь» да брошюру с претенциозным названием «Твой друг — фантастика», распространяемую года полтора назад Всероссийским обществом книголюбителей...

В последние год-два, предшествовавшие апрельскому (1985 года) Пленуму ЦК КПСС, кто-то усмотрел в клубах любителей фантастики, ни много ни мало, рьяных проводников тлетворной буржуазной идеологии... Предположения абсурднее просто быть не может, но — определенные меры были приняты, по всей стране в клубах пошла проверка за проверкой (в одном из КЛФ — 16 проверок за полтора года, поверите ли?!), работа клубов была привычно заформализована (читай: засушена, сведена к отчетному бумаготворчеству), не оттого ли и сникли надолго многие сильные прежде КЛФ?

Но КЛФ оказались жизнестойкими — не потому ли, что вовсе не сиюминутно-эфемерное это явление, что потребность в них (и не на год, не на два: надолго!) продиктована самой жизнью? Сегодня мы уже не пугаемся неформальных объединений по интересам — напротив, с великой энергией создаем их, нередко даже на пустом месте... Пора, очевидно, и за клубами любителей фантастики признать право на самостоятельность в поисках своего пути. Да, в отличие, скажем, от легализованных ныне «металлистов» или «брейкеров», здесь, в КЛФ, не уповают на первородную истинность ощущений, здесь — думают, мыслят! Во всяком случае, учатся этому, ибо всерьез относиться к фантастике и не задумываться о будущем — нашего общества, всей планеты — невозможно: нонсенс! Не случайно самодеятельные семинары КЛФ и до провозглашения Рейганом политики «звездных войн» проходили, как правило, под одним девизом: «Фантастика — за мир и прогресс»...

24—26 апреля нам и нашим гостям катастрофически не хватало времени. Оно и понятно: трудно совместить праздник с деловым совещанием. Посланцы КЛФ успели таки побывать в редакции, посмотреть музей «Уральского следопыта», встретиться и пообщаться неформально с В. Крапивиным, С. Другалем.

Но, и упустив многое из-за цейтнота, наши гости, хочется в это верить, получили и увезли с собою главное, за чем ехали: радость от встреч и общения.

Атаман Алена Арзамасская

Алексей ИВАНОВ

«И декабря, государь, в 4 день не дошел до Темникова за 2 версты, встретили нас, холопов твоих, города Темникова протоппи, приходских церквей священники, дьяконы и темниковских чинов люди, привели к нам, холопам твоим, Темниковского уезду попа Савву да с ним разных деревень крестьян 18 чел., которые с ворами были вместе против твоих, великого государя, ратных людей, на боях бились и бунты заводили, и дома грабили... Да привели вора и еретика старицу, да принесли с нею воровские заговорные письма и коренья. Старица в распросе и с пытки сказала — Аленюю зовут, родиною-де, государь, она города Арзамаса, Выездной слободы, крестьянская дочь и была замужем той слободы за крестьянином и как-де муж ее умер, и она постриглась. Призналась, что ходила на воровство и людей забирала с собою... и стояла в Темникове на воеводском дворе с атаманом Федькою Сидоровым. И мы, холопы твои, того притворного попа и крестьян велели казнить смертью, повесить около Темникова, а старицу, ее воровские письма и коренья сжечь в струбе», — доносил царю Алексею Михайловичу воевода Юрий Долгорукий.

Шла тогда Крестьянская война (1667—1671 гг.) под предводительством Степана Разина. Старица Алена, о которой говорилось в послании царю, была одним из талантливых крестьянских вожаков. Она командовала крупнейшим отрядом. Семь тысяч мужиков беспрекословно выполняли волю своего боевого атамана. Алене не было и 30, когда она возглавила отряд.

...Выездная слобода, что под городом Арзамасом, была основана казаками во время похода

Ивана Грозного на Казань (1552 г.). Позднее она принадлежала боярину Салтыкову.

Свободолюбивый дух предков — вольных казаков — не давал крепостным безропотно гнуть спину на боярина. Так и не смирились они до конца со своей долею.

Вот в этой-то слободе и родилась Алена. Мать и отец — крепостные — конюх Иван и скотница Дарья. Крестили ее в местной мордовской церкви и имя дали подходящее, словно предвидели ее судьбу, — Алена (в переводе на мордовский — факел).

В поместье Салтыкова разводили лошадей для армии. Алена, подрастая, целыми днями пропадала вместе с отцом на конюшне, научилась ездить верхом, метко стрелять из лука, не хуже любого мальчишки.

Салтыков — старый кавалерист — гордился своими скакунами и наездниками, особенно Аленкой-атаманом, так все называли его любимицу.

Надумал Салтыков выдать Алену замуж за своего писаря Алексея. Может, думал, остепенится девка, не будет напоминать о вольной. Правда, больной был жених-то: чахотка съедала. Но добрый и грамоту знал... Слово барина — закон. Сыграли свадьбу.

Дружно жили молодые. Алексей научил Алену читать и писать. И дивился, и радовался ее успехам: в монастыре он обучался этому три года, ей же хватило одного.

Прошло два года и... Алена овдовела. После смерти мужа ушла она в монастырь Алексеевской женской общины. Алену определили послушницей к пожилой монашке — матери Орине — собирать и изучать лекарственные травы. Со временем она должна

Рисунок Сергея Иванова

была стать лекаркой. И тут Алена оказалась способной ученицей. Через год уже сама лечила прихожан. И лечила хорошо, будто всю жизнь только этим и занималась. Но среди ее больных не было бедняков: крепостным нечем было платить за лечение монастырю.

...Пришло тревожное лето 1670 года. В Арзамас дошли слухи о восставших казаках и крестьянах на Дону и в низовьях Волги. Все, кто с ужасом, а кто с надеждой, ожидали прихода войска Степана Разина.

Знали об этом и в монастыре. Поэтому не очень-то удивилась Алена, когда однажды, собирая в лесу травы, встретила незнакомого вооруженного конника. Долго изучающе смотрели друг на друга. Незнакомец интуитивно почувствовал внутреннюю силу этой женщины в черной монашеской одежде. Поверил ей.

— Слушай, сестра, — сказал он. — Если я тебе дам написан-

ный лист, кто тебе его будет читать?

— Я, — твердо ответила Алена.

Придя в келью, она тайком несколько раз перечитала обращение Разина к народу... Встречи с лесными людьми продолжались. Алена носила им еду, слушала рассказы о их нелегкой жизни. Эти люди, с их бедами и надеждами, были близки Алене. И она решила остаться с ними...

В лесах много скрывалось и местных беглых — знакомых Алене. Из них она организовала отряд. Вначале в нем было около 300 человек. Нападали они на богатые поместья. После их разгрома Алена собирала крестьян на площади, читала обращение к ним Разина, уничтожала все долговые расписки и объявляла всех вольными. А после суд народа выносил приговор: за жестокость и бесчеловечное обращение с крепостными помещика и старосту предать смерти. И здесь же, на площади, приговор приводили в исполнение.

В отряд вливались все новые и новые силы. По соседству сражались казаки, возглавляемые опытным атаманом Федором Сидоровым. С тех времен и до сих пор живут здесь названия: Федоровский овраг, Боевое...

...После победы у Боевого Алена со своим отрядом продвигалась к городу Темникову. Помещики с семьями бежали из него под защиту в Арзамас. Арзамасский воевода Леонтий Шайсулов писал царю: «...В нынешнем, государь, сентябре стольники, стряпчие, дворяне и дети боярские... прибежали, государь, в Арзамас к нам в осаду, их именья и дома воровские люди разоряют и пожигают, а их всех убивают. Государь, воры, мордва, черемисы и другие идут к Арзамасу близко».

В Темникове, куда вошла Алена без боя, были литейный заводик и кузни. Повстанцы отлили здесь себе пушки. Кузнецы без отдыха ковали шашки, пики, кинжалы...

Царь приказал организовать в Арзамасе главный штаб по борьбе с разинцами. Послал туда Юрия Долгорукого с войском. Но не так-то просто было справиться

с восставшим народом. Разинцы перекрыли все дороги, нападали внезапно.

Алена отправила в Москву попа Пимена, который перешел к ней в отряд, — узнать, много ли у царя войска и каково настроение народа. Пимен разузнал, что ратных людей в Москве немного, народ ждет Степана Тимофеевича. А царь его боится: выехал из Москвы в Коломное.

После этого Алена направляет своих лазутчиков к Разину. Советует ему не задерживаться у Симбирска, перейти Волгу, уничтожить флот и через реку Муром идти на Москву. «Москва всех городов стóбит. Мы в здешних лесах и болотах поколотим царские войска».

К началу декабря 1670 года крупным разинским центром Прио́чья оставался город Темников. Долгорукий повел туда свои войска — рейторки. Бой начался утром и продолжался до обеда. Долгорукий вынужден был отступить.

Войска Алены одержали очередную победу, но у них не было сил преследовать своих врагов. Алена с охраной искакала в город. Неожиданно их окружил отряд заговорщиков...

На окраине Темникова был построен специальный сруб для сожжения Алены. Перед смертью она по русскому обычаю осенила крестом лоб и грудь, отстранила руку палача, который должен был толкнуть ее в костер, и спокойно вошла в пламя. Она была готова и к такому концу. Если не свобода, то лучше смерть.

Тлагильский малахит

Марлис РАФИКОВ

1867 год. Париж. Всемирная выставка на Марсовом поле. Сюда горнозаводской Урал представил свыше шестидесяти экспонатов. Среди них особо уникален малахитовый монолит из Нижнего Тагила.

Петербургский «Горный журнал» писал:

«Он отправлен был между прочими произведениями из завода собственно только с такой целью, чтобы люди, которым вполне знакомо горное дело, могли оценить значительность образования подобного рода монолитов и извлечь из этого явления, если возможно, что-либо полезное для науки». Этот кусок малахита «...есть самый большой из добытых от той сплошной массы в 15 000 пудов (около 250 тонн), которая встречена была в Рудянском медном руднике, на глубине между 36 и 40 саженями».

Кстати, в музее Нижнего Тагила до сих пор хранятся два внушительных куска малахита весом 300 и 500 килограммов, как утверждают надписи к ним, «от той сплошной массы».

Что же это за «сплошная масса»? Снова обратимся к «Горному журналу»:

«В июне 1835 года на 36 саженей глубине, в новооткрытых ортах так называемой Надежной шахты, обретен малахит, плотностью своею и цветом могущий удивлять всякого знатока, как можно видеть из доставленных сюда (в Петербург.— М. Р.) нескольких пудов для собственного употребления г.г. Демидовых; но того еще важнее, в том же самом месте открыта огромная масса малахита, длиной в 7,5 аршина (5,32 м), шириной в 3 аршина (2,13 м) и средней вышины до 1,5 аршина (1,06 м), что можно полагать весом до 1500 пудов (около 25 тонн) — вещь еще неслыханная, ибо хранящийся в Му-

зеуме Горного института штуч малахита весит только 96 пудов (свыше 1,5 тонны). Новообретенная масса не совсем еще отделена и продолжается в глубину».

Малахит был найден в Меднорудянском месторождении, в «700 саженях от плотины Нижнетагильского завода» в 1722 году. В течение полувека оно давало сырье Выйскому заводу для выплавки меди. Случайно обнаруженные прожилки медной зелени снова вернули его к жизни. Десять шахт ютились здесь на крохотном участке. Они давали в среднем 1,5 миллиона пудов руды в год. А из 100 пудов сырья выплавляли 6 пудов меди.

Попадался ли малахит в Меднорудянском месторождении до 1835 года? Ответ на этот вопрос опять же находим в «Горном журнале»:

«...судя по богатству рудных пластов, всегда можно было ожидать малахита; однако почти в течение 20 лет разработки оно не оказалось. В 1831 году найдено было гнездо малахита, только лучистого, цветом довольно темного и хотя удобного для распиловки на украшение вещей, но не столь приятного для глаза, как малахит известного Гумешевского рудника... С тех пор, и особенно в 1833 году, попадались еще небольшие гнезда малахита, так же не совсем удовлетворительного качества».

Значит, находка 1835 года была уникальной. И не только для Нижнего Тагила. До этого на Урале крупный малахитовый монолит весом 3,5 тонны был найден в Гумешках (под Екатеринбургом). Он считался самым большим в мире. И вот спустя 47 лет обнаружили новый феноменальный кусок зеленого камня.

В 1846 году «Горный журнал» снова уделил ему внимание:

«Обнажая эту массу далее, дошли наконец до 40 сажен (85,20 м) глубины, где длина малахита увеличилась еще 5 саженями 2 аршинами, ширина уменьшилась в половину, а высота или толщина его скрыта еще во внутренности земли, хотя под всю эту исполинскую массу ниже ее горизонта нарочно проводится особенный штрек. Та-

ким образом, крупнейший в целом свете малахит имеет в настоящее время длину 8 сажен (17,04 м), ширину в сложности 2,5 аршина (1,77 м), толщина же неизвестна, а приняв последнюю примерно в 5 аршин (3,55 м), выходит, что вся глыба малахита содержит в себе 270 кубических аршин (более 190 куб. метров)... будет весить 21 888 пудов (более 358 тонн)».

Работа по отделению монолита от породы велась кропотливо. Предлагалось полностью его обнажить и оставить в штреке шахты. Был бы своего рода подземный музей.

Но этот план не осуществился. Монолит вынули из шахты частями. В те далекие годы не было мощного подъемного механизма.

Крупная добыча зелен-камня на Урале положила начало «малахитовой эпохе» — 30—40-е годы прошлого столетия. «Малахит в монументальных декоративных изделиях становится... эмблемой русских богатств, вызывая зависть и изумление Европы», — писал о той поре академик А. Е. Ферсман.

В 1851 году на Первой Всемирной выставке в Лондоне ошеломляющее впечатление на посетителей произвели огромные парадные двери (34,40 м×2,14 м), изготовленные из малахита. В «Обзрении Лондонской Всемирной выставки» писалось: «Переход от брошки, которую украшает малахит как драгоценный камень, к колоссальным дверям казался непостижимым: отказывались поверить, что эти двери были сделаны из того же материала, который привыкли считать драгоценностью».

Столицу Англии А. Н. Демидов удивил не только этим. На выставку он послал целый малахитовый кабинет. В нем было более восьмидесяти оригинальных предметов.

«Зеленое золото» приносило огромный доход нижнетагильским заводчикам. Только за продажу его для украшения Исаакиевского собора было получено 220 000 рублей. А сколько хранится изумительных изделий из того же малахита до сих пор в Эрмитаже! Одно из них — почти двухметро-

вая ваза — чудесное творение мастеров-камнерезов. Она будто вырезана из цельного камня, настолько умело составлен рисунок.

Из мелких кусочков малахита изготавливали яркую краску. В Екатеринбурге и Нижнем Тагиле ею красили крыши особняков.

Изделия из малахита собираются из пластин толщиной 5 мм. Они наклеиваются на металлическую или каменную основу. Особо сложно подобрать рисунок, чтобы придать вид цельности камня. Этот способ изготовления изделий из малахита называется «русской мозаикой».

Хлопот мастерам по малахиту хватало. Помните у П. П. Бажова: «Кругом в этом деле худо. Присадочный вар готовить — пыли не продохнешь, щебенку колотить — глаз береги, а олово крепкой водкой на полер разводите — парами задушит».

Со временем на Урале месторождения малахита истощились. Но искусство малахитчиков не забылось.

Андрей Николаевич Оберюхтин на свердловском заводе «Русские самоцветы» был последним из старых мастеров по малахиту. Его талант высоко ценил П. П. Бажов. Остались у него на заводе наследники — молодые талантливые мастера-камнерезы.

Сейчас можно получить малахит искусственным способом. Но хочется верить, что тагильская земля подарит еще не одну тонну прекрасного камня, который потомки Данилы-мастера превратят в замечательные изделия.

Рабочие театры

Алла КОСТЕРИНА

Народный театр возник задолго до появления профессионального театра. В разные времена он принимал различные формы — то смыкаясь с календарными и обрядовыми играми, то копируя формы профессионального театра. Но всегда был желанным — и в городе, и в деревне.

В селе Ильинском (бывшей Пермской губернии), например, народный театр возник еще в начале прошлого века как театр крепостной интеллигенции. После отмены крепостного права он перерос в любительский. Деятельность его не прерывалась в дореволюционные годы. Работал театр и после Октября.

В начале нашего столетия в Екатеринбурге действовало три рабочих любительских театра.

Сохранилась фотография восьмидесятилетней давности, на которой запечатлены участники драмкружка рабочих и служащих «Монетки», так в старину называли железнодорожные мастерские, располагавшиеся на территории бывшего Монетного двора.

Сберегла фотографию и оставила краткие воспоминания о кружке Милитина Николаевна Абрамова-Тетерина, в те годы двенадцатилетняя школьница. Она ходила на репетиции и спектакли вместе со своим старшим братом и его женой, активными участниками кружка. Доводилось ей и самой участвовать в спектаклях в ролях детей.

Милитина Николаевна вспоминает, что кружок ее брат посещал в 1905—1912 гг., но театр действовал и ранее. Руководил коллективом техник Василий Полянин, он же был артистом и суфлером. Ставились спектакли в помещении столовой мастерских, где рабочие устроили сцену и создали запас декораций разных эпох. В зрительном зале помещалось до 300 человек, и он всегда был полон. Выпускались афиши и про-

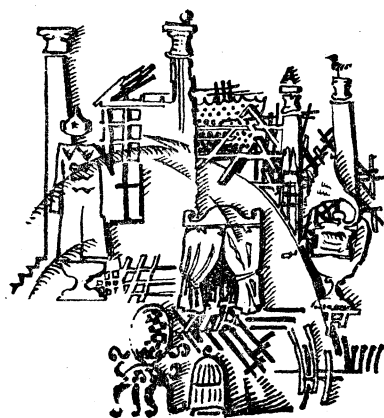
граммы. Большинство спектаклей шло бесплатно, но иногда продавались билеты — деньги нужны были на декорации, реквизит, освещение...

Другим любительским театральным очагом рабочих Екатеринбург был театр на Плешивой горе. Он действовал в 1906—1911 гг. под опекой уездного общества трезвости. Для зрительного зала удалось приспособить помещение бывшей обойной фабрики. Здесь, кроме партера со скамейками вместо кресел, имелась еще и галерка.

В труппу театра входило обычно около 20 человек; почти все — рабочие. Руководил коллективом бывший профессиональный актер Сергей Михайлович Смыков, деятельное участие принимал Алексей Горбунов — он был декоратором, суфлером, гримером. Репертуар театра состоял в основном из пьес Островского.

Успехи театра на Плешивой горе отмечала местная газета, отзываясь почти на каждую постановку доброжелательной рецензией: «Пьесы Островского прошли дружно», «Театр был переполнен публикой из рабочего класса», «Этот театр более чем Верх-Исетский (где играла профессиональная труппа. — А. К.) имеет право именоваться «Народным домом», потому что тут «народ» и играет, «народ» и смотрит».

Был в Екатеринбурге и третий рабочий театр — при переплетной мастерской Кругляшова на Тимофеевской набережной. Но о нем сведений почти не сохранилось.

Покорители огня

Стефан ЗАХАРОВ

В Свердловске в 20-х годах я жил неподалеку от 2-й пожарной части. И мне не раз приходилось наблюдать, как во время тревоги из распахнутых ворот депо вылетал, звеня бубенцами, конный обоз, а позднее — красные автомашины-линейки. Несмолкаемо бил колокол на каланче.

Сейчас на этом месте областное управление пожарной охраны. Здание реконструировано, надстроено. В те годы оно было проще.

По стародавней традиции в части при конюшне жил огромный старый козел Ванька. В конюшню он приходил только ночевать. А с раннего утра только то и делал, что шатался по улицам. Особенно Ванька любил бывать на Хлебном рынке (сейчас там — парк-дендрарий). Обшарпанный, весь в репьях, отирался он у торговцев, летом нахально выпрашивал различную зелень, а зимой пристраивался к возам с сеном и аппетитно похрустывал. Если кто-то осмеливался его отогнать, он тут же выставлял острые рога.

Козлов раньше держали при каждой части. Считалось, что козлиный запах отбивает у ласок, хорьков и крыс охоту проникать к лошадям и нарушать их покой. К концу двадцатых годов лошадей в пожарных частях начали заменять новые красные автомобили. И козел из конюшни исчез.

У пожарных наших дней появились надежные помощники: современные средства тушения, специальные противогазы, раздвижные лестницы... Да всего и не перечислишь. Но у них осталось главное: готовность в любую секунду броситься навстречу огню, на помощь людям.

Многие годы собирал я материалы об истории пожарного дела. И мне бы хотелось познакомить читателей с некоторыми из них.

До 1857 года пожары в Екатеринбурге (Свердловске) тушили гарнизонные солдаты. После, «по высочайшему повелению», в 341 российском городе, а их в ту пору было 437, организовали профессиональные пожарные дружины. В том числе и в Екатеринбурге. Но городская дума не очень-то раскошелилась на это дело. И по-прежнему екатеринбуржцы преграждали путь «красному петуху» в первую очередь иконами и молебнами.

Но всегда находятся люди, неравнодушные к судьбе своего города. Служащий городской управы Г. К. Лемке добился-таки в 1879 году организации Вольного пожарного общества. Одним из активных членов этого общества был слесарь Верх-Исетского завода С. А. Сняев. В 1918 году он геройски погиб в боях с бело-гвардейцами. Сейчас одна из улиц Свердловска носит его имя.

В обществе было четыре отряда: лестничный, водоснабжения, трубный (насосный) и охранный. Помощь пожарным они оказывали большую. Водопровода в Екатеринбурге не было. Возили воду бочками. Помогали тушить пожары и горожане. Общество платило им за каждую бочку шесть копеек, наиболее активных награждали.

Использовали на пожарах «паровую машину со шлангами». Когда тройка лошадей мчала ее на пожар, машинист, пристроившись на задней ступеньке, вовсю шуровал топку.

Пожарная каланча с колоколом была самым высоким зданием в городе. Специальные дежурные — каланчевые — круглые сутки наблюдали, не появится ли где дымок. Через каждые шестьдесят минут «отбивали часы». И если замечали дым, били в колокол и поднимали сигнальные черные шары или ночью — фонари. По ним жители узнавали, в каком районе горит (город был разделен пожарными на четыре района). Если пожар сильный, поднимали еще и красный флаг.

Первый пожарный автомобиль с насосом был сконструирован в Германии в 1892 году. В России же такая машина появилась в

1907 году. Ее приобрела московская пожарная часть на Пречистенке. Позднее автомобили-линейки, изготовленные на московском заводе «Густав Лист», появились и в других городах. Но было их немного. По всей России в ту пору, до 1917 года, чуть больше десяти.

В 1918 году В. И. Лениным был подписан декрет Совнаркома «Об организации государственных мер борьбы с огнем». Постепенно проходила реконструкция пожарного дела.

В Екатеринбурге взялись за нее после гражданской войны. Для замены конного обоза автомобильным требовались деньги, и немалые. В 1922 году по решению исполкома в городе провели мероприятия в пользу пожарного дела. В клубах организовывались спектакли, концерты. Устраивались лотереи в кинотеатре Лоранж («Совкино») перед началом сеансов, в Доме союзов. Можно было выиграть мешок муки, дрова (с доставкой на дом), живого поросенка, самовар и многое другое, что особенно было полезно в то трудное время.

По городу ездили украшенные специальными плакатами пожарные линейки. В каждой части лошади были подобраны одной масти: вороные, белые и серые в яблоках. Такая существовала традиция. На параде в честь сорок четвертой годовщины со дня образования в Екатеринбурге Вольного пожарного общества уже ехали первые пожарные автомашины.

Свердловск в то время был столицей Урала, центром огромной Уральской области. В городе начинали строить многоэтажные дома. Случись в таком доме пожар, без автоматической раздвижной лестницы не обойтись. И пожарные получили такую лестницу, купленную в Германии. В то время это был самый большой автомобиль в Свердловске.

Подвиги советских пожарных увековечены в скульптурах, мемориальных комплексах, в почтовых марках. К пятидесятилетию советской пожарной охраны Министерство связи выпустило специальный конверт с рисунком по-

жарного, спасающего из огня ребенка. В Горьком около областного управления пожарной охраны находится скульптурная экспозиция «Подвиг пожарного». Мемориальный комплекс «Слава отважным!», посвященный пожарным, есть и в Челябинске.

Рисунки Владимира Ганзина

Стонет... курган

Мы — педагоги и школьники из казахского поселка Мерке — часто слышали рассказы земляков о том, что от одного из курганов доносятся странные звуки — «вздохи и мольбы окаменелых воинов». Что же вы думаете, и мы их тоже услышали, эти «вздохи».

Разбив палатку вблизи кургана, стали дежурить у больших камней. Когда шум автомобилей утих, мы услышали как бы голоса. Говорят камни? Честное слово, стало не по себе...

Набежали тучи, пошел ливень, и дождь лил несколько суток. Подумывали уже свернуть палатку... Но дожди кончились. Мы продолжали «прослушивание» загадочного места. Самым голосистым оказался первый от кургана камень. Отчего бы это? Значит источник звука — сам курган? Известно, что под такими курганами тянутся огромные ямы, перекрытые догравечными арочными бревнами. Может, звуки идут оттуда?

Но почему курган зазвучал еще громче после дождя? Взобравшись на вершину, мы увидели там, в глубокой воронке, целое озеро. И родилась у нас такая гипотеза... Перекрытие, не выдержав давления воды, оседает, и скрежет гравия и камней, треск древесины, слившись, образуют таинственные звуки — «вздохи и мольбы окаменелых воинов».

А. ПЕЧЕРСКИЙ

ФЕНОМЕН Тунгусского метеорита

Алексей ОДИНЦОВ

Наука начинается с высказывания правдоподобных предположений — гипотез. В самом названии грандиозного и красочного феномена 1908 года закрепилась одна из таких гипотез.

Предположение о падении гигантского кратерообразующего метеорита помогло проложить первые тропы познания. Трудоемкий «нулевой цикл» в построении науки об этом уникальном явлении был пройден Л. А. Куликом — организатором первых четырех экспедиций в район небывалой катастрофы, связанной с вторжением космического тела.

В случае с Тунгусским феноменом наука столкнулась с нетипичной ситуацией: по мере накопления и осмысления фактического материала объем и потенциал неизвестного не уменьшался, а быстро рос. Загадка громоздилась на загадку, вопрос возникал за вопросом. Возросло и число сценариев, по которым, как полагали их авторы, разворачивались события на Тунгуске в 1908 году.

Эволюция научного познания о Тунгусском метеорите началась с высказывания и обоснования традиционных кометно-болидных представлений. Крупный советский специалист по метеорной астрономии профессор И. С. Астапович и известный английский астроном Ф. Уиппл, проанализировав записи барографов и показания очевидцев, предложили считать взрыв в сибирской тайге результатом столкновения Земли с ледяным ядром небольшой кометы.

В 60-х годах в прессе и научно-популярной литературе разгорелась полемика между астрономами и популяризаторами науки. Последние высказали мысль, что взрыв 30 июня 1908 года произошел в воздухе, что это был ядерный взрыв и что взорвался не ледяной метеорит, а инопланетный космический корабль.

И сегодня не утихают споры вокруг Тунгусского метеорита, появляются новые гипотезы. Одна из них была выдвинута кандидатами физико-математических наук из Новосибирска А. Н. Дмитриевым и В. К. Журавлевым. После анализа экспедиционных результатов, обработки различных данных и сообщений очевидцев, проводившейся с помощью компьютеров, новосибирские ученые получили дополнительные аргументы в пользу неожиданного вывода:

Тунгусский метеорит не был ядром кометы, что следует из самой распространенной на сегодняшний день гипотезы, он относится к новому классу космических тел — солнечным плазмоидам.

Кроме комет и метеоритов в околосолнечном пространстве существуют метастабильные тела, состоящие из плазмы, выброшенной Солнцем. Это не аморфные облака, а структуры, стабилизированные магнитным полем. Такие объекты физики и называют плазмоидами.

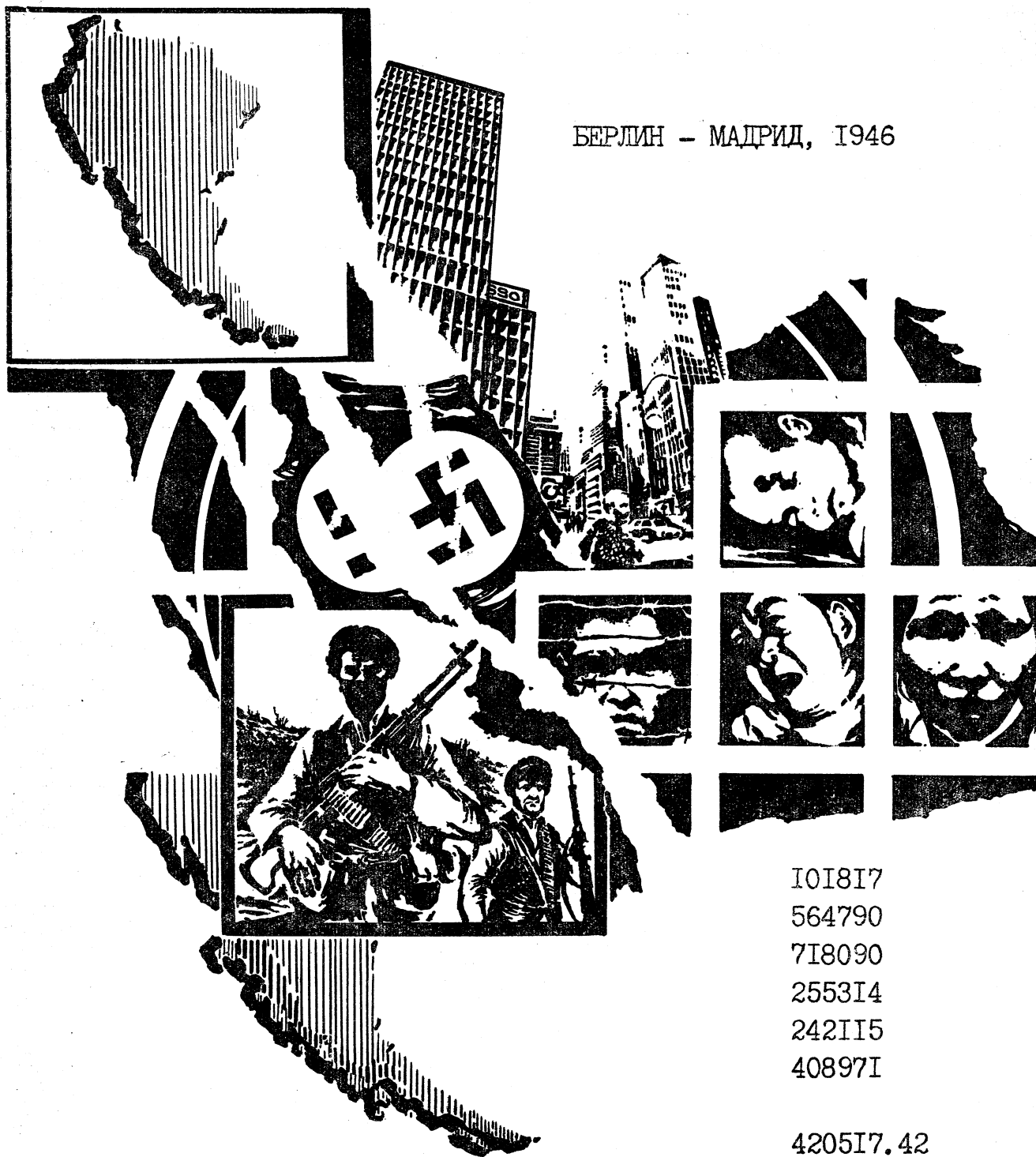
А. Н. Дмитриев и В. К. Журавлев считают, что могут существовать плазменные тела с размерами, промежуточными между известными гигантскими плазмоидами и маленькими шаровыми молниями, которые также, вероятно, являются плазмоидами. Однако плотность этих новых метастабильных тел значительно выше, чем плотность недавно открытых коронарных транзиентов. Попадая в магнитосферу Земли с небольшими скоростями, такие плазменные тела могли бы наведываться в районы геомагнитных аномалий. А район тунгусской катастрофы как раз и является частью обширной Восточно-Сибирской магнитной аномалии планетного масштаба.

Современная космическая электродинамика считает, что плазменно-магнитные объекты, существующие в космической среде, могут быть только метастабильными. Рано или поздно они разрушаются. Проникновение такой неустойчивой структуры в плотные слои атмосферы Земли, которая является для плазмоида чуждой, враждебной, ускоряет его гибель.

Разреженная плазма сжимается, тело плазмоида деформируется, возникшая неустойчивость ведет к рекомбинации водородной плазмы. Отдельные вспышки рекомбинации, сопровождающейся рентгеновским и ультрафиолетовым излучением, сливаются наконец в бурную взрывную реакцию. Протоны и электроны объединяются в атомы водорода, который в кислородной среде мгновенно окисляется. Продуктами являются вода, окислы углерода, которого довольно много в солнечной плазме, молекулы водорода и инертные атомы гелия. Трудно представить более чистый взрыв, не оставляющий следов на поверхности Земли в виде каких-либо химических продуктов...

Предложенная модель Тунгусского космического тела не является бесспорной, но все же Дмитриеву и Журавлеву с ее помощью удалось объяснить многое из того, что с точки зрения кометной гипотезы было лишним и неудобным. Например, региональную магнитную бурю, последовавшую вслед за взрывом, нарушение структуры палеомагнитного поля в районе действия ударной волны, мутационные изменения растительности на Тунгуске, опико-атмосферные аномалии, наблюдавшиеся в течение нескольких дней над Евразией.

Стоит сказать и еще об одном эффекте новой гипотезы — широком отклике в научной среде. Многие ученые считают, что плазмодная версия — это самая интересная, самая плодотворная гипотеза в смысле дальнейшего изучения события 1908 года. «Новым шагом на пути познания природы Тунгусского феномена» назвал ее один из ведущих специалистов в данном вопросе, заместитель председателя комиссии по метеоритам и космической пыли Сибирского отделения Академии наук СССР академик Н. В. Васильев.

БЕРЛИН — МАДРИД, 1946

101817

564790

718090

255314

242115

408971

420517.42

Был ли Семенов Штирлицем?

Рисунки
Сергея Григорьевича

«НЕТ,— говорит Юлиан Семенов.— Никогда, ни дня я не был разведчиком. Некоторое время удалось побыть практикантом-стажером в Московском уголовном розыске, но это был случайный эпизод в моей биографии...»

«ДА»,— скажем мы, потому что, когда писатель пишет о своем герое и любит его, он попадает в те же ситуации и заставляет его действовать так же, как действовал бы сам...»

По просьбе «Уральского следопыта» ленинградский журналист Виталий НЕСТЕРЕНКО взял интервью у писателя Юлиана Семеновича Семенова.

...Набираю три цифры обычного для московских, и не только московских домов, кнопочного замка. Открылась дверь. Затем — уже без всякого шифра — другая дверь. Ожидал я, что шагнет мне навстречу некто крупноскроенный — таким представлял себе Юлиана Семенова, оказавшегося сейчас на расстоянии рукопожатия. А он вовсе не великан, хотя пожатие руки крепкое, какое-то властное.

«Ну, может, часок выкрою»,— предупредил заранее Юлиан Семенович, когда мы договаривались по телефону. Не я был виновен в том, что разговор вышел больше спланированного. Телефон звонил, раза три к нам в кабинет заглядывала Дуня — двадцатипятилетняя дочь Семенова, художница, а диск моего магнитофона в долгой девяностоминутной кассете все крутился, крутился...

— Что вас, Юлиан Семенович, сейчас больше всего волнует?

— То, что и всех людей,— мир. Ради чего такие, как Штирлиц, в годы Великой Отечественной войны расследовали хитроумные головоломки Мюллера и прочих врагов? Та война шла во имя того, что мы делаем и нын-

че — во имя мира. Во имя этого, в конечном счете, воевали бойцы и видимого, и невидимого фронта.

— В вашей следующей книге «Экспансия» Штирлиц появляется в Южной Америке. Можно ли связывать это с тем, что много лет назад вы, как корреспондент «Литературной газеты», часто бывали в южноамериканских командировках?

— В Южной Америке я и сейчас бываю, не только по журналистским, писательским делам, но и по долгу своей общественной работы — как вице-президент общества «СССР — Аргентина». Только что вышла новая книга, в ней — большинство южноамериканского материала. Озаглавлена она соответственно вашему вопросу: «Отчет по командировкам»*.

...Позже я увлеченно вчитывался в эту книгу, пока малоизвестную читателям. История фашизма, самого кровавого нашего врага, недобитого, увы, даже после победного мая сорок пятого... Фашисты готовились к «глухой защите». В предчувствии неминуемой кончины гитлеровская верхушка позаботилась о продлении жизни фашизма. К маю 1945-го нацисты заранее организовали 233 компании в Чили, Уругвае, Боливии и Эквадоре. 98 — в Аргентине, 200 компаний — в других испаноязычных странах. Даже в нейтральной Швейцарии, не сделавшей ни одного выстрела ни в первую, ни во вторую мировую войну, к 1945 году были 214 созданных нацистами фирм и корпораций.

Исключительно «спасательное» тайное общество было создано для скрытной переброски в нейтральные страны, особенно в южноамериканские, улизнувших от расплаты эсэсовцев. Их передавали по отлаженной, тщательно законспирированной цепочке, выводя из-под карающей руки победителей, из поверженной, уже

* Лениздат, 1986 г.

Нельзя ли узнать подробности послевоенной жизни разведчика Максима Исаева, героя кинофильма «Семнадцать мгновений весны»? С какого он года рождения? Когда вернулся на родину? Жив ли сейчас?

Есть люди, которые утверждают, что это вымышленный герой. Так ли это? Если нет — нельзя ли дать его фотографию?

Семья Горевых,
пос. Полдневица,
Костромской области.

подписавшей капитуляцию Германии. Таким образом сразу после войны в Аргентине, например, оказалось 450 тысяч фашистов, из них 85 тысяч — члены нацистской партии, самая элита гитлеровской Германии. Семенов считает, что там, среди спасенных, были и Мюллер (подлинный, а не известный всем по «Семнадцати мгновениям весны»), и Борман, и ас диверсионно-разведывательной службы Скорцени.

— Много ли просьб, писем, заказов от читателей продолжить историю Штирлица?

— Много. Особенно много писем от ребят. Есть и взрослые «заказчики», в их числе, например, Жорж Сименон. Но дело даже не только в просьбах и интересе. Сложность обстановки в мире заставила меня продолжить историю героя «Семнадцати мгновений». Если говорить о серии романов «Экспансия» (два вышли, третий том на подходе) — толчок к ее созданию дала поездка в Чили. Там, в Пунта-Аренас, в 1972 году я пробовал выйти на некоего Вальтера Рауфа, который придумал и внедрил в производство ужасающие машины, вошедшие в историю злодеяний фашистов как душегубки. Буквально через два часа после переворота и свержения правительства Альенде глава чилийской хунты Пиночет назначил Рауфа, «отца» душегубок, начальником отдела борьбы с коммунизмом в охранке хунты. Свой своего увидел издалека... Какая преемственность фашистского режима! Со Скорцени

я встречался в Мадриде... Узнал кое-что об известном в рейхе летчике Руделе — он после войны безбедно жил в Аргентине и работал в авиационно-исследовательском институте в Кордове. А начальником у него был другой гитлеровец, штандартенфюрер СС Танк, крупный технический спец...

Читатели «Уральского следопыта» тоже читают газеты и смотрят телевизор и знают наверняка, кто помогал и помогает недобиткам, преступникам, улизнувшим от Нюрнбергского и других трибуналов, кто нынче пестует так называемый неофашизм. В первой части «Экспансии» приводится неоспоримый документ о секретном совещании главарей военной разведки США и руководства американской организации секретных служб. Совещание это состоялось в Пентагоне, в июне 1945 года, когда еще были совсем свежими надписи советских солдат-победителей на стенах и колоннах поверженного рейхстага. Американцы тогда «советовались» с начальником управления «Армии Востока» генерал-лейтенантом вермахта Геленом... Этот Гелен потом руководил шпионскими центрами в Западной Европе, продолжая ту же, профашистскую линию во вред делу мира. Или взять такой факт. Первые фашистские ракеты ФАУ в конце войны обстреливали Лондон. Создатель ФАУ с 1945 года жил-поживал в шикарном персональном коттедже в США и продолжал создавать ракеты, теперь уже для американцев...

...Все бы хорошо, но телефон звонит беспрестанно, оставляя «прочерки» в моей звукозаписи, прерывающая беседу. Из «Правды» позвонили — нужна статья. В разговоре мельком упоминается отец Юлиана Семенова. Это был крупный советский работник, старый большевик, много сделавший для утверждения Советской власти, для укрепления обороноспособности страны. В верности ее идеалам он воспитал и сына.

А как сын стал писателем? Юлиан Семенов по образованию востоковед, изучал афганские языки. Тридцать лет назад он впервые опубликовал книгу, и была она написана для ребят — художественные пере-

воды сказок народов Афганистана.

Потом была командировка от «Огонька» с заданием написать о ткацком комбинате в Средней Азии. Ночевать его определили в общежитие, где остановились охотники, занятые отловом диких зверей для зоосадов. Нарушив «командировочную» дисциплину, Семенов ушел вместе со звероловами в горы на много дней. В редакции его ждал нагоняй. Но затем он издал повесть, что стало пробой уже не журналистского — писательского пера. Однако и по сей день не разделяет он в своих делах журналистику и писательство...

— Юлиан Семенович, вы расследуете факты тесных связей нацистов и неонацистов с американской верхушкой — это же риск. Получается, что вы — вроде как Штирлиц?..

— Вот этого не надо... Не надо писателю приписывать то, что присуще его герою. Мне на читательских встречах, в письмах задают один и тот же вопрос: был ли я сам когда-нибудь разведчиком? Никогда, ни дня в своей жизни не был. Некоторое время удалось побыть практикантом-стажером в Московском уголовном розыске, но это был случайный эпизод в моей биографии.

Ребятам будет интересен такой факт. Подростком я вскоре после победы оказался вместе с отцом в Берлине. Те острые мальчишечьи воспоминания сыграли немалую роль во время работы над «Семнадцатую мгновениями весны». Вот пишу, как Штирлиц идет, едет по Берлину — и ярко, как наяву, представляю Шпрее, чаек над водой... Берлинцы имеют привычку кормить чаек на набережных...

Слушаю Юлиана Семеновича, а мысли снова возвращаются к герою его книги, не знаю, как у кого, но моему самому любимому герою — Штирлицу. Буквально в дни, когда расшифровывалось с магнитофона это интервью, ехал я вечером по Невскому в троллейбусе. На задней площадке двое ребят лет по тринадцать, может и меньше, возбужденно обсуждали что-то. Из их разговора я понял, о ком речь:

«— ...На самолете, помнишь?

— Не «на», а «в» — это когда он летел в Южную Америку? А тот,

подосланный к нему специально — как его, Ригельт, — подсунил ему сновторное...

— Зря он заснул, надо было себя пересилить!

— Так он же не знал, что питье с какой-то гадостью, сильное, наверное... Он же нормальный человек?.. Проснулся, а паспорта нету!»

Речь шла о новых делах Штирлица, описываемых во второй части «Экспансии». Вернувшись с Невского, я достал журнал «Знамя», номер 9-й, и нашел то место, о котором толковали двое почитателей Штирлица — Штирлица уже послевоенных лет, который борется и с недобитым фашизмом, и с фашистом-наци, нынешним «братом» из чилийской хунты или душманской банды. Сколько же у этого литературного героя сегодняшних прототипов — им является каждый борец против неофашизма!

«Штирлиц заставил себя подняться в кресле. Ригельта рядом не было». (А дело — перед посадкой, где, как и в любой другой стране, авиапассажирам надо предъявлять паспорта). «Штирлиц полез в карман за паспортом... В левом кармане паспорта не было, хотя он был убежден, что положил его с билетом именно туда. Не оказалось паспорта и в правом кармане...»

Нет, не стоит пересказывать детектив, который вдруг еще кто-то не читал...

— Читателям всегда все надо вызнать. Откуда взялся Штирлиц? Был прототип в секретных документах?

— Про меня ходят разные толки: будто Юлиан Семенов имеет доступ к папкам с грифом «совершенно секретно», к самым неприкасаемым архивам... Я пользуюсь вполне доступными — вплоть до старшеклассников, пожелай они того, — источниками информации. Никаких полномочий залезать в секретные архивы у меня нет и не было никогда. Опыта в «секретной» работе тоже нет, как я уже сказал. Я просто покупаю в книжной лавке доступную всем, например, переписку глав трех государств, во время войны состоявших в союзе против Гитлера. Там и нахожу место из письма одного главы главе другого союзнического государства о людях, информировавших наше Верховное Главнокомандование. В любую городскую библиотеку

можно пойти и прочитать то, что я написал. Конечно, нигде нет упоминаний, что был такой советский разведчик Исаев. Его я «придумал», потому что были похожие люди, вспомните — Зорге, Абель... В архивах я, конечно, работаю, но и это не возбраняется никому.

— Но к документу надо еще что-то прикладывать, когда пишешь книгу?

— Вот вы наверняка сетуете, что «запоймали» меня не с первого и не со второго захода... Потому что, скажу честно, когда работаю — отключаю телефон, прячусь от всех и вся. Виновата... вот эта голая стена. На ней — чистой, белой — вдруг, бывает такая чертовщина, начинают показываться некие кадры... Видения. Все «перелопаченное» в голове, все сведения из архивов, встречи с друзьями-антифашистами и фашистами — все оживает на этой стене. Оживают герои, начинают разговаривать. Только успевай за их мыслями, разговорами, поступками — успевай записывать... Вот и вся техника. Осмотрите стену, убедитесь, что за ней не вмонтировано никакого кинопроектора, видеомага!..

...И Юлиан Семенович засмеялся, успев при этом бросить совершенно откровенный взгляд на часы.

Я поспешил исполнить журналистский «ритуал», спросить глубоко-мысленно и о творческих планах. Юлиан Семенович сначала хмыкнул, а потом привел слова пианиста Эмиля Гилельса; тот в подобных случаях разводил руками, убежденный в том, что «план» и «творчество» не очень вяжутся друг с другом. А я все равно не отставал:

— Про Афганистан напишете? Вы ведь знаете и страну, и язык, бываете там?

— Не знаю. Не отпускает «стена»... Вижу там пока обрывки: восставшую в сорок пятом году Прагу, подпольный горком... Набираю документы. Не знаю, когда и во что все это потом выльется. Надо работать. Надо всем работать — чтобы никогда войны не стряслось и чтобы подох на земле как можно скорее последний фашист. Я так хочу, мы так хотим — все добрые и честные люди на планете.

Первый паровоз России

Журнал «Уральский следопыт» уже писал о том, что в фондах Государственного архива Свердловской области были обнаружены документы, относящиеся к началу отечественного паровозостроения (см. очерк М. Рафикова «России на века», № 12, 1984 год). Папка из века минувшего «выдала» подлинный чертеж первого паровоза, созданного тагильскими крепостными механиками, отцом и сыном Е. А. и М. Е. Черепановыми. Эта бесценная находка меняет сложившееся представление о внешнем виде «пароходки», как тогда называли паровоз.

И вот — новая модель первого паровоза, сделанная по найденному в архиве чертежу, пополнила фонды Нижнетагильского историко-революционного музея. Это работа тагильчанина, рабочего шахты «Евстюнинская» Владимира Георгиевича Токарева. Он не только сам изготавливает различные модели, но прививает любовь к техническому творчеству ребятам, которые занимаются в организованном им кружке. Черепановское детище — не единственная «продукция», выданная Владимиром Георгиевичем. Есть еще уменьшенные копии паровоза, отремонтированного на первом коммунистическом субботнике в Москве в 1919 году, и последнего советского локомотива на паровой тяге.

М. МИХАЙЛОВ

Остров чудес

У Сахалина — три довольно крупных острова-спутника. Тюлений — у оконечности острова Терпения, на востоке. Уш — на севере, И Монерон — на юго-западе, в Татарском проливе. О первом написаны ученые труды и очерки; его население — морские котики и кайры не раз были

«героями» документальных фильмов. Второй не представляет большого интереса — он пустынен и гол. А вот Монерон заслуживает особого внимания...

Остров невелик: около шести километров в длину и трех в ширину. На этом крохотном клочке земли природа умудрилась собрать много любопытного. Дягиль, «медвежья дудка», здесь вымахивает в два человеческих роста, а деревья — карликовая рябина и каменная береза — прячутся в зарослях черники. Южные пришельцы — виноград и шелковица уживаются с изломанной, скрученной ветром ольхой.

Но, пожалуй, самое удивительное — воды, омывающие остров. Рай для аквалангистов! Часто бывают здесь любители подводного спорта из Москвы, Ленинграда и других городов. Вода прозрачна и тепла. Лагуны и подводные рифы покрыты богатой растительностью. Шелковистые водоросли, пронизанные солнцем, колышутся, повинуясь течению. Стайки мелкой рыбешки неподвижно стоят в этих плантациях и вдруг срываются, исчезая за зеленой стеной. Королевский краб бочком выполз из расщелины... Потянул за собой витую раковину рак-отшельник. Намертво обхватила морского ежа красно-синими лучами морская звезда. Трепанги — морские огурцы — как замшелые камни лежат на дне...

На Монероне расположился единственный в стране птичий базар, где обжились довольно редкие обитатели — шишконосые гагары.

Причудливы очертания Монерона, обрывисты берега, красивы небольшие островки и кекуры, таинственны сумрачные гроты...

Но остров и коварен. Здесь часты обвалы и оползни. А в ночь на 6 сентября 1971 года небольшой остров этот напомнил о своем существовании довольно чувствительными подземными толчками, отзвук которых услышал весь Сахалин.

К. ЛАУВА

ОПАЗДЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ

Нил ЧЕМЕЗОВ

Рисунки Марины Богуславской

Почту на Заречную улицу дед Савелий приносил в последнюю очередь, когда солнце уже в паузин. Увидев из окна высокую тощую фигуру в серой шляпе с помятыми краями, белой полотняной куртке и яловых сапогах, Ленька выбежал за калитку и метался перед домом в нетерпеливом ожидании.

— Нам письмо есть? — спрашивал он, с надеждой поглядывая на сумку почтальона.

Дед Савелий окидывал его снисходительным взглядом и отрицательно качал головой:

— Газетка есть, а писем нету. Пишут еще!..

Взяв ненужную ему «Сельскую жизнь», огорченный Ленька возвращался во двор и садился на нижнюю ступеньку высокого крыльца. Почему отец так долго не отвечает? Раньше хоть раз в два месяца писал!..

Облокотившись на голые, исцарапанные окусты и заборы колени, подперев ладонями веснушчатые щеки, он подолгу сидел, шмыгая носом, и думал об отце, о прошлой и теперешней жизни.

Все у них с матерью идет без толку, без пути. Все! Взять тот же двор! Разве так было раньше здесь? Вдоль заплота от самых ворот до Муськиной стайки стояла двойная поленница дров в сажень высотой. Отец запасал их еще в марте, по насту. Всем известно, что воскресные дрова самые жаркие. Приволокет на трелевочном тракторе два-три листовых и полдесятка березовых хлыстов и зовет косоглазого соседа Павла Никитича, чтобы тот разрезал их своей «Дружкой» на чурки. Сосед, первейший в поселке пьянчуга и шаромыга, соглашался охотно, но к делу всегда приступал по-своему. Одним узким и светлым глазом смотрит на хозяина, другим — на кухонный шкаф и, почесывая затылок, произносит неизменную фразу:

— Для почину выпить по чину!

Перевернув стаканчик-другой, он довольно крякал, выкуривал папиросу и, приняв озабоченно-деловой вид, решал:

— Что ж, с богом!

Пилить Павел Никитич большой мастер. Да и чего не пилить бензопилой! Воеет себе моторчиком и лезет в дерево, как лопата в сырой песок. Знай направляй! Не успеешь глазом моргнуть, а чурка уже покатила в сторону.

Когда Павел Никитич распилит хлысты, допьет приготовленную специально для него водку, водрузит на плечо пилу и, пошатываясь, уйдет домой, отец брался за колун. Невысокий, кряжистый, на кривых крепких ногах, он закатывал во двор чурку за чуркой и колот их, будто семечки шелкал. Обойдет вокруг чурбана, посмотрит, как расположены сучки, примерится и за два-три удара развалит его напополам. А потом начнет колоть косяком, только поленья летят. Ленька любил смотреть, как отец колет дрова, а тот это чувствовал. Встряхнет льяным чубом, оботрет рукавом рубахи вспотевший лоб и подмигнет ему веселым синим глазом:

— Ну как?

— Здорово!

— Учись, пока я жив! Бери топор да помогай, колй поленья помельче!

Отцовский колун сейчас валяется под крыльцом. Весом не меньше чем на полпуда, с длинным прямым топорщиком из мореной болотной березы. В магазинах таких не продают, его выковал по заказу старый цыган, леспромхозовский кузнец. Лежит колун без применения, потому что ни матери, ни Леньке не под силу.

Отец во всем любил порядок. Перекосило в стайке дверь — снимет ее с петель, переберет и так подгонит, что она будет закрываться вприкрытие. Чуть нарушился заплот, ворота или крыша — опять за топор, рубанок, лучковую пилу, молоток или какой-нибудь другой инструмент. А после работы всегда уберет за собой до последней соринки.

— Дом красится хозяином, сынок! — наговаривает Леньке. — Каково на дому, таково и самому.

Под навесом на специально сделанных из толстых плах полках хранил он болты, гайки, гвозди, шарниры, полосы железа и всякое другое добро. И почти каждый день пополнял запасы: то разводной ключ принесет, то доску, то обруч, то моток проволоки.

— Всякое барахло домой тащишь, как тот Плюшкин! — частенько упрекала его мать. — Склад металлолома решил на дворе устроить?

— Места не пролежит! — невозмутимо отвечал он. — А когда-нибудь, может, сгодится. Что припасешь, то и сосешь!

А теперь что? Поленицы нет и в помине. Как весной тракторист приволок три листвяги, так они и валяются под окнами. Сначала Павел

Никитич обещал их распилить, а потом рассердился на мать из-за того, что она не дала ему денег на бутылку, и не пришел со своей «Дружбой». Приходится резать твердые, как железо, листвяги ручной пилой. А она никудышная — на каждую чурку по часу тратят. Да и силенок у Леньки маловато, в момент выматывается. Мать глядит на него, глядит и не выдержит, закричит:

— Чего повис на ручке, не тянешь совсем? Возить я тебя должна, что ли?

Правда, колоть дрова Ленька наловчился. Лиственничные чурки, которые без больших сучков, легко колются простым топором. Да и во дворе все стало потихоньку рушиться. Ветром сорвало с навеса три тесины и дождь теперь льет прямо на заржавелые папкины железки. В стайке и предбаннике двери расхлябались.

Отец давно уехал из дому. Ленька еще не учился, когда его провожали, а теперь перешел в третий класс. Во всем Михаил Карасев виноват, лешева скотина! Сбил отца своими рассказами о больших заработках на Дальнем Востоке. Маленький, взъерошенный, как петух перед дракой, все расхаживал, помнится, по кухне, поскверкивал вечно красными от пьянки глазами и наговаривал:

— Нет, Иван, тут жизнь не мед, я тебе скажу! Ни барыша, ни карыша! Разве это заработки — сто пятьдесят или двести в месяц? На востоке год попашешь, и «Жигули» тебе обеспечены. Это уж без булды! По весне опять туда подамся, хватит крошки собирать!

— Жил я, — продолжал Карасев, — на Дальнем Востоке три года, накопил кучу денег, но, возвращаясь на поезде в Сибирь, загулял, и обчистили, как липку. Спасибо еще, трудовую книжку и паспорт подбросили! О кооперативной квартире в приличном городе мечтал, завел подходящую для семейной жизни бабенку, а попал в этот вшивый леспромхоз. Кому я такой нужен, когда в одной руке пусто, а в другой ничего? Любому дураку известно: с деньгами мил, без денег постыл. Все надо начинать по-новой! Движем, Ваня, на пару! Для начала куда-нибудь на Шикотан завербуемся, а там будет видно.

Матери Карасев сильно не нравился, и она каждый раз говорила отцу:

— Нашел с кем связываться! У человека ни дома, ни семьи! Мотается по белому свету, как шовяк в проруби! В трудовой книжке уже три вкладыша исписано!

— И не собираюсь связываться! — возражал отец. — Сам вижу, что не нашего поля ягода. Не беспокойся!

А кончилось тем, что слушал он, слушал-слушал Карасева и решил:

— Поеду! Почему не съездить на сезон, если заработки там хорошие? В мошне густо, так и дома не пусто. На машину заработаю и — назад! Водкой я не балуюсь, в карты не играю, так что копейка сквозь пальцы не пройдет.

Мать пыталась отговорить его:

— Зачем по людям жить, лындать, как Карасев? На машину можно накопить и дома. Молоко нам не покупать, мясо, картошка, овощи свои. На мою зарплату давай жить, а твою переводить на сберкнижку!

Не послушался отец. У него такой характер: если надумал что — не своротишь. Хоть кол на голове теши — он все свое. Ранней весной со своим дружкой уехал на Дальний Восток ловить рыбу.

Отец обещал вернуться домой к седьмому ноября. Ленька с матерью по нему истосковались и ждали его приезда с нетерпением. Мать на два раза побелила дом, повесила новые тюлевые шторы и голубенькие занавески, посадила на откорм молодого гусака, поставила трехведерный лагунок медовухи. Ленька задолго до праздника стал бегать на станцию и встречать поезд из Белоярска.

Много ждали, а проку не видали. Не приехал отец. В один из ветреных и морозных дней в середине ноября дед Савелий принес от него письмо. Как всегда, короткое, на одной страничке. Он писал, что на машину не заработал, и потому остается на зиму в Магаданской области. Поступил на какую-то стройку бульдозеристом. Технику ему, будто, дали новую, прямо с завода, работает она, как часы, и под капот все время заглядывать не придется. Деньги платят приличные.

Мать несколько раз прочитала эту писульку, посидела в неподвижной задумчивости у окна и со вздохом сказала:

— Да!.. Если заработки там и вправду хорошие, наш отец присосется как клещ. Не оторвешь! Дай волю, захочется и поболе. В своего покойного дедушку удался! У того такая же повадка была: ложка узка, таскает по два куска, развести пошире, вытащит четыре...

И будто в воду глядела. Весной отец написал, что останется на стройке еще на год. «Любезная моя жена Тоня и сынок Леня! — с трудом разбирает Ленька его мелкий убористый почерк. — Сообщаю, что на «Жигули» я почти накопил, но задержался опять. Раздумался над нашей жизнью и решил: пора нам перебираться в

город, хватит месить таежную грязь. Переедем в Белоярск или в Азас. А коли на то пошло, надо иметь копейку и на дом с гаражом, и на хорошую мебель, и на все прочее. Не держите на меня обиду и потерпите до следующей весны».

Прошла еще одна весна, наступило лето, а отец все не ехал. Пропал, как камень на дно упал. Последнюю весточку от него получили в середине июля. О чем он написал, Ленька не знает. Мать прочитала письмо, порвала его на мелкие клочки и швырнула в помойное ведро.

— Пропади ты пропадом со своими проклятыми деньгами! — задыхаясь от злости, выкрикнула она. — Что за человек? Хватит с меня! Три года сижу как затворница!..

И тут же, не отрывая ручки от бумаги, кусая красивые полные губы, настроичила ему ответ.

В тот вечер она не стала ужинать. Мрачная, как туча, от всего отрешенная, до самых потемок сидела у окна и глядела на пустынную улицу. А когда легли спать, отвернулась к стене и, наверно, целый час плакала, отрывисто всхлипывая и что-то шепча в подушку. Ленька лежал в трех шагах от нее на диване, молчал и только вздыхал, переполненный пониманием и сердечным сочувствием.

С того дня мать совсем перестала вспоминать об отце, будто его и не было. А Ленька думал о нем каждый день. Плохо ведь жить без отца! Вспоминал, как они ходили купаться на реку, как удили рыбу и варили в котелке уху, как кололи дрова, складывали их в поленницу, а потом подолгу сидели на этой ступеньке и о чем-нибудь задушевно разговаривали. Даже плечо как-то теплело, вспоминая ласковую и сильную руку отца. На ум приходили разные смешные и, казалось, совсем забытые мелочи. То как отец оступился на лежневке и растянулся в болотной грязи и вылезал оттуда черт чертом, то как они однажды осенью ночевали под копной, придя на рыбалку с вечера, и во сне стягивали друг с друга одежду, то как отец, забрасывая спиннинг, зацепил крючком за Ленькино ухо. В памяти вставало многое и так ярко, будто случилось вчера.

Однажды утром, проводив мать на работу в контору леспромхоза, Ленька вытащил из своего потрепанного портфельчика тетрадь, шариковую ручку, устроился за кухонным столом и, старательно выводя буквы, написал письмо отцу. Оно получилось длинным и обстоятельным: «Здравствуй, дорогой папа! Почему не едешь домой? Мама на тебя сердитая. Сказала: хватит! Ты писал, что мы переедем в Азас или в Белоярск. Я туда не хочу. Тут лучше. Жалко Петьку с Мишкой, дом, Муську, гусей, куриц, чушку

Машу и все, что у нас есть. И рыбу ловить там негде, и купаться очень далеко ходить. Я о тебе сильно соскучился и думаю про тебя каждый день. Приезжай, будем с тобой рыбалить, кататься на тракторе и вместе колоть дрова. Изгородь у нас падает, навес продырявился, дверь у Муськи расхлябалась и в бане тоже. Бабка Нефедиха каждый раз обзывает меня безотцовщиной, говорит, что ты нас бросил. Приезжай скорей! Жду ответа, как соловей лета. Леня».

И вот уже больше месяца Ленька каждый вечер встречает дедушку Савелия в надежде получить ответ от отца.

Сегодня с матерью что-то случилось, это он заметил сразу. Обычно она приходит из конторы в начале седьмого, немного усталая, но всегда веселая и ласковая. Зайдет в дом и первым делом спросит:

— Ну, как хозяйничаешь, сынок? Ждешь меня?

— Жду!

— И я о тебе соскучилась!

Положит на комод крохотные часики, снимет и аккуратно повесит в шкаф рабочий костюм, умоется, громко фыркая, под пузатым алюминиевым рукомойником, наденет светло-синий халатик, открывающий длинные стройные ноги, и станет какой-то домашней и особенно милой.

Ленька, босоногий, с черными пятками, ко-

ричевый от загара, в коротких трусах, сбегает во двор за дровами. Мать приберется по дому, затопит плиту, поставит вариться ужин и идет доить Муську, не забыв отрезать и густо посолить для нее толстый ломоть хлеба. Процедив молоко, она нальет ему полную кружку тепленького, еще пенящегося и скажет:

— А ну, выпей парного! Поправляться надо! До того избегался, что одни глаза остались!

Пока варится ужин, они сидят в обнимку на диване в горнице и, довольные этой близостью, разговаривают:

— Опять с Петькой носился?

— С Петькой и с Мишкой.

— Купались?

— Ага.

— Сколько раз?

— Раз десять или одиннадцать.

— Совсем меры не знаете!

Так было каждый день. А сегодня мать пришла домой поздно, уже на закате солнца, задумчивая и неприветливая. Скользнула по нему отсутствующим взглядом и, не сказав ни слова, прошла в горницу.

— Ты на собрании была, да? — последовал за ней озадаченный Ленька, чувствуя что-то неладное.

— Нет! — обронила она, стоя перед большим зеркалом.

— А почему так поздно пришла?

— Задержалась.

Ленька подошел к ней, тихонько тронул ее за полную белую руку.

— Ты на меня сердитая, что ли?

— С чего взял? Ничуть не сердитая.

Она переделалась в халат и принялась за обычную работу, но делала все рассеянно и небрежно. Пол как следует не подмела, корове забыла вынести хлеба, молоко цедить не стала, так и оставила в подойнике в сенцах, привычной кружки парного Леньке не налила. Все о чем-то думала, сдвинув красивые длинные брови, и иногда вполголоса бормотала:

— Ну и пусть!.. Ну и что ж!..

Ленька наблюдал за ней и не знал, что подумать. Поставив вариться картошку, мать ни с того ни с сего стала наряжаться. Натянула на себя любимое зеленое платье, продела в уши золотые серьги, навесила на шею «жемчужное» ожерелье.

— Ты в клуб хочешь идти? — спросил Ленька, со скрытой гордостью любуясь ею.

— Нет, — спокойно ответила она. — Ты вот что, сынок! Чем сидеть и пялить на меня глаза, возьми в буфете две миски и слазь в погреб. В одну наклади огурцов, в другую груздей. И кусок свиного сала отрежь. А потом умойся, надень штаны и чистую рубаху.

— К нам гости придут, да?

— Гости!

— Так бы и сказала сразу, а то молчит, молчит!..

Ленька слазил в погреб, принес что было велено, умылся. Забыв, конечно, хотя бы обтереть грязные пятки, надел черные вельветовые штаны, белую рубашку и снова забрался на диван.

— А кто придет? — повеселевшим голосом спросил он, болтая ногами.

— Один человек, ты его не знаешь.

— А ты тогда откуда его знаешь?

Мать, старательно подкрашивая глаза, качнула головой и засмеялась:

— Ну и дотошный ты у меня! Настоящий следователь!.. Придет друг моей юности, понимаешь? Очень хороший, умный человек. Мы с ним вместе учились с первого до десятого класса. И дружили, как вы с Петькой и Мишкой. А потом он поступил в педагогический институт, а я на бухгалтерские курсы. Я вышла замуж за твоего отца и уехала из своей деревни. Мы с этим другом после школы встречались всего несколько раз.

Сергей Михайлович пришел около десяти, когда уже темнелось, и Ленька включил свет. Это был высокий привлекательный мужчина с

крупным лицом, прямым носом и живыми карими глазами.

— А вот и я! — произнес он низким бархатистым голосом, стоя у порога и чуть не подпирая головой притолоку. — Ты, Тоня, наверное, уже и не ждешь?

— Почему? Жду! Договор дороже денег! — отозвалась просиявшая мать. — Раздевайся, Сережа, проходи!

Она повесила на вешалку легкий плащ, беретку гостя и потащила его за рукав пиджака к столу.

— Немного посиди, я мигом налажу ужин!

Прежде чем сесть, Сергей Михайлович поставил на стол перцовку и, широко улыбувшись, по-свойски подмигнул Леньке:

— Appetitных капель прихватил! Не возражаешь, молодой человек? Ну и отлично! Это у тебя такой большой сын, Тоня? Как тебя звать, герой?

— Ленька.

— Что ж, будем знакомы! Я Сергей Михайлович. Живу в Азасе, учитель по образованию...

— А мама сказала, что вы инспектор.

— О-о, ты, оказывается, уже информирован! Инспектор — это не профессия, а должность.

Суетливая, сверкающая глазами мать поставила на стол угощение и села рядом с инспектором. Сергей Михайлович откупорил бутылку:

— Что ж, Тонечка, выпьем за встречу, спасибо судьбе, ниспославшей ее нам! За то, чтобы ты всегда была такой молодой и красивой!

Мать зарделась от этих слов и с лукавой улыбкой ответила:

— За встречу — с удовольствием, а за молодость и красоту поднимать тост поздно! Через две недели стукнет двадцать семь...

— Нашлась старуха! — засмеялся инспектор. Взрослые пустились в неинтересные для Леньки разговоры:

— Недавно я был в Белоярске и встретил на улице Дашу Новикову, — рассказывал Сергей Михайлович, отправляя в белозубый рот то рассыпчатую картофелину, то ломтик хрусткого огурца или розового, пахнущего чесноком сала. — Растволстела, как купчиха. Трех ребятишек уже родила. Даже не верится! Давно ли, кажется, за косы ее таскал?

— А помнишь, Сережа, как мы всем классом последний раз ходили по чернику? Я об этом часто-часто вспоминаю и даже во сне видела несколько раз. Тебя, Дашу, Сашку, Маруську Колосову! Как было хорошо тогда! Помнишь?

— Еще бы! Все помню! И как заяц выскочил из-под валежины и вас с Зинкой Петровой напугал, и как у пасеки картошку пекли на костре!

— Мы ведь с Зинкой были влюблены в тебя без памяти! Только и говорили, что про Сережу Луканина. Лучший ученик в школе, чемпион по шахматам, боксер, самый красивый из ребят! Между прочим, муж меня ревновал к тебе, хоть ты ни разу в жизни даже по улице рядом со мной не прошел. Вот как здорово расписала ему про свою первую любовь!

— Я и не догадывался!

— Где тебе было догадаться, когда ты с Марульки глаз не сносил! Да-а!.. А потом развехались все кто куда и никогда вместе больше не соберутся! Зинка, кстати, очень несчастливая! Выскочила замуж за какого-то пьянчугу, наплодила детворы, а теперь мучается.

— У каждого своя судьба! — вздохнул Сергей Михайлович, снова наполняя рюмки. — Я тоже к числу счастливых не отношусь. Так женился, что сам себе подивился, как говорят старики. Но это другая тема...

И опять пошло: «А помнишь?», «А помнишь?». Ленька сидел, подперев кулаками щеки, смотрел на них и зевал. Какая скукота!..

Потом мать вышла из-за стола, встряхнула кудрями и капризно сказала:

— Хочу танцевать! Ясно? Как тогда на выпускном вечере, который ты протанцевал с одной Марушкой. Ва-а-альс устаре-ел...

Она принесла проигрыватель, пластинки и только тут обратила внимание на Леньку:

— А ты чего торчишь за столом! С этими разговорами я про тебя и забыла! Давно спать пора! Возьми из кладовки отцовский полушубок, одеяло, подушку и стелись на печке. На диване сегодняя будет дядя Сережа отдыхать.

Через пять минут Ленька лежал на широкой русской печи и волчком смотрел сверху на мать и Сергея Михайловича. Что это за танец? С какой стати инспектор так нагло облапил мать? А она? Положила голову ему на грудь и даже зажмурилась от удовольствия! Глядеть противно!

Натанцевавшись, они ушли в горницу, выключив на кухне свет и плотно затворив за собой дверь. Терзаемый жгучей ревностью, Ленька свесил с печи голову и напряженно вслушался. Сначала до него доносился тихий невнятный говор, потом явственно прозвучали сдавленные вскрики матери:

— Любимый ты мой!.. Долгожданный мой!..

Леньку затрясло, как в ознобе. Мать любит не его, не отца, а этого долговязого Сергея Михайловича! Чувствуя себя жестоко обманутым, покинутым и никому не нужным, мальчик уткнулся лицом в подушку и безудержно разрыдался.

Плохо спавший всю ночь, Ленька проснулся на восходе солнца. Он оторвался от подушки и

опять вытянул шею в сторону горницы. Дверь туда была полуоткрыта. Мать и Сергей Михайлович вели хорошо слышный ему разговор:

— Останься, Сереженька, еще на денек! — упрашивала мать жалобным голосом. — Я отпущу с работы, приготовлю что-нибудь вкусненькое. Леньку с ребятами отправим на речку и будем с тобой только вдвоем! Я так стосковалась в этих четырех стенах!

— С удовольствием бы остался, Тонечка, хоть навсегда, но сегодня никак не могу! Завтра ровно в девять мне обязательно нужно быть на работе.

— Так уж и обязательно? Ничего не случится, если на денек задержишься.

— Не могу! В жизни каждого человека, дорогая, бывает поезд, на который ему опаздывать ни в коем случае нельзя. Опоздал, значит, что-то безвозвратно потерял. Завтра утром решается очень важный для меня вопрос, и я непременно должен быть на месте.

— Что за важный такой вопрос?

— Расскажу потом.

Ленька нырнул под одеяло, оставив дырку для глаз, и затаился, едва дыша. Мать вышла в кухню босая, в нижней рубашке. Она покосилась на печку, неслышно почерпнула из кадки ковшик воды и вернулась в горницу.

Около семи мать с гостем ушли на станцию, оба возбужденные, радостные и говорливые. Ленька слез с печки, вялыми движениями натянул штаны, рубаху и, даже не умывшись, вышел на улицу, где было солнечно и по-утреннему свежо.

Нет, он никогда не простит матери такого предательства! Никогда! Ленька сегодня же сбежит из дому, здесь ему теперь не жить! Пусть Сергей Михайлович приезжает опять, пусть они с матерью танцуют, целуются! Он на это смотреть больше не будет! Насыплет в папкину охотничью сумку сухарей, запасется салом, кусковым сахаром, наденет новое пальто, фуражку, ботинки, возьмет из комода двадцать пять рублей, незаметно сядет на вечерний поезд и уедет на Дальний Восток, к отцу. Он знает, как туда доехать! Сначала в Магадан, потом дальше. Адрес в папкином письме есть. И никому, кроме Петьки и Мишки, об этом не скажет!

И почему отец не приехал этой весной? Или у него много работы? Или захворал и лежит в больнице? Или обокрали дорогой, как того Карасева? А может, опоздал на поезд, что сегодня поминал ненавистный инспектор? Тот самый поезд, на который ему опаздывать было никак нельзя!..

В журнале «Уральский следопыт» в последние годы было опубликовано несколько статей о травах. В них шла речь как об известных каждому растениях, так и о довольно редких и даже реликтовых, занесенных в Красную книгу.

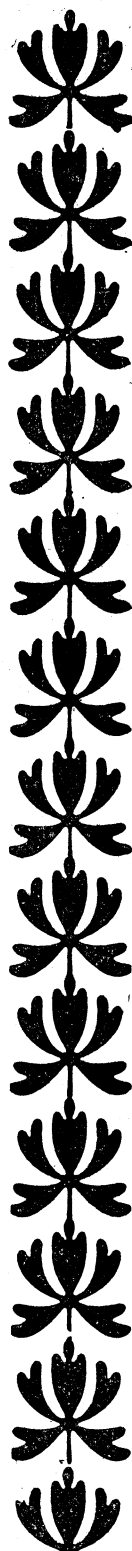
В основе этих статей была забота о судьбах нашей природы, попытка показать не только красоту и полезность растительного мира родного края, но и его ранимость и беззащитность перед человеком, порой варварски разрушающим тот самый мир, в котором он обитает.

Мы все чаще и чаще прислушиваемся к голосу тех людей, которые с тревогой и волнением, с болью и надеждой говорят о противоречивых отношениях человека с окружающей средой. Разводим сады, садим леса, но, что греха таить, мы же, по меткому выражению английского натуралиста Джеральда Даррелла, порой ведем себя по отношению к природе, словно малолетние недоумки, оставленные без присмотра в бесподобном, изумительном саду и медленно, но верно превращающие его в бесплодную пустыню с помощью пил, топоров и костров из двухсотлетних можжевельников.

Сколько болот, торфяников, неудобий неустанным трудом людей превращено в цветущие сады, и рядом же сколько людей шатается празднично по родной земле, нанося ей невосполнимые потери! Остаются на память о них замусоренные поляны с черными ранами от костров, после их проходов горы скалятся мертвым камнем. Все чаще в электричках, автобусах можно видеть «любителей природы», волочащих целые снопы зря загубленных полевых цветов или веток черемухи. Плачут во сне березы, израненные подсежкой ради нескольких стаканов березового сока. «Березовицы на грош, а лесу на рубль изведешь», — говорили наши предки.

И как бы в извинение всего этого варварства все чаще звучат витиеватые умиротворяющие слова — «экологическая невоспитанность».

Судя по поступающим в редакцию письмам, эта тема не оставила читателей равнодушными. Сколько боли, сколько гнева в этих письмах! И слез бессилия...

ПОГОВОРИМ ЕЩЕ О ТРАВАХ

Иван БЕЛЯЕВ

Протягиваю руку к кипе писем и беру наугад первое...

Александра Александровна Тихонова из города Обнинска Калужской области пишет:

«Я ищу одну травку уже три года, в нашем крае должна расти, но, видимо, исчезла от варварского отношения людей к природе».

А речь-то идет о таком широко распространенном в былые времена растении, как очанка. Что уж тут говорить о более редких и исчезающих видах?

В опубликованных в журнале «Уральский следопыт» статьях шла речь о выращивании некоторых трав, особенно лекарственных, на грядках приусадебных участков. Лекарственные травы настолько вошли в быт, что сборщики дикорастущих трав уже не в силах удовлетворить все возрастающий спрос. Кроме того, интенсивный сбор трав нежелателен, так как это грозит исчезновением некоторых видов растений. Нельзя забывать и о познавательной стороне этого занятия.

«У меня большое желание побольше в этой области узнать...» «Вот уже года три-четыре как я начала интересоваться травами, прочитала несколько книг...» — это строки из писем, свидетельствующие о неподдельном искреннем интересе к зеленому миру нашей планеты.

Но по этому поводу есть и другие мнения. Михаил Федорович Дорогин пишет из Волгограда:

«Лекарственные травы — сохранение и внедрение их на грядку — дело нужное. Сейчас за это ухватились многие нечистоплотные, неграмотные люди, более вредящие этому, нежели приносящие пользу».

Однако пока в весьма обильной почте в адрес редакции еще не встречалось ни одного письма, где бы упоминалось о человеке, выращивающем на грядках травы с корыстной целью; нам кажется, что чаще всего выращивают травы, особенно редкие, истинные любители и радетели родной природы.

Описывая зеленый мир родного края, нельзя не упомянуть о целебных и других полезных свойствах трав. Но это только указание на их ценность, а не рекомендации к применению для лечения той или

иной болезни. НИ РЕДАКЦИЯ, НИ АВТОР НЕ МОГУТ И НЕ ИМЕЮТ ПРАВА ДАВАТЬ СОВЕТЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА; БОЛЬНЫЕ ДОЛЖНЫ НЕПРЕМЕННО ОБРАЩАТЬСЯ К СВОЕМУ ЛЕЧАЩЕМУ ВРАЧУ, КОТОРЫЙ НАЗНАЧИТ ИМ ЛЕКАРСТВО, В ТОМ ЧИСЛЕ И РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ. По этой же причине в статьях и ответах на письма ничего не говорится и не может говориться о способах применения в лечебных целях тех или иных растений.

В письмах очень много просьб о помощи в приобретении литературы по лекарственным травам. Таких книг издается мало, и они моментально раскупаются. Насколько мне известно, в Средне-Уральском книжном издательстве такая книга под названием «Зеленая аптека» была издана в последний раз в 1981 году, и с тех пор подобных книг не издавалось.

Тут поневоле вспомнишь В. В. Вересаева:

«Один молодой врач спросил знаменитого Сиденгама, «английского Гиппократа», какие книги нужно прочесть, чтобы стать хорошим врачом.»

— Читайте, мой друг, «Дон-Кихота», — ответил Сиденгам.

Это очень хорошая книга, и я теперь часто перечитываю ее.

Читайте «Дон-Кихота», учитесь бескорыстию, доброте, чистосердечности, искренности, состраданию, мужеству, терпению. Читайте...

«Пришлите мне семена...» — обычная фраза во многих письмах. И то, что любители обмениваются между собой семенами и растениями, — очень хорошее и полезное дело. НО, К СОЖАЛЕНИЮ, НИ РЕДАКЦИЯ, НИ АВТОРЫ ЖУРНАЛА НЕ РАСПОЛАГАЮТ ЗАПАСОВ СЕМЯН, И ПОЭТОМУ УДОВЛЕТВОРИТЬ ТАКИЕ ПРОСЬБЫ НЕ МОГУТ.

Есть письма, в которых читатели прямо просят поделиться опытом траволечения. Тут можно ответить только одно: ни редакция, ни авторы такого опыта не имеют. Ведь для того, чтобы давать советы в области лечения людей травами, надо иметь в первую очередь медицинское образование, с детства интересоваться травами, иметь состра-

данне к ближнему, любовь к людям, хорошую память, обширную библиотеку и талант врачевания. И — уметь читать «Дон-Кихота»... Только тогда, если есть большое желание, опыт придет сам собой. Как и в любом другом деле.

И в заключение хочется сказать следующее. Журнал для детей и юношества «Уральский следопыт» не публиковал и не будет публиковать статьи на сугубо медицинские темы, поэтому СПОСОБЫ ЛЕЧЕНИЯ ТЕХ ИЛИ ИНЫХ БОЛЕЗНЕЙ С ПОМОЩЬЮ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВ СЛЕДУЕТ ИСКАТЬ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЖУРНАЛАХ И КНИГАХ. В связи с этим и редакция, и автор обращаются с просьбой — не присылать писем с требованием совета об излечении травами той или иной болезни, помощи в приобретении семян и литературы, с просьбами о передаче опыта траволечения...

Давайте просто любить родную природу, ее леса и травы, и рассказывать друг другу о их красоте, оригинальности, удивительности, ну и, конечно, о полезности. Давайте передавать свой опыт приручения, выращивания и размножения дикорастущих трав.

А составлением лекарственных травяных смесей и лечением людей травами от разных болезней пусть занимаются люди, имеющие медицинское образование, то есть врачи.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА

Валерий МИРОНОВ

Рисунок Ольги Горячевой

О к т я б р ь

До реформы древнеримского солнечного календаря, проведенного императором Юлием Цезарем в 46 году до нашей эры, октябрь был восьмым месяцем, состоял из 30 дней и назывался «октобером» (от латинского «окто» — восемь). После реформы октябрь занял десятое место в году и получил один дополнительный день, но имени своего не изменил.

До сих пор так называют этот месяц эстонцы, венгры и немцы, голландцы и датчане, евреи и индонезийцы, норвежцы и шведы. Созвучно этому зовут его в Грузии — «октомбэри», в Латвии — «октобрис», в Молдавии — «октомбрие», в Болгарии — «октомври», в Румынии — «октобрис», в Англии и на суахили — «октоубэ», в Греции — «октобриос», в арабских странах — «октобар», в Индии (на урду) — «актубар», в Испании — «октубре», в Италии — «оттобре», в Португалии — «оутубро», во Франции — «октобр», а на эсперанто — «октобро».

В Китае октябрь — «десятая луна»; во время Великой французской революции и в дни Парижской коммуны октябрь был «брюмером» (туманным).

У древних славян октябрь был восьмым месяцем и назывался «листопадником». Такое название месяца сохранилось до сих пор в Сербии, Хорватии. Другие старинные наименования октября — «грязник», «грудень», «зазимок», «позимник»...

Согласно так называемому календарю «счастливых камней» октябрь соответствуют опал и тигровый глаз; а по календарю цветов — календула.

В октябре Земля находится в созвездии Весов. Две тысячи лет

назад Солнце во время осеннего равноденствия находилось в этом знаке, уравновешивающем «день с ночью, труд с отдыхом».

В нынешнем октябре исполняется 403 года с тех пор, как юлианский календарь был заменен григорианским. Тогда день после 4 октября 1582 года решено было считать сразу 15 октября того же года. Таким образом была исправлена ошибка, накопившаяся к тому времени в подсчете дней. Этот новый календарь был принят и в нашей стране, но только после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Вот почему мы отмечаем ее годовщины не 25 октября, когда по старому стилю была свергнута власть буржуазии, а 7 ноября. Но в память об октябре 1917 года весь мир называет нашу революцию Октябрьской.

Больше всего октябрь на Руси знаменит свадьбами. «Месяц ненастья — начало семейного счастья», — говорят о нем в народе.

ПРИМЕТЫ, Поговорки, ПРИСЛОВЬЯ...

Октябрь — грязник: ни колеса, ни полоза не любит.

Октябрь — настоящий осенний месяц, предзимье.

Октябрь — месяц близкой погоди.

Октябрь по непостоянству погоды, что март.

В октябре на одном часу и дождь, и снег.

К октябрю березы оголяются.

Гром в октябре предвещает бесснежную, короткую и мягкую зиму.

В октябре часто выпадают дожди-мороси.

Если осенью снега нанесет рано, то и весна ранняя.

Осень торопит — зима не ждет.

Как с осени наморозит наголе —

лучше рожь будет, а когда на талую землю напало — рожь подопреет.

Осенью серенько утро, дак жди красного денка.

Если после появления быстро движущихся перистых облаков небо покрывается вуалью перисто-слоистых облаков, то следует ожидать пасмурной погоды с осадками.

Солнце в «столбах» — к дождю. Первый снег не обещает скорой зимы.

Закат желтый, золотистый или розовый — будет хорошая погода.

Перед дождем луна бывает мутновата, затуманена или бледна, перед ведром — чиста, ясна и ярка.

Если поздно вечером или ночью появится туман — угроза заморозка отпадает.

Первый снег выпадает за сорок дней до настоящей зимы.

Дождь мелко сеется, да долго тянется.

Если температура воздуха постоянно в течение дня — ненастье сохранится.

Если свежий утренний ветер днем усиливается, а к вечеру слабеет — сохранится ясная погода.

Краснеет луна — будет ветер. Будет дождь или ненастье, если днем становится прохладнее, ночью — теплее.

Если солнце взошло быстро и ярко светит — погода переменится.

Толстые кучевые облака ходят низко — к ненастью, высоко — к хорошей погоде.

Коли птиц много и летят они быстро — к близкому ненастью.

Петухи распевают — на дождь. Галки собираются стаями и кричат — будет ясная погода.

Чайки садятся на воду — будет хорошая погода, высоко поднимаются и кружатся — к сильному ветру.

Пока лист с вишни не опал, сколько бы снегу ни выпало, все равно потаяет — оттепель его сгонит.

Если листья, осыпаясь, лягут изнанкою — к урожаю и теплой зиме, лицевой стороной вверх — к холодной зиме.

Листопад прошел быстро — скоро наступит стужа и зима будет суровой, а если листья остаются зелеными и долго держатся на деревьях — зима будет короткая, с небольшими морозами.

Перед наступлением сильного ненастья в колодцах, ключах, небольших прудах повышается уровень воды.

1 октября. Первое зазимье, шиповница, истопница овинная, плакунья журавлиная.

Если журавли полетят, то через две недели надо ждать первого мороза, а если их не видно в этот день,

то зима через месяц наступит, не ударит ни одному морозу раньше 2 ноября.

Журавль не отбудет — морозов не будет до месяца другого, до ноября второго.

Если журавли и гуси летят высоко, не спеша и «разговаривают» — значит, будет стоять хорошая осень.

Если гуси и журавли не спешат покинуть родные места, стужа наступит не скоро и зима будет мягкой и короткой.

2 октября. Лакомый стол, заступник пчел.

Ставят улья в омшаник. Кто позже живет, откладывает это до 10 октября.

Улья в погреб ставь — праздник меда правь.

3 октября. Ветряк дует всяк, дуют ветры-листобои.

Северный ветер — стужа недалеко, южак — к теплу, западный ветер — к мокроте, а восточный — к ведру.

Сентябрь пахнет яблоком, октябрь — капустой.

Если туманно и тепло, а по полукам летит длинная паутина — благоприятная осень и нескорый снег.

4 октября. Погода этого дня продержится без изменений четыре недели.

Ясно при резком северо-восточном ветре — на холодную зиму.

Усиление холодов — с хорошей погодой распрощайся.

5 октября. Если с березы лист не опал, снег ляжет поздно. А если все же в свое время ляжет снег, то в конце января и начале февраля будет продолжительная оттепель.

6 октября. Журавли улетели — осень перевалила к зиме.

7 октября. Заревницы малинят стекла изб, замолотки.

Последний день сбора царя грибов — боровика.

Много желудей на дубе — к теплой зиме и плодородному (хлебному) лету.

8 октября. Капустники.

Капусту солят с первыми заморозками, раньше нельзя — закиснет в тепле.

Зима начинается, а через месяц — устанавливается.

Если выпадет первый снег, то зима установится 21 ноября, санный путь настелит на четвертую неделю.

Первый осенний снег с бурном — зима еще не установится.

Первый снег упал на мокрую землю — останется, на сухую — скоро сойдет.

От первого снега до санного пути — шесть недель.

Санный путь устанавливается в четыре семини (сдьмини).

Если хорошая погода, то стоять ей целых три недели.

9 октября. Конец озимых посевов, поздний осенний сев.

13 октября. Если снег упадет, зима не скоро настанет.

Журавли уже отлетели — на раннюю и холодную зиму.

Коли белка чисто вылиняла, то зима будет хороша.

14 октября. Снежный покров, зазимье.

Покров — не лето, а сретенье — не зима.

Покров — напечи хату без дров.

Октябрь землю покроет где листиком, где снежком.

Не покрыв Покров, не покроешь и рождество.

Каков Покров, такова и зима.

Между Покровом и 8 ноября зима не установится.

Снег падет на талую землю — людям трудно жить будет, а на мерзлую — легче.

Текло и замерзло, с крыши сосульки свисают — осень протянется долго, затяжлива будет.

Крупа падет — жди на неделю мороз.

Ветер с севера или с востока — к холодной зиме, с юга — к теплой, с запада — к снежной, переменной.

Если водоплавающая птица улетела — осень будет короткой.

Закармливают скотину пожилым (последним) снопом и с этого дня держат ее дома, в хлеву, в стойле до весны.

Если с дуба и березы лист упал чисто — к легкому году, а нечисто — к строгой зиме.

Когда лист не опал, а его еще много на деревьях — долго тепло простои.

Последний сбор груздей и рыжиков.

Еще тихо бродит бабье лето, полднем вянущим согрето.

Бабье лето в Белоруссии нередко бывает переходящим с сентября на октябрь.

15 октября — мни и топчи льны с середины (половины) грязника.

Коли мять лен, так уж доминать.

Мни льны доле — волокна будут боле.

17 октября — зима шубу надевает.

18 октября — катальщик, первые холстины начинает ткать.

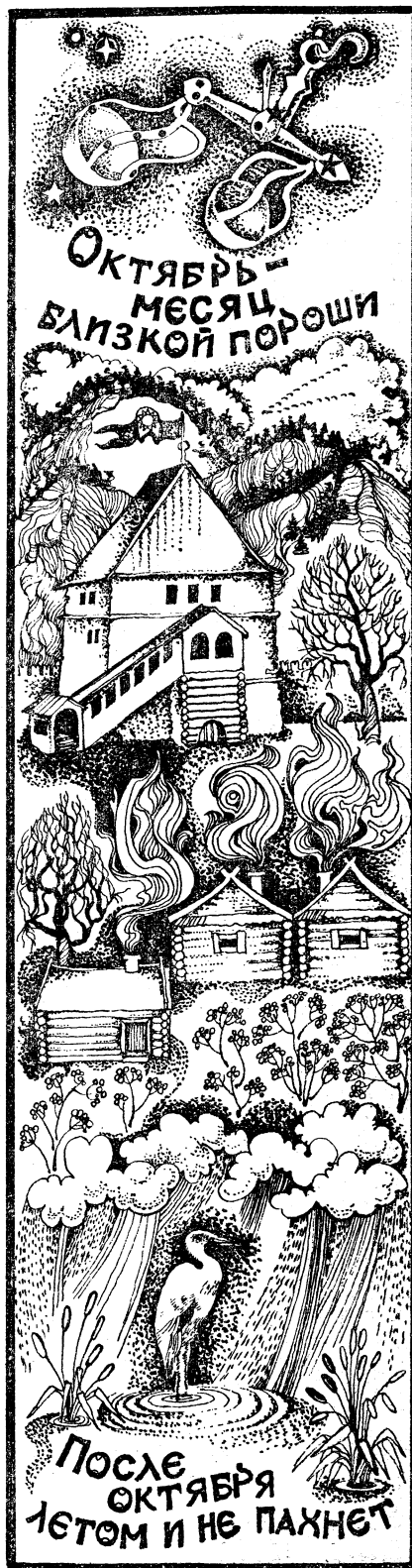
Нынче катанки-то белы, спотыкчивы, не смелы.

Надевай теплое белье.

Солнце скатывается вниз.

Отстал от ночи день — запнулся валенком за пень.

Осенняя ночь на двенадцати подводах едет.

19 октября. Хлебник, ломит закрома — все бери задарма.

20 октября. Заиндеви дубравы, обели отавы.

Если земля снежком покроется, через месяц быть зиме — зима встанет на ноги 22 ноября.

Если выпадет снег, когда деревья еще не сбросили листву, он скоро растает.

Дневной снег не лежит — первый надежный снег выпадает в ночи.

Первая пороша — еще не санный путь.

21 октября. Ознобицы, все холоднее и холоднее.

Стужа да нужна — нет их хуже.

22 октября. Древопилец.

Наготовлены дрова для печки русской, чтобы зимица, хмурия око, не буйнула в окна.

Идет дождь или крупница.

Позже всех до сего дня растут сырожки.

23 октября — рога месяца кажут на ту сторону, откуда быть ветрам.

На север лунные рога — скорая зима, посуху снега.

Если рога месяца на полночь (на север) — быть строгой зиме, снег ляжет посуху, если на полдень (на юг) — скорой зимы не жди, будет грязь да слякоть, до 4 ноября осень снегом не умоется, в белый кафтан не нарядится.

Рога месяца на юг — жди морось и хмарь, будет в грязи луг по четвертый ноябрь.

27 октября. Грязнихи (грязнуха), порошхи.

На грязнуху не бывает сухо.

Если грязь велика, лошадиное копыто заливаётся водою, то выпавший снег сразу устанавливает зимний путь.

На грязниху большая грязь — четыре седмины до зимы.

28 октября. Льянницы, мнут и треплют лен.

Октябрьский гром — зима бесснежная.

В октябре луна в кругу — лето сухое будет.

Небо вечером чистое, но около луны видны большие круги — будет мороз, а если эти круги красноватые и расплывчатые, то возможны снегопад и ветер.

Будет дождь или ненастье, если солнце садится в белесовато-мутную тучу.

Заход солнца за стену облаков, в том числе перистых, закрывающих значительную часть горизонта, — к предстоящей плохой погоде.

Звезды яркие — к хорошей погоде, тусклые — к дождю и снегу.

Луна мутновата и бледна — возможен мороз и снег.

Туман стелется утром по воде —

к хорошей погоде, поднимается вверх — к непогоде.

Облака плывут с севера на юг — к солнечной погоде, с юга на север — к ненастью.

Низкие темные облака предвещают холод, а возможно, и снегопад.

Толстые кучевые облака ходят низко — к ненастью, высоко — к хорошей погоде.

Пасмурная погода сохранится, если небо покрыто слоисто-дождевыми и разорванными слоистыми облаками.

Осенний иней — к сухой и солнечной погоде, к вёдру, теплу.

После долгого затишья ветер подул — будет дождь, а зимой — снег.

Пока лисья (лиственница) иголки не осыплет, снегу не будет: и западет, так растает.

Лист вапал, так скоро снег западет.

Поздний листопад — к суровой и продолжительной зиме.

Если бурьяны растут очень высоко — будет много снега.

Если много орехов, а грибов нет — зима будет снежная и суровая.

Много одежды на луковичах — быть зиме холодной.

Появится поздний грибок, то будет и поздний снежок.

Когда грач улетает — снег пойдёт.

Чайки много купаются — быть ненастной погоде.

Воробы перелетают стайками с места на место — перед сильным ветром.

Гуси прячут голову под крыло — к холоду.

Тетерева сидят на верхушках — к ясной погоде.

Поздний отлет птиц на зимовку предвещает теплую осень и мягкую зиму, а ранний — к суровой зиме.

Строгой зиме быть, когда вся птица в отлет пошла.

Лебеди летят с севера на юг поздно — осень будет продолжительной и теплой.

Перелетные птицы летят низко — к холодной зиме, высоко — к теплой.

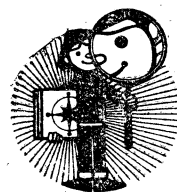
Если белка линяет от головы к хвосту — на знолзимье, а от хвоста к голове — на прочную зиму.

Если кроты носят много соломы в свои норы — зима будет холодной.

Если мыши откапывают норы на южную сторону, зима будет холодной.

Ранний и глубокий снег — к урожаю.

Первый сухой снег обещает хорошее лето.

МИР Серьезное

Дары морей и океанов

С Владимиром Николаевичем Кустовым я познакомился давно, когда он работал в Азовском морском пароходстве и плавал на углерудовозе. Каюту «деда», как на торговых судах традиционно величают старшего механика судна, украшали кораллы, раковины, всякие диковины.

Коллекционирование морских диковин — страсть Кустова. Будучи где-нибудь в Индии или в Югославии, на Кубе или в Италии, Владимир Николаевич в свободное от вахты время буквально пропадал в воде: выискивал ежей или морские звезды. Капитан ворчал на Кустова:

— Вы доплаваете, пока ногу не отхватит акула...

Но моряк был осторожен. Возвратясь с трофеями к себе в каюту, он, вооружившись лобзиком или ножом, создавал для судовых модниц украшения. Из кораллов появлялись брошки или сережки...

Однажды Кустов поймал на удочку змею. Она переплелась с леской, и стояло огромное труда обезопасить себя от ее укуса. Когда Владимир Николаевич схватил змею за голову и пинцетом стал удалять ее опасные зубы, индусы, наблюдавшие эту картину с берега, путаясь в своих балахонах, бросились враспыную...

У берегов Кубы, среди сотен рыбешек, в руки ему попался причудливой формы камень. Затем полку его морского уголка в каюте украсил чудесный веер-коралл.

Страстью своей Владимир Николаевич заразил и других моряков, они помогают ему пополнить уникальное собрание чудес подводного мира.

Конечно, не только рыбы чучела и моллюски, раковины и морские звезды было занятием старшего механика. Работа машинной команды на судне не проста и нелегка...

Сейчас Кустов плавает стармехом на теплоходе «Полоцк». И там у него уже есть последователи и помощники в его хобби — друзья-моряки, несущие трудовую вахту вдали от родных берегов. Вернется

НА ЛАДОНИ

с курьезным

Владимир Николаевич из рейса — и в его квартире, в Астрахани, рядом с пепельницами из кокосового ореха, рыбьими тучелами, акульными зубами появятся какой-нибудь новый экзотический экспонат...

Б. СЛУЧАНКО

Жук-кипятильник

Около ста лет назад в Колумбии был открыт жучок... Защищаясь от врагов, усердный «артиллерист» звучно выбрасывает струйку пахучей жидкости. Если она попадает на кожу человека, он ощущает ожог. Думали: это органическая кислота.

И только в наши дни было открыто удивительное свойство этого редкого представителя мира насекомых. Оказалось, что у драхинуса три камеры. В одной из них содержится хиноподобное вещество, а в другой — перекись водорода и вода. В третью камеру эти вещества поступают по каналу и смешиваются там с ферментом, мгновенно окисляющем химические соединения. Термодинамический расчет показал, что при этой реакции должно выделяться много тепла.

Мускульный клапан жучка сжимается и выбрасывает парообразную смесь наружу. Ее температура достигает ста градусов! Пар создает дополнительную «реактивную» силу выбрасываемой струи. Драхинус — единственное существо, способное производить в своем теле кипящую жидкость...

Н. ЗАЙЦЕВ

Почему — роза ветров?

«Розой ветров» называют график распределения повторяющихся различных направлений ветров по основным румбам.

Как и куда дуют ветры — для мореходов парусного флота этот вопрос нередко был вопросом жизни и смерти. Еще две-три сотни лет назад не только подавляющее большинство матросов, но и часть капитанов были неграмотными. Рисунки помогали рулевым правильно определять нужные направления — рум-

бы. На картушках компасов со времен средневековья и до начала прошлого века часто можно было увидеть стилизованные изображения цветов, животных, многочисленных святых во главе с Иисусом Христом и Девой Марией. Кстати, разнообразные, часто фантастические рисунки на картах либо дополняли, либо заменяли логии.

С тех пор «роза ветров» и получила свое название.

Современные морские карты менее живописны, зато гораздо более точны. Изображения цветов ныне исчезли с картушек компасов. Вернее, почти исчезли: нет-нет, да и попадется рисунок лилии, которой по традиции обозначают норд — север...

В. ПУРОНЕН

Пассажирские дирижабли

Приурочив это событие к годовщине катастрофы дирижабля-гиганта «Гинденбург», в водородном пламени которого 50 лет назад погибли 36 человек, англичане открыли в США пассажирские рейсы новых воздухоплавательных аппаратов. Современные 60-метровые дирижабли «Скайшип» построены из пластических масс и синтетических материалов, наполняются инертным газом гелием, который не горит. С восемнадцатью пассажирами на борту каждый из них будет совершать обзорные плавания над землей продолжительностью 60 минут в районе международного аэропорта города Окленда.

Нашествие морских звезд

Большой Барьерный риф, протянувшийся почти на две тысячи километров вдоль восточного побережья Австралии, уже два десятка лет подвергается нападению морских звезд. Звезды пожирают образующие риф кораллы, превращая целые участки Большого Барьерного в подводную пустыню.

Ни один из многочисленных способов борьбы со звездами, предложенных специалистами, пока не дал сколько-нибудь заметного результата. А ведь применяли и защитные сети, и ловушки, и даже инъекции ядовитых веществ... В то же время сами люди — любители подводной охоты — почти повсеместно истребили крупных рыб, моллюсков, которые могли бы остановить беду, — морские звезды были их пищей.

По следам «Малыша»

Таинственные следы — словно прошлепал босой ребенок — встречали иногда чабаны на плато Устюрт (Казахстан). И вот наконец сотрудникам Устюртского заповедника удалось увидеть неизвестного: в одной из нор они нашли медоеда.

Этот зверек, очень похожий на барсука (еще его называют собако-медведем), — очень редкое животное. Медоед записан в Красную книгу. Его прародина — Индия.

На территории Казахстана медоед обнаружен впервые.

Грязь с неба, песок с градом...

Над Лусакой (столица Замбии, южная Африка) в этом году пронеслась песчаная буря... с градом. Следом обрушились ливневые дожди...

А в Амурской области прошел совершенно необычный дождь. В полдень стало темно, словно в поздние сумерки. Из бурой тучи над головами людей полилась... грязь. Метеорологи объяснили: горела прошлогодняя трава, в небо поднялась масса пепла. Когда циклон вынес ее в холодный фронт, на землю обрушились мутные потоки.

По курсу взлета — рыба!

То, что самолеты нередко сталкиваются в воздухе с птицами, — известно. Иногда это приводит к авариям. Крупные аэропорты устанавливают сложную и дорогостоящую систему для отпугивания пернатых...

Лайнер «Боинг-737» при взлете в аэропорту города Джуно на Аляске столкнулся... с крупной рыбиной. К счастью, повреждения оказались незначительными. Как выяснилось, и здесь не обошлось без птицы, но... рыбину нес в когтях орел, пролетавший близ взлетной полосы в момент разбега «Боинга».

Львы на службе

Обоняние у львов, как утверждают ученые-зоологи, значительно более острое, чем у собак. Полицейские Каракаса (Венесуэла) обучили распознавать запах наркотиков двух львят, чтобы те помогали специалистам по выявлению контрабандных партий зелья.

Тигры размножаются

Не прошло и пятнадцати лет с начала осуществления в Индии проекта «Тигр», а количество этих животных в заповедниках страны достигло 1120 — увеличилось более чем на 750...

Все чаще появляются тигры и на юге советского Приморья. Встречи с ними, случается, для человека заканчиваются печально. Поэтому решено часть зверей переселить в глухую тайгу, на север. Первый уссурийский тигр переселен недавно с помощью различных транспортных средств, а в конце — и с помощью вертолета в Сихотэ-Алинский заповедник.

Сверх, сверх, сверх...

Шесть тысяч лет работает человек с металлом. Неудержимо растет мощь пресов, штампов. И вот уже давление перевалило за миллион атмосфер. Из металла, как из глины, выдавливают изделия сложнейшей формы. Сверхвысокое давление превращает графит в алмазы. Вот-вот газообразный водород под невыслышимым сжатием превратится в металл — и произойдет еще одно чудо: рукотворный металл при комнатной температуре станет сверхпроводником...

Сегодня человек научился выдавливать детали из фантастически твердых и хрупких металлов — вольфрама, молибдена. А каждый последующий шаг все сложнее, все неизведанней. И все же пройден еще один рубеж. В лабораторных условиях получено давление, равное сжатию вещества в центре Земли... Это не только поиск: сверхвысокое давление уверенно вошло в промышленность. Сегодня гидроэкструзия позволяет получать высококачественную

сталь и несравненно более стойкий режущий инструмент. Сверхвысокое давление сваривает металлы, разрушает крепчайшие породы.

На пути в промышленность еще одно «сверх» — сверхпроводимость. Уже создана полупромышленная установка сверхпроводящего кабеля. Немыслимо, но проводник не имеет электрического сопротивления; если из такого материала сделать кольцо и навести в нем электрический ток, то он будет в нем течь годами...

Сверхнизкие температуры... Температура, близкая к абсолютному нулю, создала сверхпроводники. Глубокий холод разделяет газовые смеси; полученный этим же методом кислород делает производительным доменный процесс. Без сверхнизких температур не загорятся лампочки у нас в квартирах, замолчат телевизоры. Инертные газы аргон и неон применяются в производстве радиоламп, осветительных ламп. Сверхглубокий холод работает в машиностроении — помогает собирать тяжелые и очень точные изделия.

Но, конечно, одним из главных «сверх» следует назвать сверхматериалы. Основным параметром здесь, как известно, является прочность. Почему так прочен бамбук? Отчего так крепки кости животных? Исследования показали, что у этих природных материалов жесткий каркас и мягкая соединительная ткань. Значит, решение проблемы надо искать здесь. И были созданы так называемые композиты. Например, один из них имеет удельный вес алюминия, а прочностные характеристики — стали. Создано стекло, выдерживающее удар молота. А рекорд прочности принадлежит так называемым усам — нитевидным кристаллам. Пока их размеры невелики — до десятка микрон. Но завтра... Завтра они встанут на службу человеку, чтобы затем... уступить место новым «сверх».

Я. МАССОВИЧ

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Многие материалы десятого номера посвящены истории, сегодняшней жизни, современным проблемам Урало-Сибирского региона. Открывается октябрьская книжка «Уральского следопыта» беседой с писателем, членом редколлегии нашего журнала В. П. Астафьевым. Вспоминает те два десятка лет, что прожил он на Урале, Виктор Петрович с болью и гневом говорит о губителях природы, о нынешних экологических проблемах родного ему Красноярского края, где он сейчас живет и борется за сохранение всего живого на Земле. Эту тему продолжают «Северные монологи», записанные Галиной Федоровой в Тюменской области. Руководители различных организаций, осваивающих природные богатства Западной Сибири, рабочие, ветераны и молодежь размышляют о своем участии в жизни нефтегазосного края, критически оценивая свою роль истинных хозяев на этой земле. О защитниках природы истинных и мнимых — и очерк Майи Быковой «Три ступеньки в мир тайги».

«Горные богатства Сибири представляются совершенно необъятными» — этот вывод В. И. Ленина оказался пророческим. О несметных богатствах полезных ископаемых Сибири рассказывает ученый из Читы, член-корреспондент Академии наук СССР Ф. П. Кренделев.

На XX съезде комсомола отмечалась острота многих молодежных проблем. Как помочь молодым в их решении — пример показывает Братск. Ценным опытом делится в статье «Молодежная пятiletка» секретарь Братского горкома КПСС Г. С. Терина и председатель постоянной депутатской комиссии по делам молодежи Братского Совета народных депутатов, ветеран уральского комсомола Е. П. Верещагин. Об участии челябинского комсомола в строительстве БАМа — очерк А. Ляпустина «Задачи не из учебников».

400-летию «столяного града Сибири» посвящаются корреспонденция директора Тобольского музея-заповедника А. В. Малышкина и фотокomпозиция Игоря Горячева. Постоянный автор журнала краевед Аркадий Карякин расскажет и покажет памятник Ермаку.

Любители художественной литературы прочитают в десятом номере «Следопыта» повесть Анатолия Петухова «Без отца», рассказ Артура Конан Дойла «Влиятельный клиент», три фантастических рассказа томича Михаила Орлова, поэму Александра Чуманова «У меня есть Ленин».

В очередном путешествии по «Стране Топонимии» вы познакомитесь с названиями городов на севере Западной Сибири.

Заметки раздела «Мир на ладони» расскажут о факте из биографии Д. И. Менделеева, о продолжении опытов А. С. Попова в Сибири, дадут реперт русского сбитня.

Главный редактор: С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, Г. В. ИВАНОВ (зав. отделом прозы и поэзии), С. И. КАЗАНЦЕВ (отв. секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ю. А. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (заместитель гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, А. Н. СТРУГАЦИЙ.

Редакция: В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), В. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пиваев (художественный редактор), Ю. В. Шинкаренко, Н. А. Широкова (отдел публицистики и следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, г. Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (фантастики, прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 09.06.87. Подписано к печати 24.07.87. НС 11113. Формат бумаги 84×108^{1/16}. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отг. 10,08. Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 410 000. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 472. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

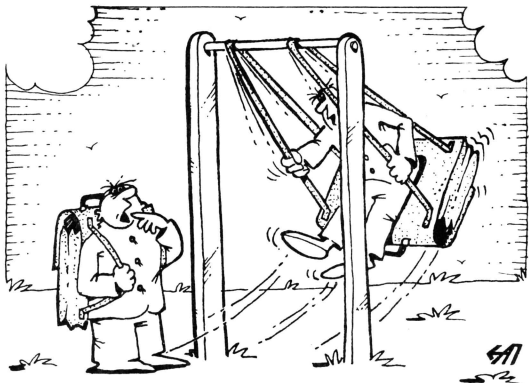
Станислав АШМАРИН

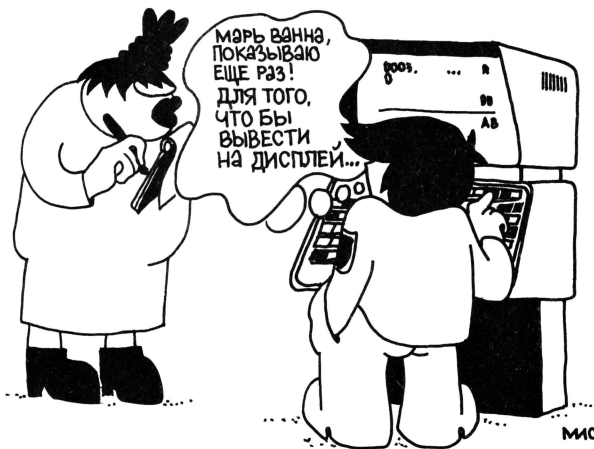
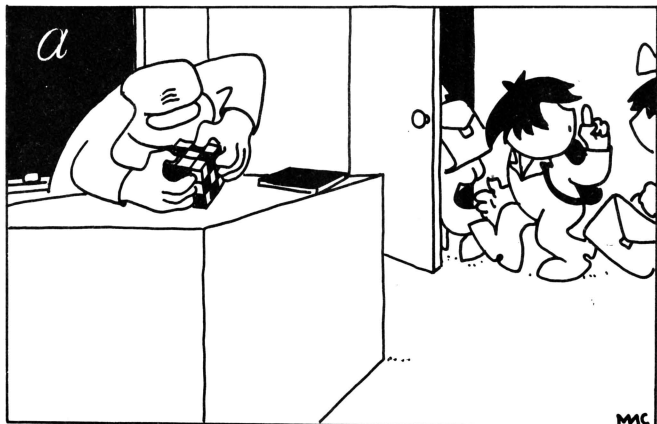
Александр ТИШУНОВ

Аркадий ПЯТКОВ

ММС

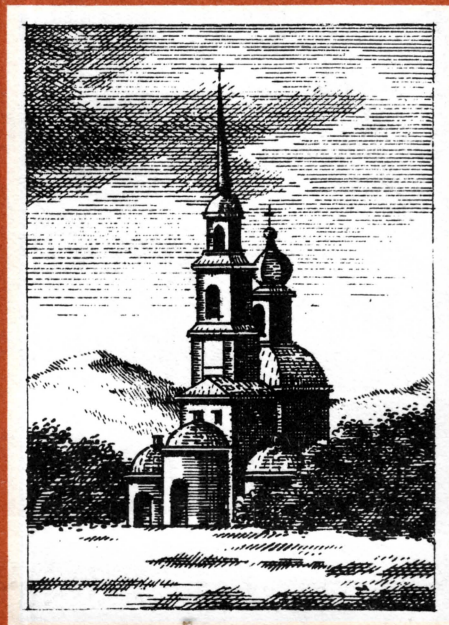

Михаил СЛОБОЖАНИН

ММС

4/2-10

КРАЕВЕДЕНИЕ - 88

РОДИНОВЕДЕНИЕ — активная форма познания мира и воздействия на мир. Это воспитание историей. Разве читая, например, фронтовые письма отца или деда, вы не становитесь мудрее, человечнее!

Открыть для себя свою «малую родину» — не это ли наше первое общественное побуждение! С него начинается человек как личность — гражданин, творец, искатель. Поощрить это стремление — узнать и рассказать — задача нашего журнала. Вот почему одну из самых популярных рубрик — «Краеведческая копилка» — редакция будет стремиться делать преимущественно читательской. Ждем больших и маленьких ваших открытий.

Журнал предлагает в новом году и новую рубрику — «ПАМЯТЬ». Мы намерены рассказывать в ней о памятниках нашего прошлого, которые могут, должны или уже «работают» на наш сегодняшний день; об энтузиастах истории и их подвижническом труде; об опыте возвращения памятнику его второй жизни. Как всякий новорожденный рубрика еще слаба. Но мы чувствуем ее необходимость, ждем поддержки авторов и читателей.

А вот рубрика «ПО БЕЛУ СВЕТУ» — старожил «Уральского следопыта». Она помогает нам увидеть самих себя в огромном, противоречивом и увлекательном мире нашей зеленой планеты. «Уральский следопыт» готов к новым пу-

тешествиям. В одном из номеров вместе с нашим автором Львом Скрягиным вы побываете в Дуврском проливе на печально знаменитых «мелях Гудвина» — пожирателях кораблей. Другое путешествие — с художником Анатолием Тумбасовым — совершите к истокам рек Камы и Ангары.

Наша постоянная рубрика «ТРОПОЙ ПОИСКА» приглашает вас в мир далекого и недавнего прошлого, еще полный тайн, загадок и «белых пятен». Приглашает узнавать, размышлять и спорить. Публикации рубрики в номерах будущего года познакомят вас с памятниками, стоящими на рубеже Европы и Азии; с революционеркой и деятельницей кино Н. Ф. Агаджановой, автором сценария фильма «Броненосец Потемкин»; с письмами замечательного советского поэта Павла Антокольского его уральскому адресату.

Будут предложены в новом году полюбившиеся читателям рубрики «ЮНОСТЬ ОТЦОВ», «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА», «СТРАНА ТОПОНИМИЯ». Наш давний автор Александр Матвеев познакомит вас со своими топонимическими изысканиями на Русском Севере, поможет заглянуть в историю названий его рек, городов и сел.

Новую подборку новелл о растениях предложил журналу Иван Беляев. Это будет тоже путешествие — только по лугу, в разнообразный мир трав.

Подписка на «Уральский следопыт» принимается «Союзпечатью» повсеместно, без ограничений.

Наш индекс 73413.

Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп.

Оформление 4-й страницы обложки Алексея Харитиди

Цена 40 коп. Индекс 73413

«Уральский СЛЕДОПЫТ», 1987, № 9, 1—353.